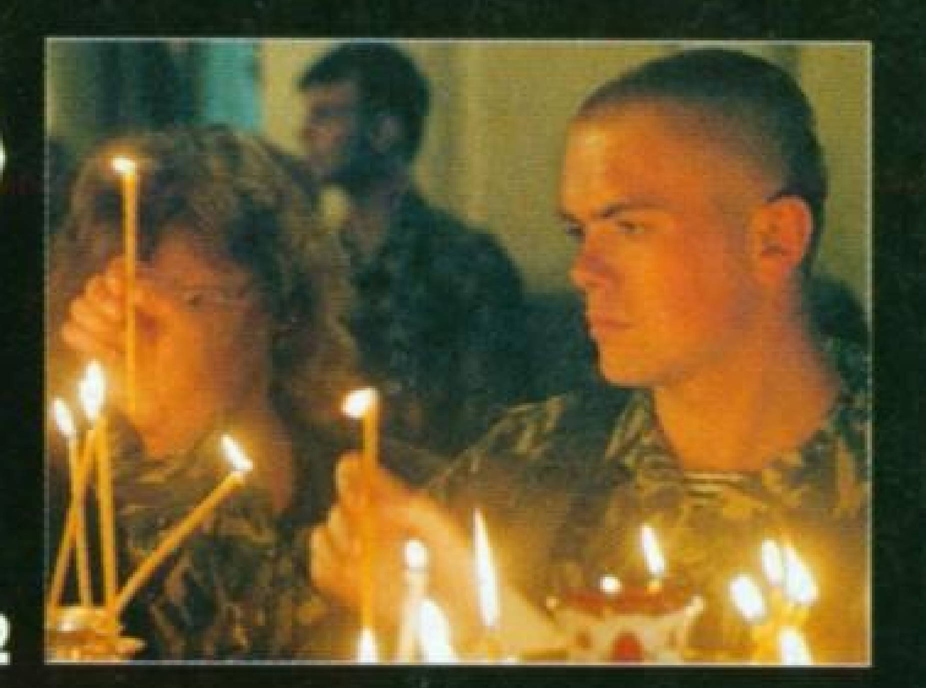

«ЧЕРНЫЙ АВГУСТ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ТРАГЕДИЯ В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ Стр.12

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 22 АВГУСТА 2000

www.itogi.ru

Итоги

ВМЕСТЕ С Newsweek®

10 лет назад горстка авантюристов-романтиков создала первое в России свободное радио Стр.32-40

Эпоха «Эха»

№ 34 (220)

Подписка на журнал **«Итоги»** принимается без ограничений по всей территории РФ. В розницу журнал распространяется в Москве и Московской обл., Санкт-Петербурге, Архангельске, Астрахани, Барнауле, Брянске, Владивостоке, Владимире, Волгограде, Вологде, Воронеже, Выборге, Екатеринбурге, Златоусте, Иванове, Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге, Кинешме, Кирове, Костроме, Краснодаре, Красноярске, Мончегорске, Мурманске, Нерехте, Н.Новгороде, Н.Тагиле, Новгороде, Новокузнецке, Новосибирске, Обнинске, Омске, Оренбурге, Орле, Пензе, Петрозаводске, Перми, Пскове, Ростове, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Смоленске, Сочи, Ставрополе, Сыктывкаре, Тамбове, Твери, Томске, Туле, Тюмени, Ульяновске, Ухте, Хабаровске, Челябинске, Шуе, Элисте, Ярославле; в странах СНГ: **Азербайджане, Арм**... **Белоруссии, Груз**...

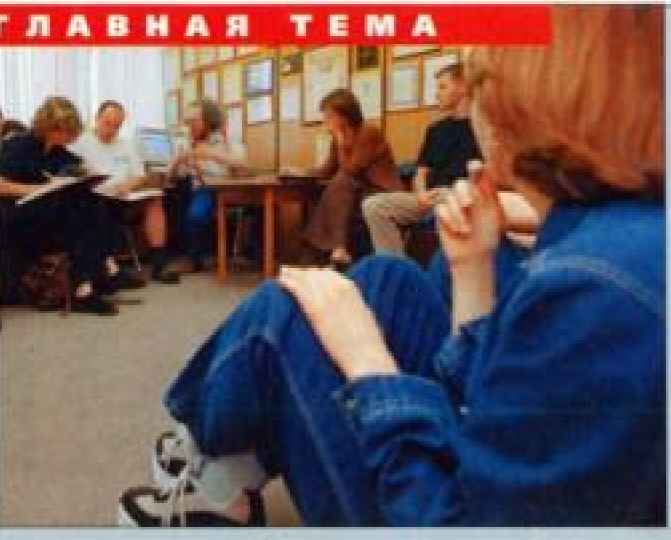
Потомок Фандорина
в современной Москве.
...агмент нового романа
Б.Акунина —
...впервые
...Итогах».
...50

Трагедия в Баренцевом море объединила нацию. Вся страна с надеждой вглядывается в телеэкраны, боясь пропустить очередное сообщение о судьбе покоящейся на дне подлодки. И рядом с этим – черствость и безразличие власти. Произнося все приличествующие моменту слова, чиновники думают лишь об одном: что будет потом, когда все кончится? **У президента же России люди – на третьем месте, после забот о сохранности ядерного реактора и военной техники.** **Стр. 12**

ГЛАВНАЯ ТЕМА

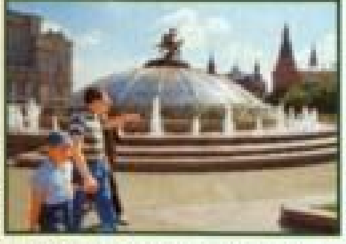
«Свободное радио для свободных людей» — под таким девизом десять лет назад вышла в эфир радиостанция «Эхо Москвы». Это был не просто рекламный слоган, а концепция. Сегодня радиостанцию слушают почти в 70 городах России, она ведет вещание в Интернете. При этом «Эхо» было и остается «разговорным», по-прежнему стремится первым сообщить о событиях и представить все точки зрения. **Стр. 32—40**

Подводя итоги прошедшего тысячелетия и намечая пути своего развития в следующем, **Архиерейский собор Русской православной церкви пока сумел разрешить только одну проблему — канонизации последнего русского царя.** **Стр. 42**

ВОТ УЖЕ СТО ЛЕТ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ПРИЕЗЖАЕТ В ПАРИЖ, **ЗНАКОМСТВО С ГОРОДОМ ЧАЩЕ ВСЕГО НАЧИНАЕТСЯ С МЕТРО** СТР. 22

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОСКВЫ РАЗРЕШИМЫ. ПОСЛЕ ОТСТАВКИ МЭРА СТР. 27

В РОССИИ

ВОКРУГ РОССИИ

ДЕЛО

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ФЕСТИВАЛЬ В ЗАЛЬЦБУРГЕ: МОЦАРТ, МОЦАРТ И ЕЩЕ РАЗ МОЦАРТ СТР. 58

ОБЩЕСТВО

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА

БИБЛИОТЕКА

ИСКУССТВО

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК

... И КРОМЕ ТОГО

На обложке фото **Павла Горшкова, AP**

Смесь французского с северокорейским

ИСТИНА В ВИНЕ. ПОЖАЛУЙ, ТАК СЛЕДОВАЛО БЫ ПОДПИСАТЬ фотографию «любимого руководителя» северокорейского народа Ким Чен Ира с бокалом в руке, обошедшую на прошлой неделе российскую прессу. Судя по всему, коммунистический Ким взял на вооружение тезис: «Ни месяца — без сенсации». Напомним, что 19 июля он доверительно сообщил российскому президенту Владимиру Путину о готовности Пхеньяна свернуть свои ракетные программы. Именно эта благая весть, принесенная с Корейского полуострова, окончательно расположила к Путину его западных коллег на встрече «большой восьмерки» на Окинаве.

И вот спустя ровно четыре недели пребывающий в прекрасном расположении духа Ким Чен Ир на обеде с южнокорейскими журналистами за бокалом французского вина (как выяснилось, это любимый напиток вождя) возьми да и скажи, что, беседуя с Путиным, он пошутил. Пхеньян вовсе не собирается сворачивать строительство ракет и рассчитывает продавать их Сирии и Ирану. Зачем же резать курицу, несущую золотые яйца!

Разброс мнений, высказанных по поводу эскапад Ким Чен Ира российскими газетами, свидетельствует о том, что никто так толком ничего и не понял. Как иначе объяснить, что одни и те же факты получили противоположное трактование: кто-то счел, что Москва села в лужу, а кто-то умудрился не отказать Путину в прозорливости. Дескать, он вовсе не принимал слова Ким Чен Ира за чистую монету, а только делал вид, что принимает. Однако если это так, то какую игру он тогда вел на Окинаве?

Как бы то ни было, газеты тонут в клозетах, уносимые водоворотом большой политики. И над ним, как легкое облачко, которое нельзя поймать рукой, витает «шутка Ким Чен Ира». Главный вывод из всей этой истории — осторожней с диктаторами! С ними не может быть никакого доверительного диалога. Они любят и слышат только себя. И используют всех — от своего ближайшего окружения до международных «друзей» — в собственных целях. Не говоря уже о рабски покорных им народах. Продадут, купят и перепродадут с потрохами. Потому что иного пути выживания в современном мире у этих динозавров нет. Запад вовсе не пытается их очеловечить, а проводит по отношению к ним политику кнута и пряника, рассчитанную на обуздание исходящей от непредсказуемых режимов угрозы. Но у России — в этом-то сегодня ее принципиальное отличие от Запада— ни кнута, ни пряника нет.

И все-таки как же получилось, что один сказал, а другой не понял? Просто и Путину, и Киму (каждому по своим соображениям) тогда, накануне Окинавы, очень нужна была сенсация. Сенсация — это как таблетка нитроглицерина для сердечника: на очень короткое время возвращает дееспособность. Но болезнь не проходит. Между тем сенсация не живет долго. И та, июльская, — это уже сенсация вчерашнего дня. А новая, отрицающая прежнюю, — то что Ким Чен Ир обедает с южнокорейскими редакторами и говорит при этом, что в июле пошутил.

Нет, лучше все же не запивать французским вином корейскую морковку. ■ **Сергей Строкань**

Суперморальная полиция

В ПОСЛЕДНЕМ ЭТОГО ГОДА ИЗДАНИИ «Руководства по несению службы в Департаменте полиции Нью-Йорка» стражам порядка запрещается просматривать в служебных помещениях теле- и видеопрограммы эротического содержания, а также печатные издания типа Playboy или Penthouse. Основной целью запрета является устранение предпосылок для «дискриминации и домогательств на рабочем месте». Этим же документом предписывается выявлять тех, кто с рабочего компьютера посещает интернетовские порносайты. Исключение в просмотре откровенных материалов делается лишь в том случае, если «это необходимо в рамках задокументированного, официального расследования».

Кабаны отомстили охотникам

НА НЕБОЛЬШУЮ ДЕРЕВНЮ, РАСПОЛОЖЕННУЮ в западной части острова Ява, напали кабаны. Около 200 разъяренных животных спустились с гор и поначалу бросились на сельскохозяйственные поля, нанеся им огромный ущерб, затем начали крушить дома, сметая и ломая все, что попадалось им на пути. В результате были тяжело ранены двое жителей поселка, практически уничтожены огороды и приусадебные постройки. А началась атака после того, как местные охотники убили нескольких вепрей. Стадо начало преследовать обидчиков и так дошло до деревни. «Демонстрацией солидарности с собратьями» назвала это происшествие индонезийская газета «Джакарта пост».

В Западный Берлин опять не пускают

НОВЫМ АТТРАКЦИОНОМ ДЛЯ ТУРИСТОВ отметил Берлин 39-летие строительства стены, разделившей в 1961 году на советскую и западную зоны немецкую столицу. На днях по решению городских властей вновь открылся «чекпойнт Чарли» — знаменитый контрольно-пропускной пункт на Фридрихштрассе (инцидент на этом КПП, когда в октябре 1961-го гэдээровцы не пустили американцев в восточную зону, поставил мир на грань новой войны: несколько дней советские и американские танки стояли друг против друга). Воссоздание реликвии обошлось в 200 тыс. марок, однако власти не жалеют о вложенных средствах — на церемонию открытия уже явилось несколько сотен туристов. Сегодня берлинцы считают, что слишком поторопились, в одночасье уничтожив почти всю стену, в том числе те ее участки, близ которых при попытке вырваться на Запад погибли люди. «Здесь творилась история, и я хотел показать, как это было», — говорит 85-летний Райнер Гильдебрандт, основатель музея на «чекпойнте Чарли». ■

Барби — чемпион

ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА ОЛИМПИАДЫ В Сиднее на прилавках магазинов игрушек Австралии появилась кукла Барби в облачье серебряного призера Олимпийских игр. Новая Барби стоит 17 с половиной американских долларов и может быть одета в спортивные костюмы Австралии, Канады, Испании, Франции и Италии. Почти на десять долларов дороже другая кукла-спортсмен, Бекки. Она ведь, золотой призер, правда, не Олимпиады, а Параолимпийских игр, которые проводятся среди инвалидов и состоятся 18 — 29 октября. Бекки продается в комплекте с инвалидной коляской, бутылкой с водой, противоударным шлемом и, конечно же, щеткой для волос.

Средство от болтовни

В АРГЕНТИНСКОМ ГОРОДЕ ЛА-ПЛАТА прошло служебное расследование в отношении учительницы одной из местных школ. Во время подготовки к очередному празднику женщина, отчаявшись навести порядок среди 70 находившихся под ее началом семилеток, заклеила им рты липкой лентой. Школьное и вышестоящее начальство расценило это как издевательство над учениками. Однако с этим не согласились некоторые родители. Они считают, что только так и можно было утихомирить их шумных и беспокойных отпрысков. ■

ПЛАТИШЬ 25 ДОЛЛАРОВ И ИГРАЕШЬ В БАСКЕТБОЛ ПРАКТИЧЕСКИ КРУГЛЫЕ СУТКИ. ИМЕННО СТОЛЬКО СТОИТ **МЯЧ С ВМОНТИРОВАННОЙ В НЕГО БАТАРЕЙКОЙ И ЛАМПОЧКОЙ,** КОТОРАЯ ОСВЕЩАЕТ СФЕРУ ИЗНУТРИ

Регистрация в рай

БОГ КЛАНА БУКУСУ ПЛЕМЕНИ ЛУХЬЯ не пускает необрезанных в рай. На западе Кении и в соседней Уганде тысячи 12-летних подростков проходят в августе операцию обрезания. За день до операции на мальчиков надевают бычью плоть

с членом и семенниками быка, чтобы показать божеству их явные мужские достоинства — бог букусу иначе не разглядит. Потом мальчишек окунают в холодную воду и вымазывают грязью с ног до головы. Сама операция длится не более двух минут.Подростки выносят ее, даже не моргнув глазом. Однако врачи бьют тревогу — нестерильность и использование одного и того же ножа для десятков юношей — все это повышает риск распространения различных болезней, в числе которых и СПИД. Но ничто не может остановить букусу: их бог не терпит анестезии и прочих компромиссов.

Двойное охлаждение

ДО ЧЕГО ГОРЯЧИЕ ПАРНИ эти мастера американского футбола! Адреналинит их перед схваткой, кровь кипит. Видимо, игроки команды «Цитадель», готовившиеся к матчу в городе Чарлстон (Южная Каролина), настолько перевозбудились перед игрой, что вынуждены были забраться в холодильную камеру, чтобы немного успокоить нервы. Все-таки американский футбол, как известно, «джентльменская игра для хулиганов». Совсем уж впадать в раж не стоит. А может, просто жара виновата...

Когда музыка не в радость

ЧЛЕН БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА Роберт Ки выступил с законодательной инициативой, которая и у нас в стране многих не оставила бы равнодушными. Он предложил запретить музыкальные трансляции в общественных местах, где люди вынуждены находиться в силу обстоятельств, — в больницах, на железнодорожных вокзалах и т.д. Роберт Ки аргументировал это тем, что «принудительное» прослушивание, скажем, битловской «Пенни Лейн» не только многих раздражает, но, оказывается, может вызывать существенное повышение кровяного давления и ослабить иммунную систему. Впрочем, те из наших соотечественников, кто привык ездить в поездах и автобусах дальнего следования под «Подмосковные вечера» и подниматься в больнице под гимн Советского Союза, давно уже об этом догадывались. ■

Лучшие анекдоты недели

с сайта www.anekdot.ru

ТРОЙКА ЛУЧШИХ АНЕКДОТОВ САЙТА WWW. ANEKDOT. RU СОТРУДНИКАМ «ИТОГОВ» в принципе понравилась, но первый занял бы почти целую страницу журнала, и мы публикуем второй, более короткий и, на наш взгляд, ничуть не уступающий первому. И следом — из чувства «солидарности» — печатаем историю, занявшую второе место во внутриредакционном опросе.

1. Сидит в тюрьме аферист. И вот однажды он услышал, что один миллионер попал в аварию и ему нужна очень редкая группа крови, и тот, кто поможет, получит миллион. У этого чудака как раз такая же группа. Привезли его в больницу, положили на кровать рядом с миллионером, ввели иглу в больного и должны уже ввести в этого афериста. Вдруг он как закричит:

— Стоп, деньги вперед!

— Да послушай, — говорит ему врач, — он не будет тебя обманывать.Он человек слова.

— И все равно деньги вперед. Может, он и честный, но я свою кровь знаю, если сейчас перельем, фиг он мне заплатит.

2. Француз у русского спрашивает:

— Скажите, вот почему мы, французы, свою столицу зовем «Пар-р-и-и-и», а вы, русские, «Пари-ж-ж-ж»?

Русский отвечает:

— Да у нас все через ж-ж-ж...

По информации «Итогов», РИА-Новости, REUTER, AP
ФОТО AP, REUTER, EPA, EAST NEWS/PPCM

1000 ЛЕТ ОЗАРЕНИЙ

Запчасти для человека

Сергей Иванов

Искусственные зубы и даже челюсти, стеклянные глаза и ножные протезы были известны в древнем мире. Они с той или иной степенью правдоподобия имитировали вид соответствующей части тела, но такая многофункциональная вещь, как рука, в античности не воспроизводилась — вместо нее на культю иногда прикрепляли крюк.

Первый протез руки, у которого могли чуть шевелиться пальцы, был изготовлен в 1509 году для немецкого рыцаря Гетца фон Берлихингена, прозванного Железная рука. Однако истинным отцом протезирования по праву считается Амбруаз Паре.

Сын лакея из Лаваля, Паре не получил медицинского образования. Он начал свою карьеру подмастерьем у брадобрея, а значит, и хирурга. В 1536 году Паре отправился врачом на войну и через девять лет снискал себе широкую известность, совершив революцию в полевой хирургии. Тогда считалось, что от огнестрельного ранения в теле образуется особый яд, который можно побороть лишь кипящей ольховой смолой; в результате такого лечения многие раненые умирали от болевого шока. Однажды у Паре во время сражения кончилась эта смола, и он стал на свой страх и риск обрабатывать раны самодельным снадобьем из яичного желтка, розового масла и скипидара. Эффект превзошел все ожидания: никакого яда не оказалось, и раны затягивались. Второй переворот был совершен Паре в области ампутаций. Тогда принято было прижигать культю для остановки кровотечения — а он начал практиковать наложение жгутов. Слава гуманного доктора разнеслась широко, и в 1554 году он, несмотря на противодействие консервативной Сорбонны, стал членом медицинской Коллегии св.Косьмы.

Не зная латыни, Паре популяризировал свои методы лечения в книгах, написанных по-французски. Это неслыханное для врача святотатство еще больше поссорило его с официальной медициной, но одновременно еще выше вознесло и его популярность. Паре стал личным хирургом последовательно нескольких французских королей: Генриха II, Франциска II , Карла IX и Генриха III. Немало трудностей имел Паре также и по причине своего вероисповедания: он был гугенотом, и во время Варфоломеевской ночи в 1572 году доктора спасло лишь то, что король спрятал его у себя под кроватью.

СЛЕВА НАПРАВО: ПРОТЕЗ РЫЦАРЯ ГЕТЦА — ЖЕЛЕЗНОЙ РУКИ; ИСКУССТВЕННАЯ РУКА, ИЗГОТОВЛЕННАЯ АМБРУАЗОМ ПАРЕ; СОВРЕМЕННЫЙ ПРОТЕЗ

Став из военного врача гражданским, Паре не оставил новаторских экспериментов: он придумал лечить инфицированные ожоги луковым отваром; научился оперировать грыжу, не оскопляя пациента, как это было раньше; изобрел новые шины для переломов и т.д. Но главным его достижением стали протезы руки.

Сначала Паре решил, что, коль скоро невозможно угнаться за природой, нужно попытаться сымитировать важнейшие функции руки: например, ставшему инвалидом писцу он изготовил протез со специальным держателем для пера. Однако к концу жизни доктором овладел дерзкий замысел воспроизвести руку во всей ее сложности. Внимательно изучив анатомию человеческой кисти и опираясь на современные ему достижения механики, Паре соорудил искусственную руку с пальцами, каждый из которых умел шевелиться по отдельности, приводимый в действие сложнейшей системой микроскопических шестеренок и рычажков. Паре любил говорить: «Лечит Бог — я только перевязываю раны». Однако в сфере протезирования он, безусловно, вступил в соревнование с Творцом: его протез стоял ближе к нынешним «миоэлектрическим» чудесам, нежели к деревянной ноге капитана Сильвера. ■

ЛЮКС-МИЛИТЭР

Война невидимок

Иван Варшавский

Достали американы! «Стелс», «Стелс»... Да если хотите знать, в нашем «ящике» местные умельцы эту самую невидимость давным-давно разработали. Вот только что стоял на полосе бомбардировщик — вот только вчера! — а сегодня уже нет. То есть на самом деле он тут, но никто его не видит, ни так, ни на экране. Потому что — технология.

Но это еще не все. Наши сообразили — ну ладно, сам бомбер невидим, а вооружение? Пустит ракету — тут его, голубчика, враз и засекут! Значит, надо, чтобы, пока она до цели не долетит, никто эту ракету не видал и не слыхал. Помучились, но сделали — ни самой ракеты не видно, ни огненного хвоста, в полете не воет и даже тепловая головка самонаведения ее не берет.

В прежние годы, еще до афганских басмачей и чеченских бандитов, вероятный противник у нас значился такой, что за каждым голенищем у него по компьютеру. Шарахнет, например, наша невидимая ракета в объект — сейчас же их видеомонитор картинку попадания схватит, компьютер быстренько рассчитает, куда наш самолет за это время ушел, возьмет упреждение и — пиши родителям. Нет, так тоже не годится. Надо, чтобы и после попадания в цель никто ничего не засек. Невидимка — так невидимка!

Это, конечно, сложнее оказалось. Маршал Устинов, царство ему небесное, раз двадцать приезжал, смотрел — все никак не мог взять в толк, как же это «цель поражена», если вот она стоит, целехонькая. Спасибо, нам смежники программу визуализации результатов сделали. На экране цель так лихо в куски разлеталась, что он похмыкал, покивал головой и все подписал.

Потом, правда, еще всякие приставали, особенно насчет приемки — покажи да покажи. Пришлось специальное решение военно-промышленной комиссии пробить, чтобы разрешили принимать без осмотра. Что-что, а это тогда было — если надо для обороны, значит, надо. Зато потом заводы за производство комплектующих для нашего изделия прямо дрались, одни только боеприпасы два разных КБ разрабатывали. Когда Горбачев пришел, у нас уже четыре единицы готовых было, еще и показать ему успели. То есть в смысле — площадку показать, где они стояли.

Ну, потом сами знаете — сначала с конверсией все лезли, потом и вовсе оборонный заказ под нож пустили. Генеральный еще пытался что-то сделать, каких-то денег добыть. В 95-м повезли один экземпляр в Дубай — арабам продавать. Только там тоже загвоздочка вышла: на компьютер наземного контроля бедуины и смотреть не стали. Софт-то у нас, ясен перец, весь русский, под их крючки адаптировать никто не почесался. Да это и не так просто — надо командную строку в другую сторону пускать по законам арабской грамоты. А в натуре, конечно, ничего не видно, как стояла цель, так и стоит. Генеральный потом на совещании коммерческого директора крепко пушил. А мы же видим: сам-то чуть не сияет, даже ростом вроде повыше стал — рад, что такая вещь из страны не уйдет.

Только года не прошло, как мы генерального схоронили — инфаркт. Тут уж вовсе народ разбрелся кто куда. Я тоже тогда ушел. Думал: все, амба.

А месяц назад захожу к ребятам на работу, смотрю — у них на мониторе какие-то бородатые мужики мешки в «КамАЗ» грузят, а наши, понятное дело, отслеживают. Что, спрашиваю, систему охраны овощебазы подрядились разработать? Они смеются: это, мол, ваххабиты. А что ж, говорю, вы их не ликвидируете? А мы, говорят, их уже ликвидировали. Больше месяца назад. Как раз на них четвертое поколение «невидимки» испытали. Только они этого еще не знают. ■

ОТРАЖЕНИЕ

Криминальное чтиво

Вера Зверева

Когда моя знакомая журналистка в начале лета уезжала из Москвы в Крым создавать очерк о проблемах этого прекрасного полуострова, начальство снабдило ее следующим напутствием: «Ну, чем сейчас живет Крым, сама знаешь: рост националистических настроений, лозунги «Долой русских!». Несомненно, эти настроения сейчас усилятся в связи с наплывом курортников. Надо постараться встретиться с теми, кто уже сейчас готовит антирусские выступления, собирается забрасывать камнями приезжих. Вторая важная тема — это учителя, которые, несмотря ни на что, продолжают преподавать на русском языке. Разузнай через знакомых — вдруг они найдут тебе таких преподавателей, одного, а лучше двух или трех. Пусть расскажут о систематических угрозах, о бутылках с зажигательной смесью, которые летят им в окна, о том, что они готовы бросить все и уехать в Россию».

И вот наша русская путешественница прибыла в Крым и стала общаться с местными жителями. Осторожно, стараясь не слишком будоражить эти самые националистические чувства, заводила разговор, что, конечно, можно объяснить причины, по которым крымчане ненавидят русских, потом просила познакомить ее с каким-нибудь националистом-террористом.

Собеседники все как один начинали лезть на стену и чуть не плача повторять: «Нет у нас антироссийских настроений, демонстраций и националистических отрядов. Понимаешь — нет!» И братство народов тут ни при чем. Просто для всех, кто здесь живет, существует один Бог — курортный сезон! Задача каждого крымчанина — срубить за этот сезон как можно больше долларов, гривен или рублей. И любого, кто начнет готовиться к этому как-нибудь иначе — например, рисовать транспаранты «Русские — вон!», готовить бутылки с зажигательной смесью, — угомонят собственные же родственники. Все здесь заинтересованы только в одном — в абсолютном спокойствии. Поэтому и к поступкам родного украинского правительства, отключающего в санаториях свет и устраивающего заторы на государственной границе, здесь относятся с ненавистью. И русских учителей отсюда не выживают, потому что здесь почти все школы — русские. Тут настоящую украинскую школу трудно найти: полуостров-то поголовно русскоязычный.

«Но каждый год, — с горечью повторяли ее собеседники, — во всех уважаемых российских изданиях мы читаем о чуть ли не надвигающейся волне погромов. Сначала мы были уверены, что эти материалы проплачивают наши сочинские конкуренты. Но потом поняли — у них денег не хватит на такую массированную психологическую атаку. Почему в конце концов вас не интересует реальная жизнь Крыма?»

Это горестное «Почему?» очень напоминает возгласы, с которыми наши политики и журналисты постоянно обращаются к своим западным коллегам, упорно выбирающим из всей многообразной нашей жизни только две темы — мафию и проституток. Мы возмущаемся теми, кто эту информацию потребляет, и теми, кто ее производит. Однако, как выясняется, вполне способны воспроизводить тот же стандарт поведения, причем не только в отношении Крыма.

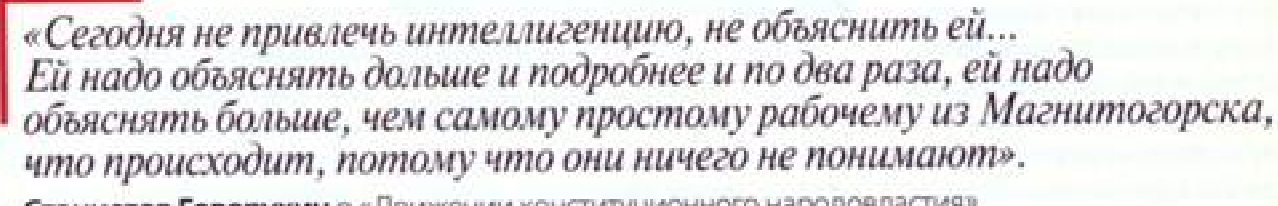
Но попадаются люди, которые способны смеяться над этими штампами. В известном фильме Тодда Солондза «Счастье» эмигрант из России знакомится с молодой наивной американкой. Девушка интересуется, чем русский богатырь занимался на Родине, Тот откровенно признается, что был связан с криминальным миром. «О-о, — протягивает американка, — ты входил в мафиозный клан!» — «Да нет, почему? — обиженно отвечает ее собеседник. — Просто воровал». ■

«Его не смущают и критические постановки вопроса, особенно если это конструктивно и хотят, так сказать, подсказать, как нужно делать... причем в такой в напряженной обстановке приходится решать, есть и просчеты, я понимаю это, но тем не менее вот этим путем идти и я себе не представляю»

Михаил Горбачев о Путине

«Окончательные выводы и окраску должны сделать следственные органы».

Валерий Шанцев, вице-мэр Москвы, о взрыве в подземном переходе

«Сегодня не привлечь интеллигенцию, не объяснить ей... Ей надо объяснять дольше и подробнее и по два раза, ей надо объяснять больше, чем самому простому рабочему из Магнитогорска, что происходит, потому что они ничего не понимают».

Станислав Говорухин о «Движении конституционного народовластия»

«К сожалению, пришлось посадить на скамью подсудимых виновных лиц».

Леонид Коротчик, начальник Управления государственной противопожарной службы ГУВД Москвы, о виновниках пожаров в городе

«Разумеется, мы как бы ни от чего не отказывались».

Илья Клебанов, зампредседателя правительства России, о зарубежной помощи в спасении экипажа затонувшей подлодки

«Мы закрыли 72 подземных перехода. То есть сделали все для того, чтобы максимально обезопасить граждан и исключить возможность совершения террористических актов. Вот коротко те результаты, которые мы имеем на сегодняшний день».

Василий Чемисов, заместитель начальника ГУВД Москвы

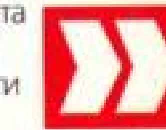
«В настоящее время никакого опасения в том, что какие-то члены избирательной комиссии любого уровня будут подкуплены масхадовскими долларами, тем более что они все фальшивые, у нас нет».

Абдул-Карим Арсаханов, председатель избирательной комиссии Чеченской Республики

«Мы считаем, что это все-таки Бараев, Закаев и Гилаев. Комбинации там различны, но могу сказать, что вот в ходе оперативной работы четко есть, подтверждают данные, что все эти три бандита практически ранены».

Вячеслав Тихомиров, главнокомандующий внутренними войсками МВД

«А то, что касается наших занятий, о наших результатах говорит то, что если выйдем на улицу, посмотрим — люди бегут, играют на спортивных сооружениях».

Павел Рожков, председатель Госкомитета по физкультуре, спорту и туризму, о деятельности своего ведомства

Слушал и записывал **Вова Белозерцев**

МПС: перевод стрелок

Последний динозавр социализма — министерство, совмещающее управленческие и хозяйственные функции, — наконец приговорен к смерти. Правда, не раньше чем через год.

На прошедшей неделе коллегия МПС рассмотрела концепцию реформирования министерства, предполагающую разделение его на две части: акционерную государственную компанию «Российские железные дороги» (РЖД) и собственно министерство. При этом все функции государственной исполнительной власти (в частности, тарифная политика) останутся в ведении МПС, а хозяйственные функции перейдут к РЖД.

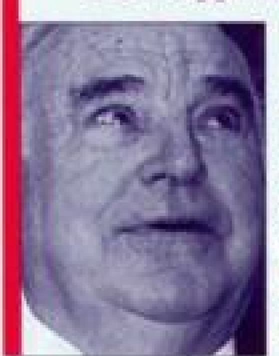
Проект концепции уже одобрен президентом и получил благословение экспертов Центра стратегических разработок, руководителей железных дорог и профсоюзов: министра подталкивали к реформе все, кто только мог.

Трудно было бы предположить, что глава МПС Николай Аксененко идет на преобразования с особой радостью. **Поняв, что МПС в нынешнем виде сохранить не удастся — оно будет преобразовано под его чутким руководством или без оного, — Аксененко возглавил движение по разработке концепции реформ**. Получившийся документ выдает намерения автора с головой: дабы сохранить контроль над всеми финансовыми потоками, Аксененко стремился так реформировать монополию, чтобы практически ничего не менять. Он не допускает мысли, что акции РЖД когда-либо могут быть проданы, и требует закрепить их на веки вечные в госсобственности, внеся соответствующие поправки в Конституцию (ведь такой формы, как акционерная государственная компания, в российском законодательстве не существует). Он также не приемлет путь, подсказанный чиновниками из Министерства экономического развития: создать на базе 17 железных дорог акционерные общества (по замыслу Аксененко они должны стать лишь филиалами РЖД, а не самостоятельными юридическими лицами). Министр собирается оставить МПС инфраструктуру — железнодорожные магистрали (ни одно министерство не владеет транспортными магистралями, они выделены в самостоятельные юридические лица).

Мало того, Аксененко хочет год потратить на разработку нового законодательства для реформы МПС, дабы не повторить ошибок приватизаторов. Что касается самой концепции, ее потребуется доработать с учетом высказанных другими министерствами замечаний. Правда, и здесь министр путей сообщения торопиться не хочет — подробный план реализации концепции может быть принят в декабре 2000 года.

Так что пассажирам пока рано радоваться: ни о какой конкуренции между перевозчиками в ближайший год говорить не приходится, так же как, видимо, и о снижении железнодорожных тарифов, которые к началу следующего года вырастут приблизительно вдвое. ■ **Н.К.**

Обвинители объединителя

На прошлой неделе немцы искренне сочувствовали своему бывшему канцлеру Гельмуту Колю. Опальный политик, чью репутацию сильно подорвала история о незаконном финансировании его партии, получил новый удар. Оттуда, откуда он его совсем не ждал. Приближается десятая годовщина единого германского государства, и Коль был уверен, что ему-то как канцлеру-объединителю уж точно предложат выступить в Дрездене с главным докладом на торжествах, которые состоятся 3 октября. Потому что его заслуги перед историей весомее, чем злоупотребления с какими-то жалкими двумя миллионами марок.

Но не тут-то было. В спорах о том, нужно ли давать слово Колю, взяли верх его противники. Их логика такова: Коль, конечно, объединитель, но ведь он и подследственный, покровитель мошенников, если сам не мошенник. И потом, а вдруг его выступление омрачит праздник — обернется новым громким скандалом и дополнительными демонстрациями протеста? Так что на торжественных мероприятиях присутствие бывшего канцлера пока не предусмотрено — ни в качестве почетного гостя, ни в качестве выступающего.

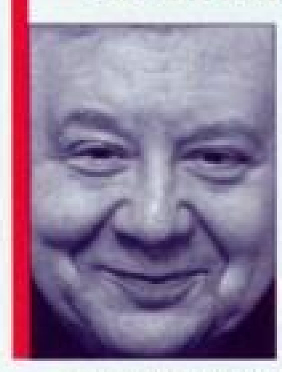
Масла в огонь подлило намерение организаторов дать слово Лотару де Мэзьеру (ХДС), последнему главе правительства ГДР, который был партнером Коля по объединительному процессу. Ведь у де Мэзьера есть свои проблемы: против него еще в начале 90-х были выдвинуты обвинения в активном стукачестве во времена ГДР. Доказать, правда, ничего не удалось. Причем именно Коль сделал тогда все, чтобы де Мэзьер смог уйти с партийных и государственных постов до того, как разгорится скандал.

Большинство членов ХДС/ХСС сочли замену Коля де Мэзьером необоснованной и уж, конечно, неравноценной. А часть ветеранов из партийного руководства и вовсе заявили о намерении бойкотировать торжества. Однако их организатор, саксонский премьер Курт Биденкопф, стоит на своем. Он твердо заявил, что в списке выступающих имя Коля не появится. Выступят президент ФРГ социал-демократ Йоханнес Рау, спикер парламента — также социал-демократ Вольфганг Тирзе, президент Франции Жак Ширак и Лотар де Мэзьер.

Правда, Биденкопф направил бывшему канцлеру личное приглашение принять участие в празднествах. Но в ответ Коль, поджав губы, сообщил, что как частное лицо в Дрезден не поедет. ■

Виктор Агаев

Жесткий юбиляр

Олегу Табакову исполнилось 65 лет. На прошлый свой юбилей он разослал многочисленным друзьям пригласительные открытки с изображением себя в младенческом возрасте в абсолютно натуральном, то есть голом виде. Теперь же никто подобных приглашений не получает не только потому, что шутку нельзя повторять дважды, но и по той причине, что нового руководителя Художественного театра попросту нет дома. Он ведет свою актерскую школу в далекой Америке.

Юбилей все же **будет отпразднован, но произойдет это несколько позже, в сентябре, когда Художественный театр откроет новый сезон, а Олег Табаков появится на сцене в премьерном спектакле «Любовные письма», где будет играть вместе с Ольгой Яковлевой. Публика в ожидании.**

Мхатовцы, впрочем, ожидают открытия театра с отчетливой тревогой. Дело в том, что, принимая МХАТ после смерти Олега Ефремова, новый руководитель недвусмысленно пообещал быть начальником достаточно жестким и нелицеприятным. Некоторые кадровые новшества уже известны. В частности, Табаков намерен вывести за штат всех режиссеров МХАТа, в театре будут работать лишь приглашенные постановщики. Ясно одно: балласта ни в труппе, ни в администрации он терпеть не будет. Поможет ли это спасти захиревший театр, пока сказать трудно. Так или иначе, Олег Павлович пообещал обеспечить пустующему МХАТу хотя бы три аншлага в неделю — именно это он считает своей программой-минимум. В руководимой им «Табакерке» с аншлагами всегда было все в полном порядке. Но одно дело маленькая подвальная «Табакерка», и совсем другое — вместительное здание с его двумя сценами, его партерами, амфитеатрами, балконами и буфетами. ■

Леонид Самоцветов

Спросите наши души

Для чиновников и военных сохранение лица оказалось важнее, чем борьба за жизни моряков. Таков первый итог трагедии в Баренцевом море

Сергей Авдеенко,
Дмитрий Пинскер

НА ДНЕ

ВСЕ СВЕЛОСЬ К ДВУМ СЛОВАМ — «МОжет быть». Они назойливо сверлят в мозгу. От них никак не удается отделаться, да и не хочется. Может быть, стук изнутри прекратился, потому что моряки экономят воздух и силы. Может быть, спасатели успеют, и кого-то удастся откачать. Может быть...

Не хочется верить, что погибли все. Хочется верить, что не бывает отчаянных ситуаций, а бывают отчаявшиеся люди. Потому что агония «Курска» стала осязаемой. Мороз бежит по коже, стоит лишь подумать о последних часах тех, кто выжил при аварии и ждал помощи, задыхаясь в темноте и тишине.

На стометровой глубине остались живые люди. И они должны быть спасены. Любой ценой. Общество — российское и не только — среагировало на трагедию, разыгравшуюся в Баренцевом море, точно так же, как на чернобыльскую аварию или на землетрясение в Армении.

Забытое ощущение полного единения. Разговоры незнакомых людей вполголоса в метро и троллейбусах, отчаянные звонки на радио с отчаянными проектами спасения моряков, заключенных в титановую тюрьму, звонки друзей из-за границы: «Ну что? Как там?» И судорожное вглядывание в каждую новую телекартинку, боязнь пропустить новое сообщение ведущих, связанное с подлодкой. Впрочем, других новостей на телеэкране почти нет.

И полное отчуждение от этого народа власти, ее бездушие на всех этажах и на всех широтах — от курортного Сочи до чиновной Москвы, от штаба ВМФ до провинциального Североморска. Когда несмотря на все приличествующие случаю слова и заверения мы ощущаем черствость — особенно чудовищную на фоне картин происходящего внутри лодки, которые рисует воображение, — а также безразличие и холод, исходящие от официальных лиц. Холодок страха. Каждый чиновник — и пресс-секретарь ВМФ Игорь Дыгало, основной тактической задачей которого было одно — ничего не сказать конкретного и ничего не прояснить; и адмирал Куроедов, с самого начала поставивший крест на своих моряках, но приличия ради все отодвигавший дату, когда, по его мнению, закончится кислород на лодке; и вице-премьер Илья Клебанов, который совещание с академиками в солнечном Дагомысе счел более важным делом, нежели непосредственное руководство спасательной операцией на севере, — каждый чиновник, как бы он ни действовал, что бы ни говорил, в голове своей проворачивал только одну мысль: «Что будет со мной потом, когда все кончится?». Потому они врали, путались в показаниях, но не краснели.

Начальственный кортеж красиво и четко промчался в прошлый четверг по улицам Североморска. Мощные бронированные машины свезли чиновников на совещание. Совещание, запоздавшее не на четыре дня — на всю жизнь. Так бы красиво и четко организовать спасение, как проезд кортежа. Но собравшимся мешал страх. Страх потерять свое кресло, свои погоны. И потому обсуждали не спасение людей, а причины аварии: лодка столкнулась с посторонним предметом или взорвалась изнутри. Честь мундира военных и гражданских оказалась дороже, чем жизни 118 подводников.

А президент? Кого он боялся? Какого начальства? Ведь ему вовсе не нужно думать о том, что будет после. Он-то может поступать так, как велят сердце, совесть и честь. Или он считает, что не надо мешать спасателям, что лишний начальник — помеха? Или решил, что его появление на публике посеет ненужную панику? Или он действительно верил в то, что у военных все под контролем и они не нуждаются в западной помощи? Самое страшное предположение, что он, как и все мы, просто не знал, что делать, а потому выжидал.

В ТО ВРЕМЯ КАК ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ ПОДВОДНИКОВ «КУРСКА» СО ВСЕЙ СТРАНЫ СТРЕМИЛИСЬ В МУРМАНСК И СЕВЕРОМОРСК В НАДЕЖДЕ НА УСПЕХ СПАСАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ, ИХ ПРЕЗИДЕНТ ПРОВОДИЛ ОТПУСК НА ЧЕРНОМ МОРЕ. ПОЯВИВШИЙСЯ ПЕРЕД ТЕЛЕКАМЕРАМИ ОТДОХНУВШИЙ И ЗАГОРЕЛЫЙ ВЛАДИМИР ПУТИН НЕВНЯТНО И ПУТАННО ГОВОРИЛ О КРИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ, В КОТОРОМ ОКАЗАЛАСЬ ПОДЛОДКА, НО НЕ ОБРАТИЛСЯ НИ С ЕДИНЫМ СЛОВОМ К ТЕРЯЮЩИМ НАДЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМ МОРЯКОВ

«Первым моим желанием было вылететь на место затопления атомной подводной лодки, — заявил Владимир Путин журналистам лишь в пятницу. — Но я удержался и думаю, что поступил правильно».

Но есть факт: Путин отправился отдыхать в Сочи, наверняка уже зная о случившемся. Он продолжал там оставаться даже после того, как информация об аварии стала достоянием общественности. Он подписывал разные важные государственные бумаги, встречался с коллегами и подчиненными и рассекал Черное море на скутере. Он демонстративно всю неделю занимался проблемами науки и подготовкой к саммиту СНГ, как будто не было и нет задач важнее и дел насущней (спасибо, что встречу глав Содружества сократили хотя бы на культурно-развлекательную программу). Только после этого президент засобирался в Москву.

Пожалуй, Путин был прав, когда удержался от броска на север. Президенту вовсе не нужно было десантироваться на палубу крейсера «Петр Великий», а потом напряженно всматриваться в бездну перед телекамерой РТР (государственное телевидение оказалось единственным средством информации, допущенным в эпицентр спасательных работ; две сотни журналистов, примчавшихся в Мурманск, были лишены почти всякой информации и даже возможности попасть в собственно Североморск).

Но что ему стоило обратиться к нации — не на ходу, с улыбающейся свитой на заднем плане, и не через четыре дня после аварии, а сразу. И вместо невнятицы о «критическом» положении (потом каждый чиновник счел нужным повторить это слово) и о том, что делается все необходимое, сказать проникновенные слова не только нам, но и в первую очередь несчастным родственникам заживо погребенных.

Что стоило сразу же вернуться в Кремль? Шредеру тоже, наверное, было не с руки возвращаться с Майорки на молебен по погибшим в «Конкорде» соотечественникам.

Что стоило позвонить всем государственным мужам, столь очарованным русским президентом на Окинаве? И сделать это сразу, а не на четвертые сутки трагедии, когда российский президент разрешил-таки военным принять западную помощь.

И продемонстрировать всем, что для страны главное — люди, переставшие наконец быть «человеческим фактором», и мы море вычерпаем, до самого ила, потратим весь военный бюджет следующего года на то, чтобы спасти хотя бы единственного выжившего. Но Путин ничего этого не сделал. Для него люди — на третьем месте.

«Первым моим вопросом был — как обстоит ситуация с ядерной энергетикой», — пересказал Владимир Путин журналистам в прошлую пятницу свой разговор с министром обороны Сергеевым. Следующий вопрос, по словам президента, касался шансов на спасение боевой техники. Потом — об экипаже.

Увы, все по-советски. Как и раньше, до последнего пытаемся скрыть все, что можно скрыть. Словно на недавней встрече в Кремле Михаил Горбачев поделился с президентом опытом проведения первомайских демонстраций в Киеве, обдуваемых свежим чернобыльским ветерком... ■

Вода ничего не спишет

Хочется верить, что участники спасательной операции выполняют свой долг лучше, чем их многозвездные начальники

Александр Гольц

КУВАЛДА

В России нет более верной приметы: если начальники, особенно начальники в погонах, начинают трубить об успехах, жди беды. Стоит генералам в очередной раз объявить о завершении военной операции в Чечне, и уже на следующий день боевики уничтожают нашу колонну. Нынешней трагедии в Баренцевом море предшествовал поток громогласных заявлений, лейтмотив которых — «возрождение военно-морской мощи» России. Мощь эта, по мнению адмиралов, нужна для того, чтобы противостоять на море США и НАТО. В конце июля главком ВМФ адмирал Владимир Куроедов даже защитил диссертацию, в которой он доказывает необходимость разработки новой военно-морской стратегии, учитывающей нарастающую угрозу с моря. Куроедов считает, что необходимо создать некую «метасистему ВМФ», задача которой — обеспечивать «путем демонстрации, а при необходимости, и применения военно-морской силы» достижение политических, экономических и военных целей России практически во всем Мировом океане. Все это в принципе очень попахивает советскими традициями. Однако почтивший своим присутствием церемонию защиты адмиральской диссертации Верховный главнокомандующий Владимир Путин выразил полное согласие с идеями многозвездного соискателя. Чуть позже, во время посещения главной базы Балтийского флота, глава государства не без пафоса заявил: «Россия не может существовать без военно-морского флота, если претендует на ту роль, которую она играла до сих пор и намерена играть в будущем».

Везде клин

Катастрофа «Курска» и весь ход спасательной операции наглядно продемонстрировали, чего стоит весь этот державный оптимизм.

В многочисленных интервью и статьях адмиралы не устают повторять, что едва ли не единственное, что мешает возвращению ВМФ в Мировой океан, — это старение флота. Действительно, в последние годы новых кораблей практически не строилось. Но «Курск»-то как раз одна из самых новых субмарин — она была спущена на воду в 1994 году. Более того, она считалась лучшей подводной лодкой флота. И на этом лучшем корабле в момент аварии не сработала ни одна из систем спасения. Не были выброшены спасательные буи, которые отмечают место катастрофы, передают сигнал бедствия и через которые осуществляется связь с экипажем. Не сработала спасательная капсула, специально предназначенная для эвакуации экипажа. Наконец, по какой-то причине моряки не смогли воспользоваться индивидуальными гидрокостюмами (сравнительно небольшая глубина — около 100 метров — в принципе должна была бы позволить это сделать).

Моряки только руками разводят: мол, случилось нечто в высшей степени необычное, поэтому штатные системы спасения и не сработали. Но перечисленные командующим ВМФ возможные причины катастрофы вполне ординарны — взрыв в носовом отсеке, столкновение с каким-то судном или же столкновение с миной, оставшейся со времен Второй мировой войны. (Эксперты норвежской экологической организации «Беллуна» указывают также, что для океанской подводной лодки глубина в 100 метров — небольшая, и даже незначительная ошибка в управлении могла привести к удару носовой части о дно). Однако не будем забывать — речь все-таки идет о боевом корабле, который обязан выжить и выполнить боевую задачу в условиях военных действий, когда против него применяются и глубинные бомбы, и торпеды. Про субмарины типа «Курск» известно, что они обладают очень большой степенью выживаемости. Чуть ли не прямое попадание ядерного боеприпаса могут выдержать. К тому же у них 30-процентный, самый большой в мире среди подводных лодок, запас плавучести. Трудно себе представить, что те, кто разрабатывал системы спасения корабля, не учли возможность возникновения нештатных ситуаций, перечисленных Куроедовым.

«Мы все говорим об идеальной подлодке, которая имеет на борту все, что ей положено иметь, — не без раздражения заметил корреспонденту «Итогов» один крупный военный чин, — а кто вам сказал, что так было в данном конкретном случае?». Действительно, не в многомесячный океанский поход шли, за околицу только, всего на три—четыре дня. В таком контексте проскочившее в СМИ сообщение, что на подлодке в целях экономии не была установлена вторая, резервная группа аккумуляторов, которая обеспечивает корабль энергией в случае аварии, представляется не слишком фантастическим. Зная российские порядки, нельзя исключить, что на субмарине могли отсутствовать и исправные буи, и гидрокостюмы.

ГЛАВНЫЙ ТЕЗИС ДИССЕРТАЦИИ ГЛАВКОМА ВМФ ВЛАДИМИРА КУРОЕДОВА (НА ФОТО АДМИРАЛ ВЫСТУПАЕТ ПЕРЕД УЧЕНЫМ СОВЕТОМ): **РОССИЯ ДОЛЖНА ПОСТОЯННО ДЕМОНСТРИРОВАТЬ СВОЮ ВОЕННО-МОРСКУЮ МОЩЬ В МИРОВОМ ОКЕАНЕ**

Сам факт, что командующий ВМФ допускает возможность столкновения лодки с другим кораблем, говорит о том, что должного порядка на флоте нет. Катастрофа произошла в заранее объявленном районе учений. Уж туда-то «чужие» суда ни при каких условиях допускаться не должны.

Не меньше вопросов вызывает и сама спасательная операция. В течение не-

ХРОНИКА

Погружение в трагедию

Суббота, 12 августа

Первая информация о трагедии пришла по неофициальным каналам: президент клуба моряков-подводников Санкт-Петербурга, ссылаясь на собственные источники на Северном флоте, заявил, что в 11.38 крейсер «Петр Великий», участвовавший в маневрах в Баренцевом море, зафиксировал гидравлический удар, похожий на подводный взрыв.

Никакой официальной информации в связи с происшедшим распространено не было. Вечером президент Владимир Путин отправился на отдых в Сочи.

Воскресенье, 13 августа

Официальные источники об инциденте не сообщают.

Понедельник, 14 августа

Представители ВМФ официально объявили, что в субботу, 12 августа в 23.00 в Баренцевом море, в 157 км к северо-западу от Североморска, потерпел аварию подводный атомный крейсер «Курск» со 117 членами экипажа. Имеются серьезные повреждения рубки и носовой части. Утверждается, что лодка легла на грунт, команда заглушила реактор. Штаб Северного флота также сообщил, что экипаж жив, связь с ним осуществляется через условные сигналы «методом перестука». По утверждению президента РФ Владимира Путина, немедленно «были предприняты меры по развертыванию спасательных работ».

Главком ВМФ Владимир Куроедов предположил, что причиной аварии стало столкновение субмарины с подводной скалой или иным препятствием. Он признал, что «ситуация сложная» и предупредил — шансов на спасение немного.

Объявлено о планах наладить подачу кислорода на лодку с помощью подводного аппарата «Колокол». Создана правительственная комиссия по расследованию причин аварии во главе с вице-премьером Ильей Клебановым. Советник президента США по национальной безопасности Сэмюэль Бергер имел телефонный разговор с секретарем Совета безопасности Сергеем Ивановым. По словам пресс-секретаря Белого дома, администрация дала понять российской стороне, что «готова оказать любую возможную помощь».

Вторник, 15 августа

По словам главкома ВМФ Владимира Куроедова, запаса кислорода хватит морякам до 18 августа включительно. По данным пресс-службы ВМФ РФ, на борту субмарины находятся 118 человек.

С борта спасательного судна «Михаил Рудницкий» спущен спасательный подводный снаряд, способный эвакуировать по 16—20 человек за одно погружение. Аппарат сумел приблизиться к «Курску», однако попытка соединиться с лодкой не увенчалась успехом, мешают волнение и подводные течения.

Глава правительственной комиссии Илья Клебанов официально заявил, что иностранной помощи терпящему бедствие «Курску» не требуется.

Среда, 16 августа

Специальные подводные снаряды так и не смогли пристыковаться к аварийному люку «Курска» из-за крена подводной лодки. Главком ВМФ Владимир Куроедов заявил, что для подъема лодки будут использованы глубоководные понтоны.

Российское правительство согласилось принять помощь Великобритании. «Ан-124» доставил из Великобритании в норвежский порт Тронхейм спасательный подводный аппарат LR-5, который был погружен на специальное судно. В полдень корабль вышел в море. Его прибытие к месту катастрофы ожидается к вечеру субботы, 19 августа. Туда же направилось норвежское судно Seaway Eagle с водолазами на борту.

Объявлено, что по уточненным данным запаса кислорода хватит морякам до 25 августа.

В этот же день Путин проинформировал президента США о происходящем.

Вице-премьер Илья Клебанов, прибывший в Сочи для доклада президенту, сообщил, что экипаж «Курска» уже не подает признаков жизни. Секретарь Совета безопасности Сергей Иванов заявил, что ему «не все понятно в процессе спасения подводной лодки», и возобновил свой отпуск в Сочи.

Четверг, 17 августа

Объясняя неудачи, командование флота ссылается на плохую погоду. В ходе заседания правительственной комиссии рассматривался вопрос «о переходе к активной фазе работ по спасению экипажа».

Замначальника главного штаба ВМФ Александр Попов заявил, что подводники смогут продержаться две—три недели. Военные по-прежнему не могут точно указать численность экипажа «Курска»: по разным данным, на его борту от 103 до 130 моряков.

Министр обороны Игорь Сергеев настаивает, что взрыва на борту подлодки не было. Он уверен, что субмарина столкнулась с «инородным телом».

Заместитель начальника Главного штаба ВМФ России вице-адмирал Александр Побожий прибыл в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе для проведения консультаций по вопросам оказания помощи спасательным силам Северного флота.

По оценке штаба Северного флота, норвежские суда с водолазами и британским спасательным аппаратом LR-5 прибудут к месту аварии 19—20 августа.

Пятница, 18 августа

Первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-полковник Юрий Балуевский заявил, что потеря атомного подводного крейсера «снижает боевой потенциал флота на одну конкретную единицу», однако «в целом это не отразится на снижении боевого потенциала флота».

Владимир Путин признался, что сразу после получения информации о ЧП в Баренцевом море его «первым желанием» было вылететь на место трагедии. «Но я удержался, и думаю, что поступил правильно, — сказал президент России. — Прибытие в район бедствия неспециалистов, чиновников высокого ранга не помогает, а чаще всего мешает... Все должны быть на своем месте».

На момент подписания номера безрезультатно завершилась десятая за день попытка пристыковать спасательный аппарат к корпусу лодки. Газета «Известия» сообщила со ссылкой на «неофициальную информацию из военных источников», что авария на «Курске» произошла в пятницу, 11 августа, в 22.00.

скольких дней специальные устройства, сменяя друг друга, спускались к подводной лодке и никак не могли с ней состыковаться. Военно-морские начальники неудачи объясняют неблагоприятными погодными условиями (волнение 2—3 балла), наличием сильных придонных течений, плохой видимостью, сильным, превышающим 60 градусов, креном лодки .

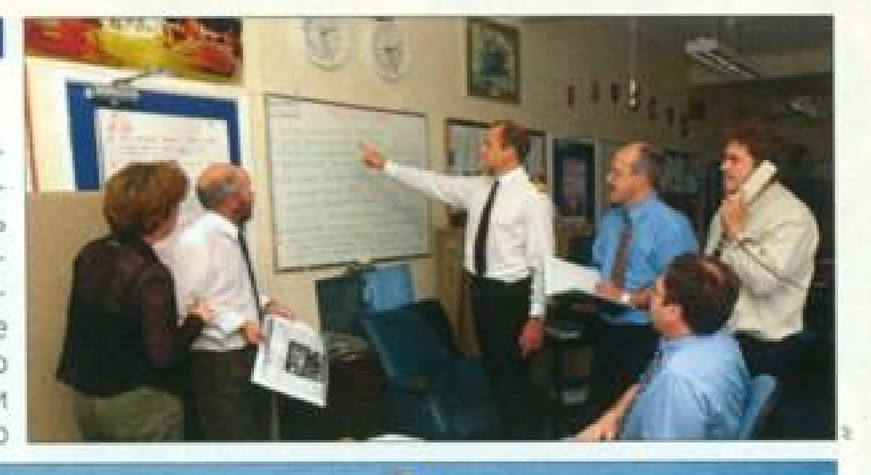
В РАСПОРЯЖЕНИИ КОМАНДУЮЩЕГО СЕВЕРНЫМ ФЛОТОМ АДМИРАЛА ВЯЧЕСЛАВА ПОПОВА, КОТОРЫЙ НЕПОСРЕДСТВЕННО РУКОВОДИТ СПАСАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИЕЙ, **САМЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ БОЕВЫЕ КОРАБЛИ,** В ТОМ ЧИСЛЕ АТОМНЫЙ КРЕЙСЕР «ПЕТР ВЕЛИКИЙ» (СЛЕВА). **НО ЭФФЕКТИВНЫМИ СРЕДСТВАМИ СПАСЕНИЯ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ У ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ, ОН ЯВНО НЕ РАСПОЛАГАЕТ.** КАК ТОЛЬКО РОССИЯ ПОПРОСИЛА ПОМОЩИ, НОРВЕЖСКИЕ СПАСАТЕЛЬНЫЕ СУДА «НОРМАНД ПИОНЕР» С БРИТАНСКИМИ СПАСАТЕЛЯМИ НА БОРТУ (СПРАВА), «СИВУЭЙ ИГЛ» И «МАРЬЯТА» НАПРАВИЛИСЬ В РАЙОН КАТАСТРОФЫ. А СПЕЦИАЛИСТЫ НАХОДЯЩЕГОСЯ В ШОТЛАНДСКОМ ПРЕСТВИКЕ СПАСАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА (ВВЕРХУ НА СТР. 17) **ЗАНЯЛИСЬ АНАЛИЗОМ ПОСТУПАЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ**

Так-то оно так (впрочем, как только видеосъемка лодки была передана британским экспертам, те заявили, что крен не превышает 20 градусов), но тогда получается, что эффективные спасательные операции ВМФ способен проводить только в бассейне. Ведь приливные течения в родном для Северного флота Баренцевом море всегда были, и погода в этих широтах не та, что Южном берегу Крыма в курортный сезон . Да и странно рассчитывать на то, что потерпевшая аварию субмарина будет лежать на дне так, как удобно спасателям. Вывод может быть только один: в настоящее время отечественный флот не располагает ни эффективными спасательными средствами, ни опытными спасателями (командование Северного флота вынужденно было признать сквозь зубы, что у него нет в распоряжении квалифицированных водолазов). Так что прежде чем приступать к созданию «метасистемы ВМФ», столь горячо любимой адмиралом Куроедовым, хорошо бы всем этим хозяйством обзавестись.

Лишь бы барин не гневался

Трагедия «Курска» показала, что за люди руководят нашим флотом. Главная забота этой публики — как бы не получить выволочку от президента, судьба более сотни моряков ее волнует в гораздо меньшей степени. «Курск» не вышел на связь в середине дня 12 августа (по некоторым данным — вечером 11-го). Однако почти двое суток, до 14 августа, командование тянуло с объявлением об этом чрезвычайном происшествии. Предвижу возражения: адмиралы тут ни при чем, они все доложили Верховному, а он велел до поры молчать. Но когда заговорили (а деваться было некуда, гидродинамический удар был зафиксирован американским кораблем-разведчиком, находившимся аж в 400 километрах от места катастрофы), начали с откровенного вранья. Все, мол, не так страшно: оба реактора заглушены, с командой установлен устойчивый «гидроакустический контакт». Прошло несколько дней, прежде чем флотоводцы сознались: контакта никакого нет, просто до вторника акустики фиксировали удары изнутри по корпусу — видимо, кувалдой (не той ли самой, которую не так давно во время визита к североморцам облобызал Владимир Путин?).

Естественно, всех волновало, какой запас кислорода на лодке. Главком ВМФ сперва заявил, что его хватит только до 18 августа. Позже, когда стало ясно, что к этому сроку вытащить людей не удастся, он назвал новую дату — 25 августа. Как будто лодка — это не техническое устройство с точно заданными характеристиками.

Мало того, что адмиралы не желают делиться информацией, они, похоже, и не обладают ею в полном объеме. Вплоть до 18 августа командование не могло даже назвать точное число моряков, находящихся на борту «Курска». Сперва появилась цифра 103, затем 116 и, наконец, 118. Когда же заработала «горячая линия», звонить по ней предложили тем, «кто считает, что их родственники могут находиться на борту «Курска». Можно подумать, что это не атомная подлодка, а трамвай, в котором можно прокатиться «зайцем».

И уж вовсе театр абсурда — реакция адмиралов на предложения США и Великобритании, которые первыми предложили помощь в спасении подводников. Отказ последовал самый решительный: мол, наша спасательная техника самая лучшая, ее более чем достаточно и незачем устраивать толкотню в районе катастрофы. Потом, видно, решили, что грубовато получилось, и через сутки дали другое объяснение отказу: время дорого, а координация действий с зарубежными спасателями отнимет его. Чуть позже выдвинули новый аргумент — западная спасательная техника не стыкуется с нашей. (Интересно, что в последние лет пять сотрудничество российского ВМФ с американскими и британскими моряками было сфокусировано именно на отработке совместных действий при спасении на море, и непонятно, почему за этот немалый срок проблема так и не была решена.)

Бог с вами, помогайте

Запад терялся в догадках, чем руководствуется российское командование, отказываясь от помощи: то ли с подлодкой произошло нечто такое, чего ни в коем случае не должен увидеть чужой глаз, то ли у русских очередной приступ державной дури. В любом случае понять, как можно, признавая, что шансы на спасение моряков крайне невелики, не использовать все средства — и свои, и чужие, американцы и англичане понять не могли. Впрочем, как и российские граждане.

Сто метров над килем

УРОКИ

Все мы в одной лодке

Драма в Баренцевом море заставляет задуматься о создании международной спасательной службы, которая будет оказывать помощь и военным кораблям

К-141 «КУРСК» (РОССИЯ)

К-278 «КОМСОМОЛЕЦ» (СССР) **АПРЕЛЬ 1989 42 ПОГИБШИХ**

К-219 (СССР) **ОКТЯБРЬ 1986 4 ПОГИБШИХ**

К-8 (СССР) **АПРЕЛЬ 1970 52 ПОГИБШИХ**

«СКОРПИОН» (США) **МАЙ 1968 99 ПОГИБШИХ**

«ТРЕШЕР» (США) **АПРЕЛЬ 1963 129 ПОГИБШИХ**

Аварии на подводных лодках происходили и происходят во всем мире. Однако атомные субмарины — случай особый. И дело не только в том, что внутри каждой такой лодки находится ядерный реактор. Опасность представляют и баллистические ракеты, и торпеды с ядерными боеголовками, которыми нашпигован каждый атомоход. А потому любая такая трагедия выходит за рамки внутреннего дела той или иной страны и сразу же становится международной проблемой.

Катастрофа с подлодкой «Курск» для отечественного флота беспрецедентна — впервые моряки атомохода оказались запертыми глубиной. Все три прежние трагедии с советскими атомными субмаринами были вызваны одной и той же причиной: пожаром на борту. Горящие и потерявшие возможность идти своим ходом лодки всплывали, экипажи были вынуждены самостоятельно бороться с огнем и ждать, когда командование пришлет спасателей, — в то время наши моряки не имели права обращаться за помощью к иностранным судам или спасательным службам. Многим морякам удавалось спастись — вплавь, на плотах или перебравшись на подоспевшие советские корабли. Иногда удавалось спасти и субмарины: в 1972 году подлодку К-19, на которой начался пожар, три недели буксировали из Северной Атлантики в Североморск, при этом в кормовом отсеке полусгоревшей лодки были заперты 12 моряков. К счастью, все они остались живы.

В СССР не было принято сообщать об авариях своих подлодок. Первой катастрофой подводного атомохода, о которой узнала советская общественность, стала гибель К-278 «Комсомолец» в Норвежском море в 1989 году. Для советского общества это был настоящий шок, причем главным потрясением оказалась бездарность спасательной операции. Когда на борту начался пожар, «Комсомолец» всплыл. Экипаж в соответствии с инструкцией не стал передавать в эфир сигнал SOS, а связался со своей базой и стал ждать спасателей. Однако отправленные на помощь лодке военные самолеты оказались бессильны помочь морякам. Сбрасываемые с воздуха складные плоты тонули, не успев раскрыться, гидросамолеты оказались неприспособленными для посадки на воду даже при небольшом волнении, а других средств спасения не было — специальный катер, созданный для десантирования с самолета, за несколько лет до катастрофы с «Комсомольцем» был передан в военно-морской музей «за ненадобностью». К помощи многочисленных иностранных судов, находившихся поблизости, советское командование обращаться не стало. Лодка затонула, через несколько часов оставшихся в живых подобрало подошедшее судно, естественно, советское. Тогда спасшиеся моряки недоумевали: мол, почему на флоте есть средства спасения моряков из-под воды, но нет возможности оказать помощь тем, кто гибнет на поверхности моря?! Последние события, однако, показали, что когда нужно выручать тех, кто оказался в лежащей на дне лодке, необходимого оборудования все-таки нет.

Впрочем, до сих пор спасать экипажи атомных подлодок, лежащих на дне, нигде в мире пока не приходилось. В истории атомного подводного флота лишь два таких корабля (оба американских) утонули вместе с экипажами — подлодки были раздавлены чудовищным давлением на больших глубинах. В 1963 году погибла лодка «Трешер», которая вышла на глубоководные испытания и исчезла. Ее обломки были обнаружены спасательной экспедицией, причина катастрофы до сих пор неизвестна. Пять лет спустя, в 1968 году, затонула атомная подлодка «Скорпион» — она была раздавлена водой на глубине 2500 метров. Обе эти катастрофы потрясли Америку. Досталось всем — и правительству, «которое не уделяет должного внимания качеству судостроения и подвергает риску жизни американских моряков», и производителям лодок. После этого американцы стали уделять особое внимание безопасности подлодок, созданию спасательных систем. Очевидно, эти меры оказались действенными — аварии на американских субмаринах (и атомных, и дизельных) продолжают случаться, но катастрофы с тех пор не произошло ни одной.

В отличие от американцев отечественные флотоводцы не извлекли уроков из предыдущих трагедий. И дело не в том, есть ли у нас соответствующее спасательное оборудование. Ведь главный урок, какой можно было извлечь из катастрофы подлодки «Комсомолец», таков: если не можешь спасти людей сам, обратись за помощью к другим. Такое решение в случае с «Курском» было принято лишь через несколько дней и в немалой степени под давлением общественного мнения.

Военные корабли обычно не обращаются за международной помощью, стараются избежать любой огласки даже в случае аварии. Причем не только советские. Так, в 1981 году американская атомная подлодка «Джордж Вашингтон» протаранила в Восточно-Китайском море японский сухогруз. Судно затонуло, а получившая повреждения американская субмарина скрылась с места происшествия, не оказав помощи тонущим морякам, — ее капитан соблюдал режим секретности. Разразился международный скандал. Впрочем, даже в условиях холодной войны известны случаи международного морского братства. Например, во время уже упомянутой аварии советской подлодки К-19, которую после пожара буксировали на базу, экипажи находившихся рядом американских военных кораблей постоянно предлагали помощь, а британские корабли береговой охраны шли впереди советского каравана и расчищали путь среди рыболовных и торговых судов.

Еще после катастрофы с «Комсомольцем» многие отечественные специалисты призывали к созданию международной организации спасения на море, которая должна объединить усилия соответствующих служб разных стран. Однако тогда этот призыв не нашел отклика у правительств. Возможно, теперь к этой теме вернутся.

Операция по спасению моряков «Курска» свидетельствует, что такое сотрудничество необходимо: британский глубоководный аппарат был переброшен в Норвегию российским военным самолетом, а потом доставлен на место норвежским судном. Но без соответствующего международного соглашения каждая интернациональная операция натолкнется на множество бюрократических препон. Международные силы спасения, если они будут созданы, должны получить право приступать к работе в случае любой трагедии на море, даже с военным кораблем, а капитаны военных кораблей — получить возможность обращаться за помощью к международным спасателям, не дожидаясь одобрения своего командования.

Главное, впрочем, — не похоронить идею создания такой службы до тех пор, пока не случится следующая трагедия.

Евгений Пахомов

ВОЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ В ЛУЧШИХ СОВЕТСКИХ ТРАДИЦИЯХ ДЕЛАЛИ ВСЕ, ЧТОБЫ СКРЫТЬ САМ ФАКТ ТРАГЕДИИ ИЛИ ХОТЯ БЫ ЕЕ РЕАЛЬНЫЙ МАСШТАБ. ДАЖЕ ОБНАРОДОВАТЬ ПОЛНЫЙ СПИСОК ЭКИПАЖА ЛОДКИ КОМАНДОВАНИЕ НЕ СОЧЛО НУЖНЫМ. ЖУРНАЛИСТАМ ПРИШЛОСЬ ДОБЫВАТЬ ЕГО ПО НЕОФИЦИАЛЬНЫМ КАНАЛАМ ЗА ВЗЯТКУ

Только 17 августа после мучительных раздумий в Брюссель для консультаций отправились высшие военно-морские чины. Тут, наконец, и до Верховного главнокомандующего дошло, что все это по меньшей мере безнравственно. Путин из Сочи (президент так и не стал прерывать свой отпуск) отдал приказ помощь принять. Однако потерянного времени уже не вернуть: британские спасатели со своими глубоководными агрегатами и норвежские аквалангисты могли бы оказаться в районе катастрофы не в конце, а в начале недели.

Совершенно очевидно — и военное, и политическое руководство отказывалось от помощи в основном потому, что по-прежнему считает Запад своим потенциальным противником.

Комплекс неполноценности

И здесь самое время задуматься, зачем многоцелевая подводная лодка «Курск» вышла в море? Вышла, возможно, без должной подготовки. Эта атомная субмарина не имеет межконтинентальных баллистических ракет на борту и не является средством сдерживания. Две дюжины крылатых ракет «Гранит», которыми она вооружена, предназначены для уничтожения авианосных группировок и подводных лодок. Исключительно для уничтожения крупных военно-морских группировок предназначен и принимавший вместе с «Курском» участие в злополучных учениях, в ходе которых и произошла трагедия, тяжелый атомный крейсер «Петр Великий» — гордость флота (сейчас он задействован в спасательной операции).

Сценарий этих широкомасштабных учений Северного флота состоял в имитации сражения на море двух крупных морских группировок. Причем затеяны они были для того, чтобы подготовиться к намеченному на нынешнюю осень походу эскадры российских кораблей в Средиземное море, где базируется 6-й флот США. Во времена холодной войны наше военно-морское присутствие там имело хоть какой-то смысл. Если не военный (США могли за несколько часов уничтожить оторванную от баз советскую группировку), то хотя бы политический. В чем смысл нынешней демонстрации флага, понять трудно. Рассылать по миру эскадры с единственной целью избавить российских военных от раздирающего их души после операции НАТО в Югославии комплекса неполноценности — дорогое удовольствие.

Россия, разумеется, должна обеспечивать свои интересы на море. Но эти интересы не имеют ничего общего с теми химерами, в которые трансформировались комплексы наших адмиралов. Не готовиться к войне с НАТО на море должен российский флот, а решать реальные задачи. Это прежде всего ядерное сдерживание и охрана экономической зоны. Ни «Петр Великий», ни «Курск» при всех их достоинствах в такую стратегию не вписываются.

Дело Верховного главнокомандующего — принимать решения, отвечающие реальным, а не мифическим интересам страны. Дело президента — любой ценой, с чужой помощью или без нее, спасать жизнь попавших в беду граждан. Как свидетельствуют трагические события в Баренцевом море, ни с тем, ни с другим Путин пока не справился. ■

НА САММИТЕ В ЯЛТЕ ПУТИН ЗАЯВИЛ ЖУРНАЛИСТАМ, ЧТО НЕ ОТПРАВИЛСЯ К МЕСТУ КАТАСТРОФЫ ПО ЕДИНСТВЕННОЙ ПРИЧИНЕ: ОН НЕ ХОТЕЛ БУДОРАЖИТЬ ЛЮДЕЙ, ЗАНЯТЫХ НА СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ. **НЕПОНЯТНО,** ПРАВДА, **ПОЧЕМУ ПРЕЗИДЕНТ СРАЗУ ЖЕ НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ СОЧИ В МОСКВУ, ЧЕГО ОТ НЕГО ЖДАЛИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ**

Если Америка не идет к Гору

Владимир Абаринов

ВЫБОРЫ

Несмотря на то, что в президентской гонке лидирует Джордж Буш-младший, Альберт Гор не сдается. Его сторонники вспомнили афоризм Гарри Трумэна: «Хочешь жить, как республиканец, — голосуй за демократа!»

«У НИХ БЫЛ ШАНС. ОНИ ЕГО УПУСТИЛИ. Мы не упустим», — вещал кандидат в президенты США от Республиканской партии Джордж Буш-младший с трибуны партийного съезда в Филадельфии. По его мнению, Клинтон и Гор — выдающиеся представители своего поколения, растратившие свой потенциал, потому что у них не было высокой цели. Главный козырь демократов — достигнутый в период их правления беспрецедентный рост экономики — Буш-младший попытался обернуть против своих оппонентов: «Процвета-

ние может стать наркотиком, ослабить нашу настойчивость, лишить нас чувства сострадания и чувства ответственности».

Неужели кандидат от республиканцев и впрямь нащупал ахиллесову пяту демократов или все эти разглагольствования об «упущенном шансе» и «высокой цели» — не более чем риторика? Ответ на этот вопрос и должен был дать проходивший на прошлой неделе съезд Демократической партии. Выбрав местом его проведения Лос-Анджелес, демократы решили напомнить американцам, что они никогда не боялись перехода из одной эпохи в другую и готовы повести Америку в XXI век. Так же, как 40 лет назад ее повел за собой Джон Фицджеральд Кеннеди, выдвинутый кандидатом в президенты от Демократической партии именно здесь, в Лос-Анджелесе.

В ГРУППУ ПОДДЕРЖКИ АЛЬБЕРТА ГОРА И ЕГО НАПАРНИКА ДЖО ЛИБЕРМАНА **ВОШЛИ ПОП-ЗВЕЗДА ДАЙАНА РОСС** (ВВЕРХУ) **И ДОЧЬ ПОКОЙНОГО ПРЕЗИДЕНТА ДЖОНА КЕННЕДИ КЭРОЛАЙН** (ВНИЗУ). ОБЕ ЗНАМЕНИТОСТИ ВЫСТУПИЛИ НА СЪЕЗДЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ

Для Америки начала 60-х приход на вершину власти представителя молодого, но успевшего повоевать поколения, блестяще образованного, амбициозного и искреннего, означало наступление новой эпохи. Сам Джон Кеннеди в своей программной речи сказал об этом так: «Мы стоим у новой Границы». Эта формула сразу все объяснила американцам. Граница, Frontier — это плохо освоенная территория на Диком Западе, где еще не осела пыль от фургонов пионеров-колонистов. Место, полное опасностей и неожиданностей, но в то же время позволяющее осуществить самые смелые мечты, закалить характер, укрепить дух первооткрывателей новых земель.

Кто, как не дочь Джона Кеннеди Кэролайн Кеннеди-Шлоссберг, лучше всего мог напомнить о той эпохе и затем перекинуть мостик в современность? Та самая Кэролайн, которая трехлетней девочкой, прыгнув к отцу на кровать, радостно сообщила ему о его избрании: «Доброе утро, господин президент».

Ее появление на подиуме Демократического съезда стало сенсацией: Кэролайн ведет уединенный образ жизни и никогда не выступает публично. Свое затворничество она прервала ради того, чтобы сказать избирателям: Альберт Гор — достойный наследник идеалов ее отца. «Если мы отстаиваем гражданские права и права человека, выступаем за стирание расовых границ, — заявила она, — то мы должны сделать выбор. Если мы хотим, чтобы у нас были чистые вода и воздух, то мы должны сделать выбор. Если мы хотим покончить с вооруженным насилием, то мы должны сделать выбор — избрать Альберта Гора и Джо Либермана!»

О Кеннеди вспоминал в своем выступлении на съезде и Клинтон. Уходящий в историю президент говорил так, словно и не думал прощаться. «Сегодня нам предстоит ответить на главный вопрос: хотим ли мы, чтобы прогресс и процветание продолжались?» И зал выдохнул: «Yes!!!»

Пафосу Буша Клинтон противопоставил факты. Восемь лет назад американцы жили в другой стране: 10 миллионов безработных, беспрецедентный бюджетный дефицит в 290 млрд. долларов. После чего наступил самый продолжительный в истории США период экономического роста, достигнут крупнейший профицит бюджета, создано 22 миллиона новых рабочих мест. Среднегодовой доход американской семьи вырос более чем на 5000 долларов. «Помните старый афоризм Гарри Трумэна: «Хочешь жить, как республиканец, — голосуй за демократа!»». Зал ликовал.

Президент не забыл и ни одного из своих международных достижений. «Мы помогаем разрешить конфликт в Северной Ирландии, пытаемся остановить жестокие этнические чистки в Боснии и Косово, приблизить справедливый мир на Ближнем Востоке... Мы приняли в НАТО Польшу, Венгрию и Чехию, работаем с Россией над уничтожением ядерного оружия и материалов... Мы по-прежнему возглавляем всемирную борьбу за права человека».

Как говаривал знаменитый лос-анджелесский детектив сержант Джо Фрайди — «Только факты, мэм». Клинтон снова возвращался в 1992 год, к началу своего президентства, напоминая публике, сколько абортов делали несовершеннолетние девочки при республиканцах (потому что те не допускали сексуального образования в школах), какой ущерб в период правления республиканцев был нанесен окружающей среде и как, засев в Конгрессе, они мешали ему трудиться на благо всей нации.

Но вот что удивительно: достижения действующего правительства почему-то никак не склонят чашу весов в пользу Альберта Гора. Дело в том, что многие избиратели не видят в процветании никакой его личной заслуги. А многие — и заслуги Клинтона, поскольку создателями экономического чуда были беспартийные экономисты, которые могут работать при любой администрации. Опрос, проведенный за два дня до открытия съезда демократов, показал: Гор отстает от Буша на 16 пунктов — за кандидата республиканцев готовы голосовать 55 процентов американцев, в то время как за вице-президента — 39.

На вопрос, какими критериями они руководствуются, меньше половины американцев — 46 процентов отвечают, что программой кандидата. В то же время для более чем трети электората — 36 процентов — решающее значение имеет его характер.

Эксперты, правда, ожидают, что к осени, с началом теледебатов между кандидатами, соотношение изменится в пользу программ. Тогда разрыв может сократиться, и борьба будет очень жесткой. Несмотря на явное преимущество Буша, они предостерегают от опрометчивых выводов. В частности, вспоминают случай с Майклом Дукакисом, который был кандидатом Демократической партии в 1988 году. Сразу после партийного съезда он опережал отца нынешнего кандидата республиканцев на 17 пунктов, однако выборы в итоге выиграл Буш-старший.

Прекрасно понимая, что одних только экономических успехов последних лет, как и программы Гора, недостаточно, чтобы обеспечить ему победу, демократы решили прибегнуть к старому проверенному средству — помощи голливудских звезд. У нынешнего президента с ними прекрасные отношения. Любимцы нескольких поколений американцев от Грегори Пека и Барбры Стрейзанд до Шер и Стиви Уандера, собравшись в Лос-Анджелесе, не жалели сил, отвечая на вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» Рок-группы, джаз-банды и капеллы спиричуэлс (они исполняют религиозные песни американских негров) выступали на открытых площадках по всему городу.

Еще одним — нетрадиционным «оружием» демократов в этой кампании должен стать приглашенный Гором в напарники ортодоксальный иудей сенатор Джозеф Либерман. Либерман — оружие обоюдоострое. С одной стороны, среди демократов он слывет моралистом, критикующим Клинтона за его многочисленные прегрешения, и это должно помочь Гору привлечь на свою сторону часть электората республиканцев. С другой стороны — выдвижение еврея на пост второго человека в стране может многих и оттолкнуть.

Кстати, выбор Гором Либермана не вызвал восторга у киномагнатов. Ведь сенатор снискал репутацию непримиримого борца с насилием и сексом на экране. Однако выбора у них нет — республиканцев шоу-бизнес не будет поддерживать ни при каких обстоятельствах.

«Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, — спроси, что ты сам можешь сделать для своей страны», — начертано на могильном камне Джона Кеннеди. Когда дым предвыборных баталий рассеется, это будет главный вопрос, на который предстоит ответить новому хозяину Белого дома. ■

Метро французской столицы — такой же ее символ, как Эйфелева башня или Елисейские поля

Парижское **нутро**

Сто лет назад идея подземки многим в Париже казалась дикой. Однако **метро быстро вписалось в городской пейзаж** (вверху: метромост Бир-Акейм, 1908 год). Архитектура и декор Эктора Гимара, а также инженерное решение **Фульжанса Бьянвеню** (справа) по сей день остаются визитной карточкой парижского метро

Анна Шестопалова

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

ПАРИЖСКОЕ МЕТРО НЕ СПУТАЕШЬ НИ С одной подземкой мира: здесь можно услышать, как шумит тропический ливень, вдохнуть запахи лаванды и кедровой хвои или встретить людей, переодетых коровами. Здесь, под землей, устраивают праздники и маскарады. А также предлагают попробовать марокканский кускус или русские блины с тарамой (греческую тараму — икру тресковых рыб — французы почему-то считают типично русским блюдом).

Одно из старейших в мире (в этом году оно отмечает свой 100-летний юбилей), парижское метро — не только уникальная транспортная сеть: 380 станций и 14 линий протяженностью около 300 километров, переплетающихся с линиями электричек — RER (что позволяет, не выходя из-под земли, добраться из пригорода до любого уголка Парижа). Это одновременно еще и музей art nouveau, и одно из последних достижений хайтека. И, наконец, самое главное — место, где лучше всего можно почувствовать национальный характер французов. Перефразируя одного из парижских архитекторов, метро — это «окошко в подсознание» нации.

Метрострой в Париже. Работы на площади Сен-Мишель в 1907 году (слева) **и «форсирование» Сены в 1908-м** (справа)

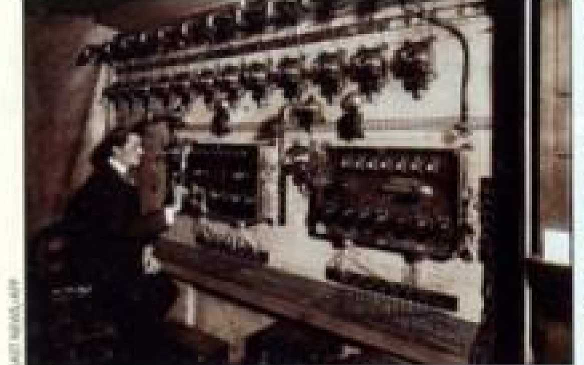
Еще одна французская революция

Трудно поверить, но первые проекты строительства парижской подземки, появившиеся более полутора веков назад, поначалу были встречены в штыки: идея подземного транспорта казалась чистым авантюризмом. Неудивительно, что многие во Франции сочли планы метростроевцев антимуниципальными и даже антипатриотичными.

Однако мысль о собственном метро не давала французским архитекторам спать спокойно. В проекте 1881 года оно выглядело довольно забавно: большой трамвай, поднятый на платформу, которую подпирали толстые трехметровые колонны — не подземка, а надземка.

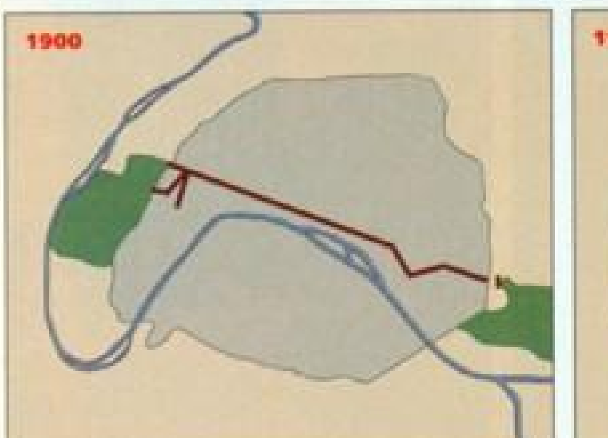
Окончательный проект был принят в марте 1898-го. Спустя два с половиной года в исторический для парижского метро день — 19 июля 1900 года, от станции «Порт Майо» со скоростью 30 километров в час отошел первый состав со 150 пассажирами. Публика, собравшаяся в трех вагонах, была весьма разношерстной: преподаватель университета, буржуа, владелец винного магазина, краснодеревщик, домохозяйка, дама полусвета, начальник министерства и работница шляпной мастерской. По замыслу создателей, парижское метро должно было стать универсальным средством транспорта, которым будут пользоваться все горожане независимо от их социального положения. И их расчет оправдался — уже к декабрю 1900 года число пассажиров составило 18 миллионов.

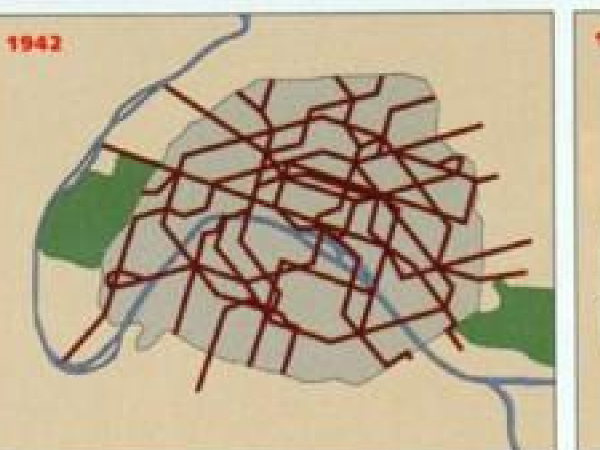
Демократизм и сегодня отличает метро Парижа от метро многих других крупных городов мира, скажем Нью-Йорка, где

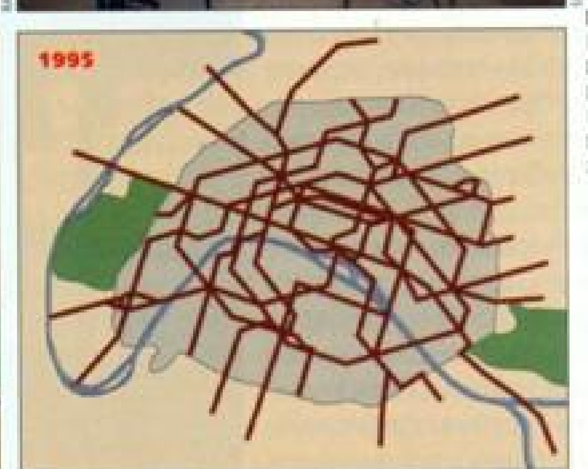

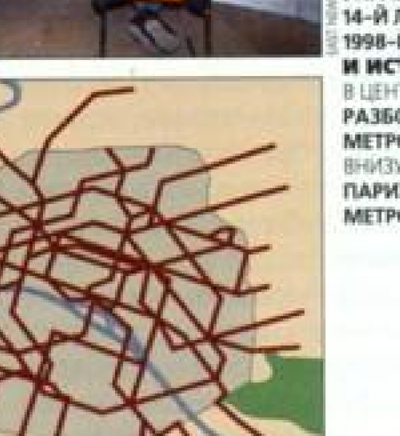

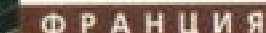

История парижского метро — это не только строительство новых линий и совершенствование систем управления. (Слева: **телефонная станция 1900 года;** справа: **центр управления новой, 14-й линией «Метеор», 1998-й.**) **Это еще и история города.** В центре: **разбомбленное метро в 1942-м.** Внизу: **схемы парижского метрополитена**

подземкой пользуются только люди определенного социального статуса. В парижской подземке можно встретить кого угодно: от аккуратных клерков, которые и в метро не расстаются с деловыми бумагами, и дам, словно сошедших со страниц модных журналов, до небритых эмигрантов и замазученных работяг. Однажды я стала свидетелем того, как молодые люди устроили под землей импровизированное представление по случаю свадьбы одного из своих друзей. Жених (родом, видимо, из Нормандии, которая славится своими молочными продуктами) переоделся коровой и стал громко мычать, а веселая компания принялась швырять в него салатом. Пассажиров это нисколько не шокировало.

Спустя столетие вопрос о том, не противоречит ли метро духу нации, уже никому не приходит в голову.

В 30-Е ГОДЫ, ЧТОБЫ ВОЙТИ В МЕТРО, НУЖНО БЫЛО ОТСТОЯТЬ ОЧЕРЕДЬ (ВНИЗУ).
В ПОДЗЕМКЕ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ МНОГИХ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. ЖАК ШИРАК (СРЕДНИЙ РЯД) **СПУСКАЛСЯ СЮДА, И КОГДА БЫЛ МЭРОМ, И КОГДА СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ.**
1980 ГОД. МЭР ПАРИЖА ШИРАК ЭПАТИРУЕТ ПУБЛИКУ, ПРОРЫВАЯСЬ НА ОТКРЫТИЕ «ПОДЗЕМНОЙ» ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ.
1998 ГОД. ПРЕЗИДЕНТ ШИРАК ОТКРЫВАЕТ «ЛИНИЮ БУДУЩЕГО» — «МЕТЕОР».

В залах подземного музея

Сто лет назад в европейском искусстве царил стиль модерн. По-французски — art nouveau. Это не могло не отразиться на архитектуре метро и его интерьере. Строители с самого начала стремились к тому, чтобы входные порталы гармонировали с архитектурным ансамблем города. Автором первых проектов стал молодой, но уже получивший достаточную известность архитектор Эктор Гимар, которого привлек к этой работе руководивший строительством инженер Фульжанс Бьянвеню. Гимару парижская подземка обязана своими светильниками, а также досками с планом метро, украшенными пышным орнаментом.

Сегодня из тех 115 порталов, выполненных в стиле art nouveau, осталось всего 86. Ничего не поделаешь: архитектурный облик города менялся, и изысканные павильоны с «излишествами» уже казались анахронизмом. Старые павильоны стали менять на новые.

Так продолжалось до 1978 года, когда все элементы декора парижского метро, выполненные в стиле art nouveau, были причислены к историческим памятникам. Сейчас их реставрируют: резные двери, изящные балюстрады и знаменитые гимаровские светильники в форме ландышей разбирают, очищают, освобождают от слоев краски и ржавчины.

Впрочем, парижское метро — это не только art nouveau. На станции «Лувр», например, выставлены репродукции картин из знаменитого музея. Стены станции «Конкорд» (что в переводе с французского означает «Согласие») испещрены цитатами из «Декларации прав человека и гражданина». Станция «Бастилия» украшена фресками с изображением сцен Великой французской революции, а на станции «Варенн», расположенной неподалеку от Дома-музея Родена, находится копия знаменитого роденовского «Мыслителя». Чем не музей под землей?

Неискушенному туристу план парижского метро может показаться китайской грамотой. Около четырехсот станций невозможно отразить в указателях так подробно, как это принято, скажем, в Москве. Поэтому обозначаются только конечные станции. Чтобы проехать из пункта «А» в пункт «Б», нужно, во-первых, определить самую конечную точку линии, на которой расположен пункт «Б», а во-вторых, правильно рассчитать пересадки. Неудивительно, что на многих станциях план метро протерт пальцами буквально до дыр. К тому же в парижском метро станций не объявляют. Расстояния между ними короткие, поэтому нужно быть очень внимательным, чтобы не проехать свою остановку. Подобное, кстати, часто случалось в молодости с известной французской актрисой Жанной Моро. Еще совсем юной актрисой она нередко погружалась в сценарии и вспоминала о нужной станции, когда та была уже далеко позади.

Чтобы закончить рассказ о возможных испытаниях, нужно упомянуть о недремлющих контролерах, имеющих обыкновение буквально из-под земли вырастать перед безбилетниками. По статистике, число «зайцев» составляет 4 процента от числа пассажиров. Самый распространен-

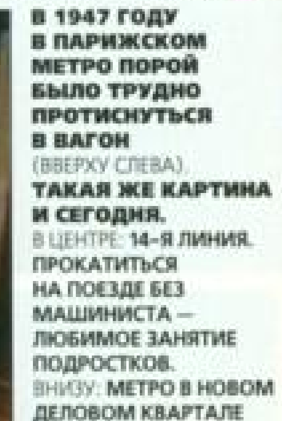
ПАРИЖСКОЕ МЕТРО — РОВЕСНИК XX ВЕКА. **НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО К ЕГО ЮБИЛЕЮ СТАНЦИЮ «ТЮИЛЬРИ»** (В ЦЕНТРЕ) **УКРАСИЛИ ПОРТРЕТАМИ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ СТОЛЕТИЯ. С ОДНОГО ИЗ НИХ НА ПАРИЖАН СМОТРИТ ЧАРЛИ ЧАПЛИН. БОЛЬШИНСТВО ЖЕ СТАНЦИЙ, КАК СТАНЦИЮ «МОНМАРТР»** (НИЖЕ), **УКРАШАЮТ РЕКЛАМНЫЕ ЩИТЫ.** ВВЕРХУ: **МЕТРО ПОЛВЕКА НАЗАД И СЕГОДНЯ**

Лион. Идея сада пришла в голову Франсуа Саглье, начальнику проекта 14-й линии, во время его путешествия в Сингапур, где растительность широко используется в оформлении подземных помещений. Микроклимат парижской подземки оказался оптимальным для тропической флоры. Так здесь появились пальмы, фикусы и еще 950 видов растений, в том числе редкие. Картину дополняет подсветка, меняющаяся в зависимости от времени суток, и записанные на пленку голоса птиц.

Конечно, посетителям этого райского сада никто не гарантирует беззаботной жизни. Когда бастуют работники метро и двухчасовое опоздание на работу перестает быть чем-то из ряда вон выходящим, на красоты подземки мало кто обращает внимание. Одним словом, парижане ругают свое метро так же часто, как хвалят, но обойтись без него уже не в состоянии. ■

В 1947 ГОДУ В ПАРИЖСКОМ МЕТРО ПОРОЙ БЫЛО ТРУДНО ПРОТИСНУТЬСЯ В ВАГОН (ВВЕРХУ СЛЕВА). **ТАКАЯ ЖЕ КАРТИНА И СЕГОДНЯ.** В ЦЕНТРЕ: **14-Я ЛИНИЯ. ПРОКАТИТЬСЯ НА ПОЕЗДЕ БЕЗ МАШИНИСТА — ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ ПОДРОСТКОВ.** ВНИЗУ: **МЕТРО В НОВОМ ДЕЛОВОМ КВАРТАЛЕ «ДЕФАНС»**

ный способ проникновения в метро без билета — перепрыгнуть через турникет.

Однако если не нарушать правил и быть внимательным, то парижское метро не доставит вам неприятных впечатлений. Здесь по ходу движения можно сделать массу полезных дел. Метро — это целый подземный город, где есть бутики прет-а-порте, кафе и даже парикмахерские (на центральных станциях).

В отличие от городов, где пахнет гарью и выхлопными газами, подземный Париж благоухает лесом и лугом (если, конечно, не завален мусором, что нередко случается, когда бастуют те, кому положено его убирать). Парижане выбрали для своего метро аромат под названием «Мадлен», разработанный той же лабораторией, которая создает духи для известного кутюрье Тьери Мюглера. Начиная с 1998 года полы вестибюлей ежемесячно покрываются 150 тоннами ароматизированного воска.

Линия будущего

В 1998 году в парижском метро появилась новая, 14-я линия «Метеор». Это метро без машиниста, управляемое при помощи компьютерной системы. Создатели «Метеора» именуют свое детище не иначе как «технологическим чудом». Подобные линии существуют в ряде городов мира: Ванкувере, Торонто, Детройте, Майами, Чикаго, Тайбэе, Кобе, Осаке. В каждом вагоне есть две видеокамеры для наблюдения за пассажирами, а также переговорное устройство.

На этом чудеса 14-й линии не кончаются. На глубине 12 метров под землей идет дождь: крупные капли стучат по листьям тропических растений. Это происходит в саду, расположенном на станции Гар-де-

Дорогая его столица

Атака Юрия Лужкова на налоговую реформу захлебнулась. Чтобы не потерять рычаги управления городской собственностью, мэр пошел на попятную

Антон Пришвин

ПРЕССИНГ

Столичный мэр — единственный глава субъекта Федерации, который посмел резко критиковать налоговую реформу. Это при том, что перераспределение налоговых поступлений в пользу центра опустошает бюджеты всех регионов-доноров, а не только Москвы.

С нового года в федеральный бюджет будет попадать чуть ли не 70% поступлений, регионам останется 30%. Раньше налоговые отчисления делились примерно поровну.

Переориентация финансовых потоков в пользу федерального бюджета началась уже в этом году. По данным Минфина, за последние полгода налоговая база региональных бюджетов сократилась на 13,2%. По оценкам Института проблем глобализации, такая переориентация существенно осложнит ситуацию в регионах, поскольку она не компенсируется ростом бюджетных доходов из-за улучшения общей экономической конъюнктуры в России.

Масштаб катастрофы — потери столицы от налоговой реформы — мэр и федеральные чиновники оценивают по-разному. Лужков утверждает, что в 2001 году бюджет оскудеет на 45—47 млрд. рублей. Вице-премьер Алексей Кудрин считает, что на 30 миллиардов. По словам городских чиновников, такое сокращение может иметь катастрофические последствия для выплат по внешним долгам (см. подверстку). (Суммарный внутренний долг Москвы около 9,5 млрд. рублей, внешний — 2 млрд. долларов.) Москве пришлось объявить о выпуске еврозайма в 800 млн. долларов для рефинансирования внешних долгов: в апреле столице предстоит погашать еврозайм в размере 412 млн. долларов и 300-миллионный кредит в той же валюте. Кроме того, городские власти будут вынуждены прекратить финансировать строительство метро, сворачивать дорожное строительство, поднять тарифы на коммунальные услуги, увеличивать налог с продаж с 4 до 5%, ввести налог на прибыль в размере 5%.

Московский мэр в течение недели размахивал кулаками. То грозился подать в суд на федеральные власти, если те не выдадут положенных городу 6 млрд. рублей субвенций на исполнение Москвой столичных функций, то говорил про согласие федерального центра расплатиться по долгам Москвы. Надо сказать, последнее заявление наделало много шуму и повергло в шок Министерство финансов — если Алексей Кудрин согласится на такую схему, аналогичные требования выдвинут остальные регионы: ведь федеральный центр устраивает налоговой реформой форсмажор не только для Москвы. А где брать на это еще 90 млрд. рублей — непонятно, бюджет не резиновый.

Как федеральные, так и московские власти с завидным постоянством опровергали заявления противной стороны. В результате выяснилось, к примеру, что субвенции на осуществление столичных функций мэр должен получать, так сказать, натурой — не деньгами, а акциями приватизируемых предприятий, срок для передачи которых из федеральной собственности в городскую еще не подошел. Что же касается идеи передачи московских долгов на обслуживание Минфину, прозвучавшей из уст Лужкова две недели назад, то она, как утверждает сегодня мэр, должна остаться на совести журналистов, якобы неправильно истолковавших его слова. Вот как объяснял ситуацию вице-мэр Валерий Шанцев: «Лужков озвучил на заседании правительства Москвы стенограмму (дискуссии на Совете Федерации. — **«Итоги»**): когда утверждался Налоговый кодекс, Кудрину задали вопрос, как быть с долгами. Он сказал: «Мы будем рассматривать вопрос о погашении долгов субъектов РФ». Это документ, это стенограмма... Теперь Кудрин от этого отказывается».

В разгар пикировки федеральный центр запустил сообщения о коррупции в рядах городских чиновников (по данным МВД, против них возбуждено 30 уголовных дел). Получив соответствующее письмо из следственного комитета, мэр долго возмущался. Как сообщил «Интерфаксу» источник в столичной мэрии, Юрий Лужков «выразил удивление» тем, что в письме следователей во многих случаях не названы фамилии государственных служащих, обвиняемых в злоупотреблениях, а целый ряд упомянутых структур и акционерных обществ «вообще не имеют никакого отношения к правительству Москвы».

Отповедь

После недельной артподготовки наконец состоялась встреча Алексея Кудрина с Юрием Лужковым. В прошлый понедельник Юрий Михайлович просил у вице-

премьера 26 млрд. рублей: 15 на компенсацию Дорожному фонду, 8 на выплаты по внешним долгам и 3 на компенсацию льгот по оплате жилья, проезда, коммунальных услуг для ветеранов, госслужащих и военных. На все эти «обоснованные, но требующие анализа» просьбы московского мэра (именно так, по словам Лужкова, характеризовал его запросы Кудрин) он получил лишь предложение интеллектуальной помощи: вице-премьер готов отрядить минфиновских чиновников для аудита московского бюджета, чтобы поискать скрытые резервы городской казны.

Давать или не давать денег Дорожному фонду и в какой форме помогать Москве субвенциями, решит трехсторонняя комиссия с участием депутатов, губернаторов и правительственных чиновников, намеченная на 21 августа. Судя по всему, Москву ожидает вежливый отказ. Скорее всего, никто из трех сторон не захочет делиться куском общего пирога с одним регионом, тем более с Москвой (ведь у многих губернаторов ситуация ненамного лучше, а у правительства и вовсе нет желания отдавать что-либо московскому мэру). Отказывать в денежной помощи куда легче, прикрывшись коллективным мнением.

После такого нажима Лужков практически пошел на капитуляцию. Именно так, видимо, следует расценить прозвучавшую из уст мэра оценку 100 дней президентства Путина. Это, по словам мэра, «время, эффективно потраченное на реальное укрепление вертикали государственной власти, на дисциплинирование государственной машины и экономики» (звучит так, как будто осужденный расхваливает приговор, вынесенный ему суровым судьей).

Больше того, вопреки заявлениям своих подчиненных, утверждающих, что размер льгот, предоставленных московским предприятиям, не превышает 1 млрд. рублей, Лужкову пришлось признать другую цифру: 16 млрд. рублей. Как рассказывает Алексей Кудрин, мэр согласился и с тем, что это слишком большой объем льгот, который нужно сокращать.

> Москва дает 30 — 35% всех федеральных налоговых доходов. При доле населения примерно в 6% в столице создается около 15% ВВП всей России.

И все же мэр получил утешительный приз — обещание завершить передачу акций АЗЛК в городскую собственность. Сумеет ли мэр в дальнейшем распоряжаться этими акциями, как, впрочем, и акциями других городских предприятий, напрямую зависит от лояльности градоначальника федеральным властям.

ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, ОКРУЖНАЯ АВТОДОРОГА И МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ СТАЛИ СИМВОЛАМИ ЛУЖКОВСКОЙ МОСКВЫ. **СЛОЖНОЕ ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ СТОЛИЦЫ СДЕЛАЕТ ТЕПЕРЬ СТОЛЬ АМБИЦИОЗНЫЕ ПРОЕКТЫ НЕВОЗМОЖНЫМИ**

Капкан

Весь вышеописанный конфликт между столичной властью и федеральным правительством может иметь и весьма серьезные политические последствия. В Кремле уже давно ищут повод, чтобы избавиться от Юрия Лужкова. Зуб на него вырос еще при Ельцине, когда мэр стал готовить себя к штурму президентской высоты и возглавил губернаторскую фронду. И даже его присяга на верность новому российскому лидеру мало что изменила в настроениях президентского окружения. Логика здесь проста: Лужков проиграл политическое сражение — он должен уйти со сцены. Совсем.

Теснить мэра по всем фронтам начали еще в конце зимы. Достаточно вспомнить историю с конкурсом на частоту вещания канала ТВЦ, уже упоминавшееся письмо прокуратуры о коррупции в московском правительстве или недавнее заявление президентского полпреда Георгия Полтавченко о недопустимости сохранения в столице режима прописки, который противоречит Конституции РФ и постановлению Конституционного суда.

Недавно принятые законы позволяют президенту увольнять глав субъектов Федерации за издание законодательных актов, нарушающих федеральные законы. Однако дело это долгое и чрезвычайно трудоемкое. В сегодняшних условиях Кремлю может оказаться куда проще перевести борьбу с мэром в экономическую плоскость и, измотав Лужкова переговорами, проверками и угрозами, однажды предложить ему простой выход: он уходит в отставку, а у города немедленно исчезают все финансовые проблемы.

Мэра постепенно загоняют в угол: его лишили суммы, сопоставимой с пятой частью бюджета, поставили город на грань дефолта. Московское правительство вынуждено искать резервы для затыкания дыр, допустив федеральных аудиторов в святая святых — городские финансы. Пришлось выпускать еврозайм, судьба которого полностью в руках Минфина, то есть федерального правительства (именно Минфин проверяет параметры выпуска московских евробондов и выдает разрешение на их размещение). Так же, как и судьба градоначальника — в руках президента. ■

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Бюджетная автономия или финансовая продразверстка

После дефолта 1998 года столице пророчили неизбежное банкротство, но Москва график выплат не нарушила: расплачивалась, надо сказать, без рефинансирования и поддержки Федерации, опираясь исключительно на собственные силы. В мае 2000 года она погасила крупнейший еврооблигационный займ в 500 млн. долларов.

Сегодня разговоры о дефолте возобновились. Предсказывали, что если он разразится, надежд на внешние инвестиции станет значительно меньше, придется сворачивать инвестиционные проекты, в том числе впечатляющее строительство дорог, жилья. Вряд ли, впрочем, российское правительство всерьез хочет московского дефолта. Оно заставляет мэра идти на поклон: сейчас столице уже трудно обойтись без дополнительных займов и поддержки федерального бюджета. «Итоги» попросили прокомментировать ситуацию председателя Комитета муниципальных займов правительства Москвы Сергея Пахомова.

— Сергей Борисович, насчет дефолта — это правда? Можно ли налоговую реформу считать форсмажором при погашении внешних долгов регионов?

— Насчет дефолта — неправда. Мэр всегда, даже в самое тяжелое время кризиса, утверждал, что Москва выполнит свои обязательства перед всеми кредиторами без исключения.

Бюджетные и налоговые новации приведут в будущем году к сокращению доходов бюджета Москвы как минимум на 1 млрд. долларов. Естественно, что такое сокращение доходов города вызывает серьезное беспокойство и наших кредиторов, а поскольку в ряде наших кредитных соглашений, в том числе международных, имеются положения, дающие кредиторам право требовать досрочного погашения долга, это может иметь глубокие последствия. Именно это имел в виду мэр, когда заявил о форсмажоре.

Кстати, как известно, один из наших старых и испытанных партнеров, банк Credit Suisse First Boston, уже поднял вопрос о досрочном погашении кредита в 295 млн. долларов. Мне уже звонят и иностранные, и российские банкиры, выражая беспокойство последними событиями. Если начнется цепная реакция, то форсмажор не исключен.

— Каковы ваши отношения с Минфином?

— Комитет муниципальных займов постоянно работает в контакте с соответствующими департаментами Минфина и ведет работу по встраиванию нашей системы в рамки нового Бюджетного кодекса.

Я считаю, что Москва самостоятельно решит все свои долговые проблемы, если сохранятся автономия региональных бюджетов субъектов Федерации и цивилизованные нормы распределения налоговых доходов. Однако, если нынешняя тенденция к централизации налоговых доходов на федеральном уровне перерастет во всеобщую конфискацию местных и региональных бюджетов по типу «финансовой продразверстки», это полностью подорвет платежеспособность Москвы. Тогда пострадают все: если нам — по примеру Нижнего Новгорода — придется реструктурировать свой внешний долг, то и перспективы размещения федеральных еврооблигационных займов значительно ухудшатся.

— Изменилась ли тактика обслуживания внешних долгов? Многие СМИ назвали запланированные выпуски ценных бумаг столицы строительством долговой пирамиды...

— Меняется стратегия. Так как размер будущих доходов не ясен, займы не будут использоваться для финансирования инвестиционной программы города 2001 года. Это затормозит развитие Москвы, поскольку в 1997 — 2000 годах займы давали 30 — 40% городских инвестиций. Но за счет этого торможения долг сократится и стабилизируется. Мы собираемся работать над санацией долгового портфеля, унаследованного с кризисных времен, удлинять долг, снижать стоимость его обслуживания. Рефинансировать долги будем таким образом: предварительно погасив старый долг, будем стремиться привлечь в том же объеме новые средства, но на лучших условиях (более долгий срок погашения, более низкие проценты). Это нормальная практика управления долгом, и ни о какой долговой пирамиде речь не идет.

— Вы рассчитываете на новые займы. А как же закон, принятый недавно Думой, который запрещает регионам брать внешние займы?

— Внешние займы нам необходимы и в следующем году: уровень капитала, работающего в городской экономике, не должен снижаться. Бюджетный кодекс в новой редакции позволяет ряду регионов, в том числе и Москве, выходить на внешний рынок для рефинансирования уже имеющихся внешних займов.

— Агентство Standard & Poor's положительно оценило ситуацию с долгами Санкт-Петербурга, подняло город на один пункт в международном рейтинге российских долгов. А рейтинг Москвы остался прежним. Эксперты агентства объясняют это тем, что в вопросах городских финансов Питер намного прозрачнее Москвы. И, кроме того, в Санкт-Петербурге есть план работы с внешними долгами, которого нет в Москве. Насколько справедлив такой подход?

— Неизменность нашего рейтинга, на мой взгляд, а я постоянно общаюсь с тремя ведущими мировыми рейтинговыми агентствами — Standard & Poor's, Moody's, Fitch IBCA, — объясняется их неуверенностью в будущем отношений между федеральным правительством и регионами. Прежде всего с Москвой как с крупнейшим регионом-донором страны. Известно, что следующей весной предстоят новые погашения еврозаймов при том, что будущие доходы Москвы сокращаются, а вопрос о размещении Москвой новых еврозаймов не урегулирован на федеральном уровне. Минфин с завидным постоянством отказывает Москве в регистрации новых внутренних облигационных займов, и это известно рейтинговым агентствам. Поэтому их осторожность понятна.

По поводу планов. Глупо считать, что мы могли бы успешно решать самостоятельно долговые проблемы такого масштаба, не имея соответствующих планов. С августа 1998 года мы истратили на обслуживание и погашение долга 809 млн. долларов и 20 млрд. рублей. Это потребовало тщательного планирования и мобилизации всех финансовых ресурсов Москвы. Можно ли этого добиться в обстановке анархии? Ответ очевиден. Управление долгом, особенно в периоды острого кризиса, — дело сугубо конфиденциальное. К тому же в 1999 году и весной 2000 года обстановка менялась так резко и быстро, что наши планы пересматривались и корректировались в еженедельном режиме.

— Вы сказали, что Минфин отказывает комитету в регистрации внутренних займов. Чем вы это объясняете?

— Вокруг наших внутренних облигационных займов сложилась парадоксальная ситуация. После успешного погашения еврозайма 31 мая этого года на московские муниципальные облигации резко возрос спрос. Мы выгодно разместили остатки облигаций на общую сумму около 1 млрд. рублей. В отдельные дни обороты торгов на ММВБ по 7-й серии муниципальных облигаций достигали 28 млн. рублей.

Вместе с тем на протяжении всего года мы не сумели зарегистрировать в Минфине ни одного нового выпуска наших облигационных займов, хотя Москва имеет прекрасные финансовые показатели. Причина отказа — формальное несоответствие формулировок отдельных параграфов нашего закона о бюджете Москвы и соответствующих параграфов Бюджетного кодекса. (Кстати, положения Бюджетного кодекса часто противоречат друг другу, следовательно, формальный предлог для отказа найти несложно.) В результате «игры словами» Москва не может использовать лимит заимствований — 23 — 25 млрд. рублей (15% доходов бюджета), которые теоретически могла бы привлечь в этом году согласно Бюджетному кодексу. В 2001 году мы могли бы привлечь еще больше, так как даже с учетом перераспределения налоговых поступлений в пользу федерального центра бюджетные доходы города планируются в размере 210 млрд. рублей, или более 7 млрд. долларов.

Мы, естественно, еще раз внесем поправки в московский бюджетный закон, чтобы снять все формальные возражения Минфина. Однако если нам не удастся зарегистрировать программу облигационных заимствований этого года по причине его очередного отказа, то рынок наших внутренних облигационных займов просто исчезнет.

— Каковы последствия нынешней политики для Москвы? Как это отразится на рядовых москвичах?

— Значительная часть бюджетных доходов и все городские займы используются для инвестиций в городскую экономику. Иного источника «длинных денег» в стране просто пока нет. Если Москву, этот мощный экономический локомотив, загонят в тупик и поставят там ржаветь, в итоге плохо будет всем россиянам, в том числе и москвичам, в том числе и «федерального значения». Уровень и качество их жизни в столице серьезно пострадают.

Марина Уварова

Марки-шоу: в главной роли – государство

Роспатент хочет обобществить старые советские брэнды

Ирина Розенберг

ТЯЖБА

На протяжении последних нескольких месяцев производители обсуждают намерения Роспатента забрать в госсобственность брэнды (брэнд – торговая марка, имеющая устойчивое имя и репутацию), существовавшие еще в советские времена. Роспатент (контролирует права интеллектуальной собственности) намерен ввести в закон о товарных знаках понятие «знак соответствия». Знаками соответствия, по замыслу авторов реформы, будут именоваться марки, которые до 1992 года (от этого года традиционно отсчитывается процесс перехода к рыночной экономике) выпускались одновременно несколькими предприятиями. Речь идет о таких марках, как конфеты «Мишка косолапый», шоколад «Аленка», водка «Столичная», папиросы «Беломор» – новый закон коснется в основном продуктов и сигарет, – словом, о названиях, знакомых многим с детства. Предполагается, что государственный орган будет выдавать платные лицензии на право производства товаров под старыми марками всем желающим производителям.

Вопросы истории

Товарным знаком или маркой считается наименование, зарегистрированное фирмой в установленном законом порядке (те, что не зарегистрированы, но вошли во всеобщее употребление, считаются типом, видом, сортом продукции, например, колбаса докторская). Фактически Роспатент предлагает признать регистрацию товарных знаков недействительной.

В советские времена существовали отраслевые министерства и научно-исследовательские институты, которые разрабатывали рецептуру, технологию, стандарты того или иного продукта. Они же, как правило, и давали название товару. Рецептуры включались в отраслевые справочники, к которым имели доступ предприятия отрасли всего СССР. Были исключения, когда товар разрабатывало не отраслевое НИИ, а специалисты конкретного предприятия, которое и становилось законным хозяином марки. Но даже если товар регистрировался на данное предприятие, «доступ» к его технологии и названию могли получить и другие. Это делалось по разнарядке вышестоящего министерства, а спорить с министерствами было не принято. Хотя предприятия, имевшие в своей собственности товарную марку, впоследствии, отстаивая права собственности, оказались в более выгодном положении. Например, как сообщили представители British American Tabacco (нынешние владельцы фабрики «Ява»), марка «Ява» была одной из немногих в советские времена, официально числящихся за одноименной московской фабрикой, поэтому теперь никто другой не имеет права официально производить сигареты под этим именем.

Когда Роспатент заявил о своих планах забрать в собственность старые брэнды, руководители некоторых предприятий заговорили о национализации. «Национализировано может быть только то, что приватизировалось, а название продукции в документах о приватизации не значилось, регистрация старых торговых марок проводилась уже после приватизации, – комментирует юрист Евгений Ариевич, специализирующийся на товарных знаках. – Другое дело, что и в советские времена существовала регистрация товара за каким-то конкретным предприятием, и даже если этот товар производился еще какими-то заводами, то он все равно считается собственностью предприятия и отобран быть не может».

Другие стали рассуждать о степени законности замысла Роспатента. «Если вместо одного закона издать другой, то все будет сделано на законном основании», – с улыбкой поясняет Евгений Ариевич. Но дело даже не в вопросах законности и незаконности или национализации и денационализации. Хочется понять, с какой целью затевается это мероприятие.

Борьба за имя

Руководитель Роспатента Александр Корчагин в своем интервью одной из российских газет объясняет намерение тем, что раз брэнд «раскручивало» советское государство, то почему он должен достаться теперь только одному предприятию? А если уж оно хочет им владеть, то должно заплатить государству деньги. То, что советского государства уже давно нет, в расчет не берется. Второй, на первый взгляд резонный, аргумент заключается в том, что «огосударствление» старых марок – единственный, по мнению Роспатента, способ прекратить конфликты между предприятиями из-за «советских» брэндов.

После приватизации руководители многих предприятий очень быстро поняли, что из названия товара можно извлечь прибыль. Ибо, как выразился представитель одной из кондитерских фабрик, «половина конфет, которые мы делаем, и на вкус одинаковы, и по рецептуре схожи, главное – название, оно либо на слуху, либо нет». Практически все производители, пустившись в свободное плавание, предпочли не разрабатывать новые марки, а, используя ностальгические чувства потребителя, продвигать старые. Самые активные стали подавать заявки в Роспатент на регистрацию в свою собственность товарных знаков. Согласно законодательству право владения «ничейным» товарным знаком получает тот, кто первым подал заявку. Таким образом, у производителей появилась возможность запрещать своим конкурентам выпускать продукцию под наиболее популярными марками.

Конфликтов было немало. В первой половине 90-х московские кондитерские фабрики яростно спорили между собой, кому должны принадлежать те или иные марки конфет и шоколада. Однако кондитеры нашли соломоново решение. По словам генерального директора концерна «Бабаевский» г-на Носенко, кондитерские фабрики, входящие в Российскую ассоциацию кондитеров, договорились о том, что уступают друг другу право производства старых марок (сегодня разные конфетно-шоколадные марки зарегистрированы за разными фабриками). Только фирменные этикетки теперь у каждой фабрики свои, старыми остались лишь названия.

Есть, впрочем, и примеры, когда конфликт длится уже много лет. Вот, скажем, пивоварам договориться труднее: в отличие от кондитеров, в арсенале которых изрядное количество полюбившихся покупателям старых марок, им нечего друг другу переуступать. У них из старых марок чуть ли не одно «Жигулевское» осталось, ведь большинство предприятий разрабатывает совершенно новые фирменные брэнды.

«Жигулевское» было зарегистрировано в 1992 году как товарный знак самарским пивоваренным предприятием АО «Жигулевское пиво». Потребовав от других пивзаводов прекратить выпуск пива под этой маркой или заключить с предприятием соответствующие договора на использование марки, самарский завод инициировал ряд арбитражных судов и выиграл большинство из них. Скажем, зимой этого года московский арбитражный суд удовлетворил очередной иск на эту тему к Останкинскому и Бадаевскому комбинатам.

Московские предприятия подали ответные иски, и в начале августа апелляционная палата Роспатента удовлетворила их, исключив слово «Жигулевское» из-под охраны товарного знака самарского предприятия и создав тем самым прецедент превращения торговой марки в видовое понятие, фактически в тот же знак соответствия. Но оправданна ли такая цена умиротворения? Производители, к сожалению, не понимают, что бесконечные суды не идут на пользу коммерческой привлекательности марки, и в конечном итоге она просто умирает.

Большинству специалистов непродуманным представляется и решение Роспатента огосударствить все без исключения старые марки. «Пусть государство заберет себе те названия, которые еще ни за кем не зарегистрированы. Зачем губить то, что имеет своего законного владельца, то, что успешно производится?» – недоумевает Василий Теревцов, руководитель ассоциации «Ростабакпром» (объединяет всех российских производителей сигарет). «Гораздо более разумным и справедливым было бы выработать механизм признания старых марок коллективными товарными знаками. Например, чтобы в рамках отраслевых ассоциаций производители, которые до 1992 года выпускали товар под одинаковой маркой, регистрировали ее в общее пользование. Так можно учесть интересы всех: марки, разработанные коллективно, остаются в пользовании тех же коллективов, их круг не расширяется», – предлагает Евгений Ариевич. Табачная промышленность уже пошла по этому пути: «Приму» на безвозмездной основе могут производить все предприятия, входящие в Ростабакпром.

Было бы за что бороться

Нововведение позволит фактически любому купить себе право на производство старого советского брэнда, даже если он его никогда не производил и понятия не имеет о технологии. Тем не менее Александр Корчагин считает, что качество продукции должно улучшиться, если старыми марками будет распоряжаться государство, которое намерено контролировать их производство – стандарты и тонкости рецептуры. Простой пример. Если в конфету «Мишка косолапый» вместо тертого миндаля добавить тертый арахис, она станет «Красной шапочкой», а если вообще не добавлять орехов, то получится совсем другая конфета. И если ее завернуть в обертку, на которой изображены знакомые всем с детства медведи в сосновом бору, фактически выйдет фальшивка, пусть даже вполне вкусная и качественная сама по себе.

Действительно, в последние годы множество старых брэндов дискредитировано. Но дело даже не в мелких полуподпольных фирмах, мухлюющих кто во что горазд. Легальные производители тоже нередко используют более дешевое сырье, его заменители, а то и вовсе экономят на составляющих. Сегодня качество товаров остается исключительно на совести производителей. Пока Роспатент не дает ответа, каким образом он будет контролировать качество. Теоретически нужны немалые средства на создание системы условий и обязательств, «под которые» государство разрешит пользоваться старыми марками (например, предприятие под угрозой лишения лицензии обязуется ни на шаг не отступать от принятой технологии и ГОСТов), и необходимых для проверки органов. Но мы никогда не могли похвастаться успехами по части проверки чего бы то ни было. Стоит напомнить, что даже при советской системе контроля продукты под одинаковыми названиями различались в зависимости от производителя: «Мишка» какого-нибудь подольского завода был не таким, как московский. Нельзя забывать и о сырьевой проблеме: при централизованной системе распределения только некоторые производители получали доступ к первосортному сырью, теперь же далеко не у каждого есть средства, чтобы купить высококачественное сырье.

Посмотрим на проблему и с другой стороны. Торговая марка – вещь эксклюзивная. Сегодня даже в тех случаях, когда старые марки производят несколько предприятий, их круг все-таки ограничен. Если же право на производство брэнда получит любой желающий, брэнд очень скоро потеряет свою репутацию. А значит, производитель сто раз подумает, прежде чем купить право на марку, и государство может остаться у разбитого корыта. Например, как отметил представитель одной из табачных фабрик, если вдруг Роспатент добьется своего, то им гораздо проще будет вообще отказаться от выпуска «Примы», чем платить за этот «отмирающий брэнд».

Уже сегодня некоторые производители начали понимать, что невозможно бесконечно долго спекулировать на ностальгии покупателей. Надо разрабатывать новые брэнды, тем более что новое название и упаковка совсем необязательно подразумевают создание совершенно нового продукта. Ведь и в новую упаковку можно завернуть продукт того же вкуса, цвета и запаха, к которым привыкли потребители. Что, кстати, ссылаясь на традиционность вкусов, и делают как отечественные, так и западные компании, работающие на нашем рынке.

Старые названия имеют довольно ограниченный круг покупателей, преимущественно людей старшего поколения. Словом, многие советские марки доживают свои последние годы (за исключением, возможно, некоторых водочных брэндов). Пусть живут спокойно. Не надо их трогать. ■

Эфирная кухня

Учредители — Московский городской совет народных депутатов, Ассоциация «Радио», редакция журнала «Огонек» и факультет журналистики МГУ. Зарегистрирована 9 августа 1990 года, первый двухчасовой эфир состоялся 22 августа в режиме «пробного канала». В 1994 году перешли на круглосуточное вещание, тогда же было создано информационное агентство «Эхо Москвы». Сегодня «Эхо» принимают более чем в 45 городах, из них за границей — в Сиэтле, Чикаго, Риге и Харькове. Вещание в Москве ведется круглосуточно на двух частотах — 73,82 Мгц УКВ и 91,2 Мгц FM. Общая потенциальная аудитория — более 50 млн. человек.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Радиостанция «Эхо Москвы» произвела революцию, причем столь бархатную, что, кажется, не заметила ее сама

Лев Рубинштейн

ЛИРИКА

Радио у человека всегда одно. Вроде как муж или жена в моногамных обществах. Поймать «чужое» радио — это как сходить налево. Я вот, например, когда говорю слово «радио», подразумеваю «Эхо Москвы». И эта наша законная связь длится, оказывается, уже десять лет — с ума сойти! А что было до этого? О, много чего.

Чтобы понять роль радио в жизни человека, надо помнить себя пятилетнего в каком-нибудь пятьдесят третьем году. Ты лежишь в очередной ангине. Глотать больно, а тонкую твою шею нещадно царапает пергаментная бумага от компресса. За окном — бесконечный снег. Говорить тоже больно, да и не с кем. Мама пошла в аптеку за стрептоцидом, и ее все нет и нет. На этажерке, покрытой кружевной салфеткой, стоит, подмигивая изумрудным глазом, трофейный радиоприемник. В нем вся жизнь, в нем вся надежда, он один тебе утешитель. Ты слушаешь все — от гимна до гимна.

Утренняя гимнастика. Преподаватель Гордеев, пианист Родионов. «Ноги на ширине плеч! Колени повыше! Оч-чень хорошо! Раз! Два! Три! Раз! Два! Три! Переходим к водным процедурам».

«Пионерская зорька». Когда-то, уже в 70-е годы, в одной компании меня познакомили с миловидной, но простенькой барышней. На вопрос о роде занятий она как-то небрежно бросила, что она «радиоактриса». Это заинтриговало. Потом выяснилось, что радиоактриса она в том смысле, что, когда ей было лет семь, она записалась на радио в роли: «Здравствуйте, ребята! В эфире «Пионерская зорька»!»

«Писатель у микрофона». «Я получаю много писем от своих читателей. Прочту одно из них».

Певцы. Бунчиков поет «Летят перелетные птицы», а Нечаев — «Влюбленного бригадира» («Говорить не умею речисто я. И поэтому мо-олча люблю-у-у»). Вдвоем поют шуточную: «Вот они идут все трое — он, она и проливно-ой (пауза) дождик, дождик, дождик, дождик».

Детская радиопостановка. «Айога-гаа-гаа-гаа», — заклинает голос Бабановой. Мальчишек-сорванцов играет Зинаида Бокарева. Всех остальных — Николай Литвинов. Особенно папу Карло.

Передовая статья и краткий обзор газеты «Правда». Понятно только одно: как же мне все-таки повезло, что я родился в СССР. А мог ведь — в какой-нибудь Америке. Ужас!

Разучивание песни. «А теперь прослушайте этот куплет в исполнении детского хора».

Футбол. Вадим Синявский. «Внимание, внимание! Наши микрофоны установлены...»

«Угадайка, угадайка, интересная игра, та-та-та-та, та-та-та-та (не помню), слушать радио пора».

Произведения советских композиторов...

Так вот одним мартовским днем, уже выздоравливая и потому пребывая в томном блаженстве, я услышал скорбный голос Левитана: «дыхание Чейна-Стокса...». Это была первая осознанная мною смерть. Умер тот, которого радио по сто раз в день называло моим отцом. Мой настоящий отец в тот день бросил курить. Хотя при чем тут это? Непонятно.

Чтобы понять роль радио в жизни человека, надо помнить себя, вращающего во все стороны рижскую «Спидолу» с погнутой антенной в тщетной попытке расслышать голос Анатолия Максимовича Гольдберга. «Глядя из Лондона». Би-би-си. Советские танки в Праге. Ни черта не слышно.

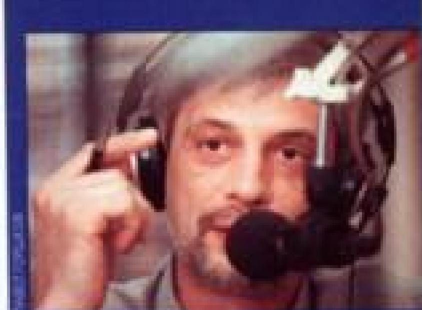
Одна знакомая довольно большая семья ежевечерне и в полном составе слушала «Голос Америки» — это было родом ритуала. Среди слушавших был и очень старый дедушка. Он, хотя и был глуховат, вел себя тихо, никого ни о чем не переспрашивал, внимал всем этим шорохам и трескам почтительно и дисциплинированно. Лишь после всего, когда радио выключалось, он всякий раз огорченно констатировал: «А погоду опять не сказали». Особая, несколько мистическая роль погодных прогнозов — тема особая. Впрочем, об этом сказано и понаписано много.

Радио жило по обыкновению на кухне. Связь между кухней и радио была односторонней. Радио вещало, учило, пело и проповедовало. Кухня резала лук, пила чай, разговаривала, ругалась, мыла посуду. Иногда вслушивалась, поднимая кверху указательный палец.

Станция «Эхо Москвы» произвела революцию, причем столь бархатную, что, кажется, не заметила ее сама. Дело в том, что она не вещала на кухню, она сама была кухней, где болтают, рассуждают, рассказывают новости из первых и вторых рук. Ругаются. Наверняка пьют чай. Может быть, даже и режут лук — кто их знает, не видно ведь. Ничего вроде бы особенного не произошло, кроме того, что собралась компания с полуслова понимающих друг друга людей. Это ведь так просто. Эпоха монологизма миновала. Наступила эра диалога.

С некоторых пор радио слушают все больше не на кухне, а в автомобилях. «Эхо Москвы» превратило машину в движущуюся кухню. Боевым крещением «Эха» стали вильнюсские события января девяносто первого. Звездным часом — 19—21 августа того же года. Далее — везде.

Не все там нравится. И не все там нравятся. Какие-то вещи кажутся поднадоевшими. Какие-то интонации — неубедительными. Какие-то нововведения — поспешными и непродуманными. Досадуем, но любим. Ворчим, но слушаем, не переключаем. Вот ведь что главное. ■

Сергей Корзун
Родился в 1956 году, окончил МГПИИЯ им. Мориса Тореза. После учебы работал на Международном московском радио (французская редакция). С 1990 по 1996 год — главный редактор «Эха». Ныне — генеральный продюсер, ведущий программ «Люди», «Дело», ведет вечерний эфир.

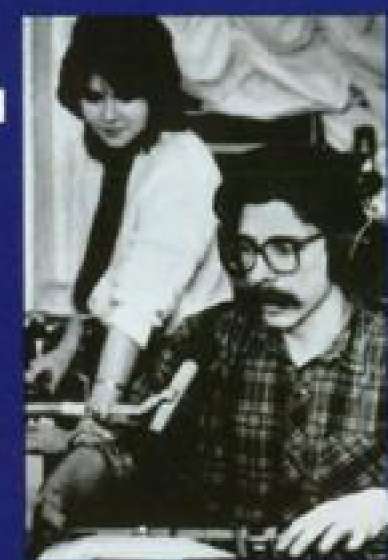
— Дело было так: Гостелерадио СССР, мужской туалет, курилка. Подходит Сережа Мешков и говорит, что у Ассоциации «Радио» есть частота и они ищут главного редактора. После встречи с учредителями я стал готовить документы. Это был мой шанс. До этого мы все работали в идеологической организации, и никакой журналистикой там и не пахло. Когда к нам на «Эхо» приходили журналисты старой закалки, то первым делом спрашивали, что можно делать, а что нельзя. Они никак не могли понять, что можно все. Поэтому журналистов мы стали готовить сами. Людей с журналистским образованием у нас не было, мы сначала просто приглашали на работу своих знакомых. Через месяц почти все новички становятся настоящими профессионалами и могут сами вести эфир. Человек, выходящий в эфир, ощущает себя творцом. Сейчас, конечно, кое-что ушло. 10 лет назад «Эхо», несомненно, было более искренним и этим подкупало. Сегодня мы хотя и потеряли в искренности, но стали более профессиональными. «Эхо» перестало быть домашним зверьком. Этот переход был неизбежен, и я считаю, что это позитивно. «Эхо» остается для меня моим, пусть и повзрослевшим, ребенком. И я себя веду с ним соответственно. Но я не слишком ревнивый отец — отдал его в другие руки даже с некоторой легкостью, потому что считаю, что взрослые дети должны жить отдельно от родителей.

Свободное радио.

«Эхо Москвы» по-прежнему остается единственной успешной информационной и разговорной радиостанцией в столичном эфире

Сергей Бунтман
Родился в 1956 году, окончил МГПИИЯ им. Мориса Тореза. 10 лет вместе с Сергеем Корзуном работал на Международном московском радио (французская редакция). В августе 1990 года ушел на «Эхо Москвы». Ведущий программ «5х5», «Пассаж», «Не так!», «Парковка», «И музыка, и слово», руководитель службы культуры, с 1996 года — директор программного вещания, с 1998 года — первый заместитель главного редактора.

— Организаций, заинтересованных в создании живого, современного радио, было множество. Например, Моссовету нужно было такое радио, проявлял интерес «Огонек»; журфак хотел создать радиостанцию нового типа. Наконец, Ассоциация «Радио» выделила частоту. И родилось «Эхо Москвы». Аппаратурой нам помог журфак. У нас был немыслимый ламповый пульт, который жутко перегревался. Помещение выделил Моссовет — мы начинали в одной комнатушке. Сейчас все это уже смешно вспоминать... Начинали все это дело три человека. Я, Сережа Игнатов был, Гриша Кричевский, который теперь на НТВ работает. Ну, а тут и Венедиктов появился — прессу нам читал.
За десять лет не изменилось главное — принципы, которые мы выработали за годы нашей работы. Здесь никого не волнует возраст, национальность и диплом. В эфире сразу становится понятно, кто чего стоит.
У нас есть определенные ценности — правда, не носящие партийного характера. Прежде всего это гражданские свободы, на которых мы стояли и будем стоять. Есть еще один важный принцип — непродажность. Главное для нас — это не обмануть слушателей. Даже в тех случаях, когда слушатель рад обманываться.

ДЛЯ ТЕХ, КТО РАБОТАЛ НА СТАНЦИИ, «ЭХО» БЫЛО ВТОРЫМ ДОМОМ. СРЕДОЙ ОБИТАНИЯ. ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ СТРЕМИЛИСЬ СОЗДАТЬ СВОБОДНОЕ РАДИО, КОТОРОЕ НИ ЧЕМ БЫ НЕ НАПОМИНАЛО ОПОСТЫЛЕВШЕЕ ИМ ГОСТЕЛЕРАДИО. В ИТОГЕ ЗДЕСЬ ДАЖЕ ГОНОРАРНЫЕ ВЕДОМОСТИ И ДОКЛАДНЫЕ НА ПРОВИНИВШИХСЯ ВЕДУЩИХ НОВОСТЕЙ ИМЕЛИ ВЕСЬМА ЭКСТРАВАГАНТНЫЙ ХАРАКТЕР

Дмитрий Пинскер

СТИЛЬ ЖИЗНИ

ВСЕ ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДИВШИЕ НА РАДИО «ЭХО Москвы» за пределами эфира, случались в маленькой комнатке (метров 12–15, не больше), в чудовищной толчее, суете и табачном дыму, со столами, заваленными бумагами, облитыми чаем и кофе, со стенами, увешанными карикатурами и конвертами с фамилиями сотрудников (собственный ящик стола считался величайшей привилегией), с вечно открытым окном, откуда вместо свежего воздуха влетал гундосый и искаженный мегафоном бубнеж зазывалы: «Обзорная экскурсия по городу...» или «Последние билеты в Кремль, последние билеты, через две минуты отходит экскурсия...».

Остальное–видимость

Время от времени гул голосов и грохот печатных машинок перекрывал страшный крик: «Пленки! Быстро!» — это ведущий информационных программ, разместившийся за маленькой тумбочкой в центре комнаты на низком колесном стульчике, призывал к себе из монтажной-аппаратной (конурки полтора на полтора метра) оператора, записывавшего для программы «Эхо» репортажи корреспондентов и комментарии экспертов. Спустя какое-то время тот же человек с криком «Разойдись!» вылетал из комнаты и, расталкивая праздношатающихся, не занятых на эфире коллег, «скатывался» с чудовищным топотом по чугунной лестнице и, пролетев через «Чугунный зал» (помещение под лестницей, где проводились общие собрания), вваливался в студию, где безраздельно властвовал ведущий эфира. Глядя, как он восседал за пультом, будто пианист, разложив пальцы по микшерам, и сурово хмурил брови — грохот, учиненный возникшим в студии коллегой, опять попал в эфир через плохую звукоизоляцию двери, — можно было подумать, что он родился за пультом.

И только по тому, как внимательно величественный ведущий следил за своими руками, проделывая все операции размеренно и степенно, как чрезмерно тщательно выговаривал слова, упиваясь звуком собственного голоса в наушниках, как суетился и нервничал, если звукорежиссер долго «копался» с пленками или с запуском проигрывателя, в нем можно было опознать человека, недавно познакомившегося с тонкостями «рулежа» эфиром. А в ведущем новостей, который выпаливал сводку со скоростью пулемета, при этом, вдруг запнувшись, мгновенно терялся, а в случае благополучного исхода выдыхал с облегчением и поднимал глаза в ожидании аплодисментов, даже неопытный наблюдатель легко обнаруживал новичка, только-только познающего прелести живого эфира.

Мастера поговорить

Добрая половина ведущих в первые года два жизни станции были сама значимость. А новости из радиоприемника по большей части неслись в темпе Presto, а то и Prestissimo. Вместе с ними в эфир вываливались и бесконечные оговорки. Любители радиоперлов составили за десять лет весьма внушительную коллекцию. Здесь и «беспорядки в Балвании» и «министр иностранных дел Литвы Кактус» (вместо Каткуса). Было и сообщение о телегруппе, попавшей «в член к пепенцам». Синоптики сообщали, что «столбик термометра упал на отметке в десять градусов» и пророчили на завтра в Москве «плюс 28 рублей за доллар».

Это сегодня об «Эхе Москвы» знают все. Даже те, кто ни разу не настраивался на волну радиостанции, слышали о ней или видели по телевидению фрагменты выступлений в прямом эфире политиков, бизнесменов или кинорежиссеров, сидящих на фоне логотипа, напоминающего мишень. Десять лет назад, когда радио вышло в эфир из студии, расположенной на первом этаже здания по адресу Никольская улица (бывшая улица 25 октября), дом 7, «Эхо», или «Радио—ЭМ», как первые года два еще именовалась станция, никому известно не было. А координаты 1206 кГц или 250 метров в диапазоне средних волн были еще паролем для немногих посвященных.

Тогда эховцы рады были и крошечной статейке в «Вечерней Москве», и короткому сюжету в бесславной и безвестной молодежной телепрограмме. Как рекламу и косвенное признание своего успеха восприняли даже и заметку на ленте агентства ТАСС, где речь шла о зловредной станции, живущей на американские деньги и клевещущей просто-таки из-под самой Кремлевской стены. Эта депеша появилась спустя несколько дней после вильнюсских событий января 1991 года. Событий, которые для «Эха» стали боевым крещением. Подлинная слава пришла непосредственно перед первой годовщиной, когда день рождения совпал с празднованием победы над путчистами.

19 августа 1991 года эфир был прекращен примерно в половине восьмого утра: вначале в студию вошли несколько подтянутых молодых людей с красными книжечками, а затем отключили передатчик. Спустя сутки «Эхо» вернулось в эфир: по распоряжению министра связи РСФСР Владимира Булгака передатчик включили, но еще через несколько часов, теперь уже по требованию с Лубянки, оборвали провод, по которому шел на передатчик сигнал из студии. Тогда звукоинженер и кудесник Владимир Петраков просто позвонил на передающий центр и выяснил, что технически нет никаких проблем «закоммутировать» на передатчик обычный городской телефон. Работа возобновилась. Начались прямые включения из осажденного Белого дома и мэрии, пошли репортажи и комментарии гостей, приходивших в студию. Тогда наконец случилось то, к чему один из первых рекламных роликов призывал слушателей: сменить радио «Свобода» на свободное радио.

Горячие, самые оперативные новости, с которыми «Эхо» опережает даже информационные агентства, не говоря уже о телевидении, а также выступление героев дня в прямом эфире — два главных козыря станции. Способность сотрудников информационной службы зазывать ньюсмейкеров в студию или доставать их по телефону делает станцию единственным и неповторимым электронным средством информации. Здесь

Матвей Ганапольский
Родился во Львове в 1953 году, жил и учился в Киеве. Работал театральным режиссером, потом на Всесоюзном радио. На «Эхо» пришел в 1990 году, стал делать развлекательные передачи, включая знаменитый «Бомонд». Живет в двух странах — России и Украине (там он делает две телепередачи).

— Я появился на радиостанции совершенно случайно, и более того, не хотел здесь появляться. У меня была мечта сделать свою радиостанцию. Я ходил по этому поводу в Моссовет. В одном начальственном кабинете мне сказали: «Вы опоздали, тут только что был другой человек, с которым мы уже договорились». В коридоре я познакомился с этим другим человеком. Им оказался Сергей Корзун. Мы с ним поговорили, и стало понятно, что общего языка мы не найдем. Я пришел на «Эхо» в декабре 90-го года, просто чтобы помочь. И тогда выяснилось, что у них нет развлекательной передачи. Радио для меня — это бесконечное поле для эксперимента и самореализации. Ты можешь взять ночь, пригласить любых гостей. Можешь менять программу, совершенствовать. Если на ТВ нужно думать об оформлении, то на радио достаточно поменять музыку, и говори себе на любые другие темы.

ДОКУМЕНТ

Против дурных привычек

Году примерно в 1992-м главный редактор «Эха» Сергей Корзун сочинил и распространил среди ведущих программ напутствие-инструкцию, которая, по всей видимости, навсегда останется в золотом фонде истории российского радио.

Милые ведущие!

Вы сделаете личное одолжение каждому из миллионов ваших слушателей, если избавите их от некоторых достойных сожаления привычек, ставших «фирменным блюдом» нашего эфира:

Привычка №1 — дотошно объяснять, ПОЧЕМУ не сработал магнитофон, иное заокеанское техническое устройство либо звукооператор и ЧТО именно делается, делалось с первого дня и будет делаться всю жизнь, чтобы наконец запустить эту чертову машинку.

Молчать — тоже не выход. Профессионализм ведущего — в умении обыграть любую паузу или тех. накладку так, чтобы «не было мучительно больно и обидно...». Главное — не вызывать у слушателей сострадания и жалости, — иначе мы всю жизнь останемся на обочине.

Привычка №2 — давать в эфир джинглы и феньки несообразно смыслу происходящего в эфире, давать их по нескольку в течение одной песни или не давать вообще никогда. /Вариант: давать феньку в эфир, чтобы впервые услышать, ЧТО в ней говорится/.

Привычка №3 — объявлять пленку таким образом: «А сейчас Иван Пупкин с рубрикой «В будуарах правительства» в то время, как пленка начинается со слов: «У микрофона в будуарах правительства Иван Пупкин». Избавиться от этой привычки можно только одним способом — отслушивая начало пленки, что вполне возможно даже при нашем уровне техники.

Привычка №4 — по окончании рубрики либо эфира благодарить всех его участников: «Спасибо гостям Ивану Ивановичу и Жану Исидоровичу, взобравшимся по лестнице аж на третий этаж. Спасибо журналисту Лёне, который их позвал, референту Вике, которая встретила их у входа, курьеру Васе, который не сшиб их, неся в редакцию «Интерфукс». Спасибо Юле, вскипятившей чайник, Игорю, купившему чаю, Максиму, заварившему его, Лене, принесшей чашки в студию. Спасибо звукорежиссеру Сергею, звукооператору Сергею, музыкальному редактору Илье, а также микрофонам, которые славно поработали. Спасибо и себе, любимому вами».

Есть другие формы благодарности, и их можно найти.

Процесс избавления от привычек пойдет успешнее, если за ним будут вырисовываться контуры платежной ведомости. Лукавая цифирька в ней может отличаться от привычной как в сторону увеличения, так и — увы!

Злопыхательски,
Ваш Доброжелатель-ан-шеф

Андрей Черкизов
Родился в 1954 году, окончил МГПИ имени Ленина, по образованию историк. С 1978 года — профессиональный журналист, в 1981—1988 годы — литературный секретарь и помощник Юлиана Семенова. В 1989—1991 годы сотрудничал с радио «Свобода». В 1989 году создал советско-британское издательство «Интер-Версо», первым выпустившее в СССР книгу академика Андрея Сахарова «Тревога и надежда».

— На «Эхо Москвы» я пришел «с улицы». Просто 13 января 1991 года дома у мамы услышал радио, которое говорило какие-то честные слова о действиях советских войск и ОМОНа в Вильнюсе. Я еще спросил у мамы, почему это «Свобода» вещает на средних волнах. А она сказала, что это «Эхо Москвы». Через неделю я пришел на «Эхо», и мне сказали, что в восемь у меня эфир. И так это продолжается вот уже 10 лет.
«Эхо» создавалось как свободное радио для свободных людей, где каждый говорил своим голосом со своей интонацией. Не допускалось никакой унификации. Даже ошибки в ударении не ставились в вину. Можно было говорить с фрикативным «г», грассирующим «р» и как угодно еще, если говоришь правду. «Эхо» ставило своей задачей информировать людей, но не быть выше их. Оно было соразмерно гражданину, обывателю. Наша аудитория — это человек, который живет в России и никуда не собирается бежать отсюда. Это человек, способный уехать куда угодно, но всегда покупающий обратный билет.

был даже президент Соединенных Штатов Билл Клинтон во время своего последнего визита в Москву. В студии «Эха» ни разу не были лишь действующие премьер-министры и президенты России. Но большинство из них приходили на эфир вскоре после отставки.

Навряд ли какая-нибудь другая редакция в Москве имеет такую же телефонную книгу, где есть все возможные координаты любого мало-мальски значимого персонажа (часто включая домашний телефон охранника, а иногда и мобильный — любовницы). Именуется она «Каддафи», поскольку первая телефонная книга на «Эхе», прапрабабушка нынешней, была зеленого цвета, и кто-то (по одной версии, Алексей Венедиктов, по другой — Сергей Бунтман), взяв ее однажды в руки, задумчиво произнес: «Зеленая книга полковника Каддафи».

Пользоваться ею было не так уж и просто, поскольку главный поставщик «координат» — Венедиктов — заносил их в соответствии с одному лишь ему ведомым правилом. Например, телефон Зиновия Гердта присутствовал под буквой «З». «И за это мы ему должны сказать спасибо. Мог бы записать и на «А» — актер, или на «В» — великий актер», — в свое время философски заметил по этому поводу Сергей Бунтман.

В первые годы, правда, гости приносили станции не столько славу, сколько убытки. Эльдар Рязанов за два визита сломал три стула и еще два надломил (они, правда, еще года два трещали под гостями студии и ведущими новостей) — для бедной станции в эпоху всеобщего дефицита это был трудноправимый урон. В канун первой годовщины путча в эфир был приглашен назначенный после событий августа 1991 года председателем КГБ СССР Вадим Бакатин. Пришли телевизионщики — редкие еще гости в студии. И главный редактор и отец-основатель Сергей Корзун взялся лично подключать камеру к пульту. И что-то там закоротил и сжег. Часов десять «Эха Москвы» не было в эфире. Слушатели сходили с ума и «обрывали» телефон, а звукоинженеры в пожарном порядке сооружали резервный пульт. Поскольку во второй день рождения в эфир выходили в таких же экстремальных условиях, как и в первый, среди сотрудников зародилось подозрение, что над днем 22 августа тяготеет какой-то рок и теперь всегда кто-нибудь или что-нибудь будут портить праздник. Впрочем, юбилейные злоключения на этом завершились. А из народных суеверий оказалось надежным только одно: в канун каждого серьезного катаклизма у ветерана станции звукорежиссера Андрея Головачева раздувался флюс. Так было в начале января 1991-го, потом флюс возник в середине августа того же года, и снова — в сентябре 1993-го.

Впрочем, гости наносили не только материальный ущерб, но подчас и моральный. Евгений Весник однажды вообще «обвалил» эфир: будучи в гостях в программе Матвея Ганапольского «Бомонд», он за минуту до финала рассказал анекдот. Короткий и очень простенький... Вещание прекратилось. Новости вышли с запозданием на три-четыре минуты.

Истерики, вызванные чрезмерной смешливостью ведущих, были всегда. Тем более что в отличие от государственного «Маяка» никто никого за это от эфира не отлучал. Особой «колимостью» отличался Алексей Венедиктов. Ему порой было достаточно показать язык, «козу» или сделать «нос» во время эфира, чтобы он завалился под пульт. Впрочем, Алексей Алексеевич умудрялся заводить себя и сам.

Однажды к нему на программу (на дворе был год 1991-й) пришел лидер Интерфронта одной из балтийских республик. Гость вошел в студию, поздоровался, уселся в кресло и подал визитную карточку. Почему-то никто до эфира не поинтересовался фамилией приглашенного. Венедиктов включил свой микрофон и объявил: «У нас в гостях, — и только тут взглянул на карточку, — Василий Иванович Белябля-бля-бля...»

Свое радио

Все начиналось с вечернего двухчасового эфира, открывавшегося композицией «Эхо», записанной Владимиром Пресняковым-младшим специально для станции. Потом вечерний эфир стал продолжаться уже пять часов. Появился утренний канал, за ним дневной, и наконец в 1994 году ведущие пожелали «мягкой посадки вашим батарейкам» — станция стала вещать круглосуточно.

Десять лет назад дело начинала команда единомышленников, друзей, однокашников, учителей и учеников (по большей части из московской 875-й школы, где нынешний главный редактор Алексей Венедиктов преподавал историю, а бессменный начальник культурной службы Сергей Бунтман руководил театральной студией). И вокруг них уже складывалась команда людей, которым было просто приятно вместе работать.

Тогда для привлечения людей достаточно было заявить, что «Эхо» является полной противоположностью Гостелерадио, на котором отцы-основатели оттрубили по многу лет. И слоган «Свободное радио для свободных людей» был не просто саморекламой — это была концепция. «Из студии Иновещания на Пятницкой я видел, как Руст садится на Красной площади, — вспоминал однажды Сергей Корзун. — Я мог вести самый настоящий репортаж в прямом эфире. Но не имел на это права. В какой-то момент эта несвобода стала невыносимой».

Те, кто работал на станции, делал это не ради денег. Для большинства «Эхо» было вторым домом. Средой обитания. Там люди проводили много больше времени, чем это было предписано сеткой вещания: они жили на станции, влюблялись, ругались, женились, разводились, заводили детей и растили их. Туда приходили на время, ради одной-двух программ в неделю, и оставались на всю жизнь. «Эхо» с его живым эфиром и свободой самореализации затягивало. Потому в тяжелый кризисный период конца 1993-го — первой половины 1994 года компания не распалась — никто не ушел.

На «Эхо» никто никого не нанимал на работу и не увольнял. Просто люди сами приходили и сами уходили. И у пришедших никто никогда не спрашивал диплома и автобиографии и не обращал внимания на былые заслуги. Каждый начинал с нуля, имея перед собой самые широкие возможности (нынешний заместитель главного редактора, ответственный за службу информации, Владимир Варфоломеев много лет назад был поваром в высотке на Смоленской площади, где пек блинчики для министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, а на «Эхе» начинал курьером). И только здесь держали сотрудников — корреспондентов и ведущих, — не выговаривавших, как шутили коллеги, 32 из 33 букв русского алфавита.

И только в эфирной сетке «Эха», рядом с учеными беседами Сергея Бунтмана и Алексея Парина, запускавшего в эфир уникальные записи редких опер, могли присутствовать хулиганы из развлекательной программы «Вечерний Зоопарк» Вася Стрельников и Гриша Кричевский (последние однажды устроили встречу со своими поклонниками, но не в роскошном отеле или шикарном ресторане, а в обычной общарпанной и вонючей «Котлетной»). Следом выходила в эфир блестящая музыковедческая передача Анатолия Агамирова. А между ними помещались новости, злобные реплики Андрея Черкизова, комментарии депутатов и членов правительства.

Со временем одной свободы стало недостаточно для выживания радиостанции. Требовались инвестиции для рывка на следующую ступень — расширения зоны вещания и технического переоснащения. Поступлений от рекламы не хватало. И в 1994 году «Эхо Москвы» вошло в медиа-холдинг «Группы Мост».

Радиостанция уже давно не ютится в тесной комнатушке, а занимает пол-этажа в книжке-небоскребе на Новом Арбате. Забыт дефицит пленки (из-за которого приходилось подчас пускать «под нож» архивы) и батареек к старым, допотопным гробам-диктофонам — «Репортерам 7а» венгерского производства. Уже давно никто не требует от возвращающихся из-за границы привезти настоящий скотч для магнитофонной пленки и зарядные устройства для аккумуляторов. Ушли в прошлое борьба со старой латаной-перелатаной техникой и колдовство звукоинженеров над допотопным пультом — военно-полевой радиостанцией типа «Метель-2» сороковых годов, — подарком одного из учредителей. Почти побежден беспорядок, и плакат «Бардак страшней, чем Пуго», появившийся во время путча 1991 года, уже давно не актуален.

«Эхо» работает на современной технике, выходит почти в семидесяти городах России и за рубежом, имеет сайт в Интернете и ведет сетевое вещание. Радио постепенно обрело все атрибуты большой конторы. Однако главное с переездом на новую квартиру сохранилось: «Эхо» было и остается разговорным радио. Сознательно отказываясь от доходных проектов, не желает менять имидж: потому на его частоте все меньше музыки и все больше слов. Как и десять лет назад, радиостанция предлагает своим слушателям первыми в стране получить максимально полный рассказ о событиях и представляет все возможные точки зрения. По большому счету, внимательный слушатель «Эха Москвы» проявляет интерес к теленовостям в первую очередь для того, чтобы увидеть «картинку» — ожидаемую и уже известную ему на словах. Чтобы услышать эти «слова», чтобы следить буквально в прямом эфире за развитием того, что происходит вокруг, достаточно настроиться на частоту 91,2 МГц в эф-эм диапазоне. ■

Анатолий Агамиров
Родился в 1936 году, окончил Московскую государственную консерваторию. Работал на Международном московском радио, вел программы о музыке. Затем долгое время не работал в журналистике. На «Эхе» появился через три недели после его создания и вот уже десять лет остается верным амплуа музыкального критика.

— Когда я ушел из Гостелерадио, сверху сразу же спустили указание не брать меня в средства массовой информации. Я был объявлен пропагандистом буржуазной идеологии, хотя рассказывал о модных ныне Шнитке и Губайдуллиной. Так что именно «Эхо Москвы» спустя много лет вернуло меня к работе на радио: до возникновения «Эха» я писал репризы в цирке и не помышлял о возвращении в эфир.
Больше всего мне здесь нравится то, что здесь нет никакой цензуры. Мне ни с кем не надо советоваться о том, что стоит сказать, а что нет. На Гостелерадио мои сегодняшние проекты потребовали бы семь виз на семи этажах: я как-то просто поменял порядок слов в готовом тексте, и меня сразу вызвали к начальству. Что же касается специфики радио, то она меня увлекает именно своей сложностью: попробуйте уговорить даму по телефону! В отличие от телевидения здесь сложнее красоваться. Радио — это актерство, музыкальное, звуковое, голосовое.

ПОСЕТИТЬ СТУДИЮ СЧИТАЮТ ЗА ЧЕСТЬ САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ **ПОЛИТИКИ И БИЗНЕСМЕНЫ, АКТЕРЫ И РЕЖИССЕРЫ. ЗДЕСЬ БЫЛ ДАЖЕ БИЛЛ КЛИНТОН,** НО НИ РАЗУ СЮДА НЕ СПОДОБИЛСЯ ЗАЙТИ НИ ОДИН ДЕЙСТВУЮЩИЙ РОССИЙСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ И ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

Повелитель эха

Учитель истории **Алексей Венедиктов** вот уже десять лет сам делает историю

Сергей Пархоменко

ЛИДЕР

— Ты наблюдатель за политической игрой или сам игрок? Тебя ведь часто упрекают в том, что ты вместе со всем «Эхом» слишком заигрываешься, что ты слишком откровенно хочешь «управлять государством». И в результате перестаешь быть журналистом.

— А я и не журналист. Во-первых, потому что главный редактор, и я думаю, что когда согласился стать им — сознательно сменил таким образом профессию. То, что лично я делаю, не имеет почти никакого отношения к тому, что вещает радио. Как главный редактор я общаюсь с людьми, которые делают политику, и при этом не только задаю им вопросы, но и излагаю свою точку зрения, пытаюсь иногда кого-то в чем-то переубедить. И возможностей для этого у меня немножко больше не только, чем у рядового гражданина, но и чем у рядового журналиста. Просто благодаря тому, что радио — очень влиятельная сила, и отблеск этой силы падает на меня. У меня, например, имидж человека, который знает много больше, чем говорит. И это правда, но надо все-таки признать, что в большинстве случаев я знаю не настолько больше, насколько это подозревают люди, которые судят о моей информированности по информированности радиостанции.

Ну, а насчет того, что заигрываюсь... Я вообще «человек играющий». Может быть, не настолько разумный, насколько играющий... Но, повторяю, эти игры не имеют ровно никакого отношения к тому, что делает радио. В данном случае Венедиктов — отдельно, а «Эхо Москвы» — отдельно.

— «Эхо» имеет репутацию «радиостанции, на которую приходят». Приходят с готовностью — стоит только позвать — люди очень разные и очень влиятельные. Насколько все-таки правы те, кто говорит, что «люди ходят к Венику»?

— Это было правдой лет пять тому назад. Когда я ходил в кулуарах как корреспондент. Именно что еще даже не как директор службы информации и тем более не как главный редактор, а просто как корреспондент. Устанавливал связи и тащил, иногда прямо волок на радио самых разных персонажей.

Но вот уже несколько лет, как люди приходят не ко мне, а именно на «Эхо». Я ведь давно уже практически не веду эфира. Однако создана и сохраняется очень прочная репутация «Эха» как места, где вам дадут сказать то, что вы имеете сказать. И ни у кого на этом радио не будет задачи мочить гостя в сортире или еще где-нибудь. Тут я готов раскрыть маленькую редакционную тайну: Андрею Черкизову, например, запрещено подавать свою «реплику» в спину гостю сегодняшнего дня, даже если он сильно с ним не согласен. Вот завтра он от этого радио и от этого же обозревателя получит по полной программе. А сегодня он имеет право сказать то, что думает. Поэтому люди чувствуют себя у нас комфортно.

— Но нет ли у тебя ощущения, что все чаще возникает разрыв между уровнем разговора, который происходит в студии, и уровнем аудитории, для которой разговор предназначен? Ведь среди слушателей «Эха Москвы» очень много, например, пожилых людей...

— Да, это правда. И на самом деле я так и не перестал удивляться тому, что в нашей аудитории все время присутствуют,— это очень чувствуется, во всяком случае, по составу тех слушателей, которые говорят у нас в прямом эфире, когда мы предлагаем высказаться или задать вопрос, — так вот, всё время присутствуют два полюса. Это пожилые люди и, наоборот, молодые — вокруг двадцати. Они активны. А средняя возрастная группа — проваливается. То есть они слушают тоже, по опросам это видно, но слушают пассивно. Хотя в то же время не надо ничего упрощать и ни к чему относиться с пренебрежением. Пожилые люди — активные «потребители» политики. Среди них очень много тех, кто в свое время начинал читать газету «Правда» с третьей — международной — полосы. Их это интересует искренне. Но в то же время мы специально заботимся и о том, чтобы любая, самая простая бабушка «своего» гостя тоже получила. Какого-нибудь руководителя московского аптекоуправления. И чтобы она тоже могла задать ему свой самый насущный вопрос.

— Но может быть, тебе самому было бы интереснее работать не для бабушки, а для того самого круга, в котором крутишься ты сам? Я иногда подозреваю, что ты в душе мечтаешь, чтобы «Эхо» сделалось этакой фабричной радиорубкой, откуда вещают на территории предприятия. Только предприятие это — Кремль с правительством. Этакой радиомноготиражкой для российской власти...

— Ты очень сильно ошибаешься. Знаешь, о чем я мечтаю больше всего? Делать развлекательное радио. Именно — развлекательное. Если бы мне сейчас рядом с «Эхом» дали частоту, то я только такое развлекательное радио стал бы там делать: где игры, где шутки, где песни, где призы... Я хотел бы, чтобы ночью эта радиостанция была бы действительно разговорной. В России такой до сих пор нет: чтобы просто сидели в студии люди, которые разговаривали бы с городом. У нас ведь огромный город: 800 тысяч человек каждую ночь в Москве не спят. И должен найтись кто-то, кто мог бы в эфире ответить и дедушке, который не спит, потому что бессонница, и ракетчику, который на дежурстве, и сторожу простецкому, и молодому тусовщику... Они разговаривают — и играет музыка... Во всех крупных городах Америки и Европы имеется что-то подобное. Вот моя мечта, а совсем не то, что ты подумал.

В политическом радио рядом с «Эхом» сейчас никого нет. Это факт, и глупо этого не признавать. Всё! Вот из того, что мне в свое время Корзун в наследство передал, я думаю, честно говоря, выжат уже максимум. Ну, еще, пожалуй, Путин чтобы пришел... И, может быть, Пласидо Доминго... А дальше что? Все налажено, машина работает. И если специально не ломать, не крушить, это будет хорошая радиостанция всегда. Здесь мы достигли степеней известных...

— Выходит, ты считаешь, что к исходу десятого года существования «Эха» то, ради чего оно создавалось, не только достигнуто, но как бы и исчерпано?

— Нет. Не исчерпано. Достигнуто — это да, действительно. Потому что налицо главное: отсутствие цензуры на «Эхе»; приглашения получают все, кроме фашистов (есть такое ограничение, это правда); новости даем раньше всех, для чего создана специальная технология. И все это делает «Эхо Москвы» в том виде, в котором радиостанция функционирует на сегодняшний день, абсолютно необходимым куском информационного пейзажа России: вот вынь это радио сейчас, и огромный участок «почвы» провалится.

— Ну, ничего не надо преувеличивать. У «Эха» ведь слушателей — сколько-то там процентов московской радиоаудитории. Не так уж и много, объективно говоря. Если не сказать — немножечко.

— Насчет «немножечко» давай не будем. Все-таки в Москве наша еженедельная аудитория — миллион слушателей. По другим опросам — миллион и двести тысяч, но я всегда предпочитаю ориентироваться на нижние цифры. Значит, миллион человек настраиваются на «Эхо» в течение недели по меньшей мере два-три раза. Причем именно настраиваются сознательно, а не случайно проскакивают мимо, когда ручку приемника крутят. Плюс другие города — по России еще три миллиона в неделю.

Но главное-то другое. «Без меня — народ неполный». Мы же не только эпизод из биографии этих конкретных слушателей. Сам факт существования «Эха» — это некий феномен. Феномен, что радио не меняло редакционной политики в течение десяти лет... Хорошо это или плохо, но оно каким провозгласило себя десять лет назад — такое и есть сегодня. Я поэтому говорю о пейзаже.

И тут я даже не знаю, с чем корректно было бы сравнивать. Тогда сравню, может, некорректно. Вот закроется МХАТ. Сколько, собственно, народу ходит во МХАТ? Ну не так уж много, можно за год посчитать... Но закрытие МХАТа — это национальная катастрофа. Потому что это некий символ еще чего-то, помимо того, что он работает просто как театр — и просто показывает спектакли.

С «Эхом» в некотором роде та же история: это не только радиостанция, это уже и знак. Понятно, что государственного «Эха» быть не может. Потому что те, кто основывал «Эхо» — Бунтман, Корзун, Игнатов, — они ушли с государственного радио ровно потому, что не хотели отражать интересы государственного аппарата. Даже самого лучшего, самого белого и пушистого. Потому что сегодня он белый и пушистый, а завтра объявляет атомную войну...

Никто на российском радио сейчас не делает информации так, как мы. Но в этом направлении — информационном — ничего принципиально нового я больше предложить уже не могу. Вот еще один уникальный гость, вот еще одно опережение... Но все должно фактически только сохраняться в этом формате. И я должен оставаться во главе негосударственного «Эха» только для того, чтобы это поддерживать и максимум чуть-чуть совершенствовать.

Но ведь главный редактор нужен не для поддержания формата, а для произведения идей. Новых.

И в то же время — вот ты спрашивал, исчерпана ли идея, с которой все начиналось... Сергеем Корзуном в свое время был предложен наш главный лозунг — «Свободное радио для свободных людей». И мы его в какой-то момент сменили на «Слушайте радио. Остальное — видимость». Потому что мы решили, что пять лет свободы сделали свободными всех. Поэтому мы как будто бы теперь стали радио для всех. Сменили, как теперь выясняется, слишком рано.

Оказалось — особенно в последний год — что наметился обратный процесс. Люди не хотят не то что свободы, а — извини меня — плюрализма. Люди хотят слышать и слушать только тех, с кем они согласны. И требуют, чтобы мы звали в студию либо только Зюганова, либо только Чубайса; либо только Путина, либо только Клинтона... Либо только, я не знаю, Лайзу Минелли... То есть только тех, кто им по тем или иным причинам приятен. Вдруг наметился какой-то поворот: «Не надо делать пропаганду коммунистам!», «Не надо предоставлять трибуну демократам!», «Не надо лить воду на мельницу американцам!»... Мы стали чувствовать какое-то давление: «Зачем вы дали слово Чубайсу?!», «Зачем вы дали слово Жириновскому?!», «Зачем вы дали слово Анпилову?!», «Зачем вы дали слово Клинтону?!»...

Зачем, зачем... Что значит, зачем?!

Такие вопросы всегда раздавались в прямом эфире, но постепенно их пропорция, их соотношение со всеми прочими стали показывать: те же самые слушатели становятся агрессивнее, нетерпимее к чужому мнению: «Почему у вас в эфире посол Палестины?!», «А почему — посол Израиля?!», «А почему у вас — генерал Шарон?!»

Ксения Ларина
Окончила актерское отделение ГИТИСа, работала в Театре им. Пушкина и в театре «Сатирикон». В журналистике с 1990 года, вела отдел культуры в газете «Мегаполис-экспресс». На «Эхе» с 1991 года. Ведущая программ «Четыре минуты с театром», «А у нас во дворе...», «Книжное казино» и др.

— Конечно, мне было тяжело расставаться со своими мечтами об актерской карьере. Но на «Эхе» соединились мои бывшая профессия и возможность произнести свой текст. Здесь возникает возможность доверительной интонации. Можно создать тобою придуманный образ, а можно остаться самой собой — никто ничего не навязывает. Это соединение интимного разговора с каким-то актерским мастерством.

Петр Журавлев
Родился в 1968 году, учился на геологическом факультете МГУ. На «Эхе» начал работать корреспондентом осенью 1990 года. Ведущий информационных программ

— Я попал на «Эхо» по счастливому стечению обстоятельств — в службу информации набирали новых сотрудников. Когда я пришел в редакцию, то встретил много знакомых, один из них — Алексей Венедиктов — мой школьный учитель истории. Мне стало так интересно работать, что я бросил университет и до сих пор не имею никакого образования.
Мы все работаем в цепочке, и выпадение одного звена порождает проблемы для всех остальных. Так что здесь есть некий коллективизм, семейственность в лучшем смысле этого слова. Если бы этого не было, мы могли бы превратиться в сборище параноиков, каждый из которых будет ловить на мелочах другого и стараться посчитаться.

Сергей Игнатов
Родился в 1952 году, окончил МАИ, с 1979 года работал на Московском международном радио. На «Эхе Москвы» — со дня основания, звукорежиссер.

— Хотя я на радио новичком не был, по-настоящему работать научился здесь. Ведь все мы до этого работали в госструктуре, а здесь получили свободу. Для меня началась творческая работа, я мог что-то предложить сам. Поэтому, несмотря на допотопную аппаратуру, тогда было очень интересно работать, мы просто испытывали радость от встречи друг с другом.

У нас нет ответов на все эти вопросы. Нам казалось, что мы в свое время всем раз и навсегда всё объяснили: говорить имеют право все, слушайте — кто хочет. Потому что радио — для свободных, а несвободные могут гулять с поля или постепенно освобождаться...

Сорок лет — по пустыне! Сорок лет надо идти по пустыне, чтобы это в себе изжить. Всем. Включая нас самих. Здесь — проблема. Ничего тут не исчерпано. Рано старый девиз забывать.

— Хорошо, и что ж ты предполагаешь делать? Как с лозунгом «Вся власть — Советам»? Сначала провозгласить, потом отказаться, а теперь, на новом этапе, провозгласить опять? Демонстративно?

— Думаю, что да. Думаю, что лозунг «Свободное радио для свободных людей» сейчас опять будет как нельзя кстати. Очень он своевременный. И я не постеснякось к нему возвращаться...

Когда мне в 1997 году впервые Кремль предложил сделаться начальником «Маяка», я им сказал: ребята, отличная идея, только завтра вы объявите новую чеченскую войну — и что я буду говорить? Придется кривить душой, а я как-то уже не хочу. Просто потому хотя бы, что делал это достаточно, будучи учителем истории. Хватит.

Я с 1978 года по 1987 год — девять лет из тех двадцати, что работал учителем истории, — не мог говорить детям то, что знал. А знал практически все о репрессиях, знал очень много про Сталина, про процессы 30-х годов, про Кронштадтское восстание, про пакт Молотова—Риббентропа. Мне стыдно до сих пор. Потому что я помню, что от меня каждый год выходило шестьдесят человек, которые могли от меня получить эту информацию, но не получали или получали в очень урезанном, неполноценном виде. Не борец был тогда: приходил КГБ, проверял мои планы, я сильно пугался... Не хочу больше пугаться.

И для меня все стало просто: если государство, по моему мнению, придерживается по какому-то поводу правильной позиции, делает какие-то правильные шаги, — я лично буду его поддерживать изо всех сил. А нет — так нет, не буду. Причем сообщаю заранее: правильные шаги в моем понимании — это развитие рынка, это защита гражданских свобод и так называемых либеральных ценностей, это интеграция в цивилизованный Запад. Как бы выспренно это ни звучало, но я за эти десять лет, насколько мне кажется, понял, что такое гражданин, и понял, как надо себя вести, чтобы им быть.

— Именно на отсутствие гражданской позиции чаще всего и намекают те, кто до сих пор не может понять и простить «Эху» одного эпизода из его истории, когда радиостанция стала частью мостовского медиа-холдинга. Может быть, пришло время раскаяться в том решении? Зачем оно тогда вообще «Эху» понадобилось?

— Тут все очень просто. Я, кстати, вовсе не был тогда еще главным редактором, но моего мнения спросили, и я тогда ответил. Это был 1994 год. Мы уже очень прилично зарабатывали, но наша техника дышала на ладан. Нам нужны были серьезные деньги, чтобы вложиться в современную технику, выйти в другие города, залезть на спутник и так далее. Нужны были крупные инвестиции. И мы объявили внутренний «тендер», хотя такого слова тогда и не существовало, практически мы тут были, может быть, вообще первые. И на финишной прямой осталось два конкурента. Одни были чикагские банкиры, братья, не помню точно их фамилий, которые всю жизнь занимались радиобизнесом в Чикаго. Другим был Гусинский, который и медиа-холдинга-то особенно никакого к тому моменту еще не успел построить. Осенью 1994 года все у него только начиналось: была газета «Сегодня» да еще не вполне сформировавшееся НТВ, вещавшее всего несколько часов в день на чужом канале... Так вот, и те, и другие требовали контрольный пакет акций, но разница была в том, кто будет контролировать редакционную позицию. Эти вот братья, чикагские банкиры, готовы были вложить очень большие деньги, гарантировали выход на Америку, на Германию, но при этом требовали закрепить за ними право назначения главного редактора, который по российским законам несет ответственность за редакционную позицию (не издатель, не учредитель, не кто-то еще, а именно главный редактор). А Гусинский предлагал денег в три раза меньше за этот же пакет акций, но при этом готов был согласиться, чтобы кандидатуру главного редактора выдвигало собрание журналистов, и только ее мог утвердить он сам как владелец... Мы выбрали меньше денег, но больше свободы. И мы не знали совершенно, кто такой Гусинский в то время.

И первые несколько лет Гусинского интересовало только одно: когда радио начнет приносить прибыль. Ну, так мы начали как на грех 13 месяцев тому назад приносить деньги в холдинг, — а тут как раз начались известные политические события с «Медиа-Мостом». Но Гусинский все равно как «Эхо» не слушал, так и не слушает до сих пор.

У меня с ним была такая история. Как-то я ехал куда-то по городу, и у меня, разумеется, работало радио в машине. Гусинский звонит мне — он тоже куда-то едет — и спрашивает: «Что творится? Чего вообще в мире новенького?» В этот момент начинается информационная программа «Эхо». И я с отставанием на одну новость начинаю по телефону пересказывать ему то, что звучит у меня из приемника, — программу, которая идет по моему радио. Он все это дослушивает до конца, а потом говорит: «Боже мой! Сколько ж ты всего знаешь!..»

Вот это история про самое главное. Потому что он бизнесмен. Тесно общаться с ним я стал, только когда политика Бориса Ельцина поменялась на политику Владимира Путина. Или «владимиров путиных»... Мы начали встречаться и обмениваться фразами об угрозах, которые стали вырисовываться все яснее. И пытались сверить часы, пытались понять, одинаково или по-разному мы интерпретируем то, что происходит вокруг... А пульта, с которого он якобы управляет передачами радиостанции «Эха Москвы», у него в кабинете так и не нашли, хотя я так подозреваю, что следователи Генпрокуратуры, когда проводили там обыск, именно этот пульт и искали.

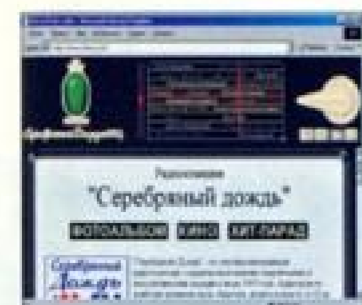
— Так же, как не нашли и другого пульта, с помощью которого он лично, как уверены многие в Кремле, выбирает фотографии и монтирует обложки для журнала «Итоги»...

— Да, мне однажды Волошин — человек, которого как администратора я оцениваю очень высоко, — тыкал пальцем в развернутый журнал «Итоги» со знаменитой фотографией Ельцина, спотыкающегося при выходе из самолета. И на полном серьезе утверждал, что Гусинский лично отдает распоряжения, какие картинки куда и каким размером ставить. На это возразить ничего невозможно. Это — паранойя. Паранойя у высших государственных чиновников. С ней мы точно не справимся, и в этом одна из самых серьезных проблем: люди не готовы слышать про себя правду, они видят в ней только издевку и считают ее «переходом на личности», даже если речь идет о существе дела.

И вот теперь, когда эта паранойя привела борьбу к такой стадии, на которой речь идет о том, удастся власти нас извести начисто или нет, у меня очень часто спрашивают: почему вы, собственно, так встали за Гусинского? Что он вам, этот Гусинский? Он же ваш этот, как его — работодатель, капиталист, следовательно, кровопийца, душегуб...

А в том дело, что мне понятно: на него давили и давят, и в Бутырку сажали его за то, что говорим мы. Не за то, что говорит он сам, а за то, что говорит в эфире «Эха» Черкизов; что пишет в журнале Ковальская про Чечню, а Гольц — про армию; за то, что пишет Бергер в «Сегодня», что говорит Киселев в телевизионных «Итогах» про сам Кремль. То есть его сажали за нас и за нас же из страны выдавливают. Ну и как мы должны реагировать? «Хотите забрать его, — ну и забирайте, нам же лучше! Хотите отнять — ну и отнимайте, нам то что!» Так, что ли?

Нет уж. Не получается: мы ж все-таки «свободное радио для свободных людей». ■

Говорит и показывает Сеть

Радио в Интернете – это не просто способ передачи звука на расстояние

Егор Быковский

АЛЬТЕРНАТИВА

Два с лишним года назад исполнительный директор крупнейшего американского информационного агентства UPI Джеймс Адамс произнес на конференции New York/Publishing98 речь, которая изумила присутствующих. Он заявил, что «мы все наблюдаем начало конца традиционных СМИ не в их «бумажной» или электронной ипостаси, а как определенного способа подачи информации» и что «большинство руководителей традиционных масс-медиа до сих пор не понимают революционной роли Интернета в этом процессе».

Сегодня очевидно, что мало кому из крупных масс-медиа удается сохранить свои лидирующие позиции, перемещаясь в Сеть; в лучшем случае большинство из них работает поставщиками информации для больших порталов вроде Yahoo!, Excite или MSNBC. Редкие исключения лишь подтверждают правило: достаточно успешные в Сети СМИ (например, Los Angeles Times или The Washington Post) вынуждены постоянно искать новые формы подачи материала. Простое «приклеивание» бумажных страниц к сайту в Сети не работает, поскольку этот канал доставки информации был изначально задуман как дуальный, двусторонний, интерактивный. А это означает, что, выражаясь словами Адамса, «высокомерие», с которым испокон веку относились к потребителю традиционные СМИ, в Сети невозможно; здесь законы диктует потребитель. Интерактивность позволяет ему не только самостоятельно формировать поток новостей, но и фактически заказывать ту или иную информацию. И при этом не платить за эти услуги ничего (если, разумеется, не считать платой время на чтение и деньги, достающиеся Интернет-провайдеру за доступ в Сеть).

Рискну предположить, что наибольшие шансы практически безболезненно «встроить» себя в Интернет-вещание имеют как раз радиостанции (в отличие от прочих традиционных СМИ и даже ТВ). Современное радио уже давно работает со своими слушателями в фактически интерактивном режиме; они научились поддерживать постоянный режим вещания, заполняя музыкальными вставками—«буферами» паузы между информационными блоками. Их сотрудникам не нужно кардинально менять режим работы для организации сетевого вещания, а инвестиции для создания собственно сайта не слишком велики. Единственное, что потребуется слушателю помимо уже привычного браузера, это программа для прослушивания потокового аудио (например, RealPlayer) и файлов тоже ставшего привычным формата MP3 (например,WinAmp) да хороший надежный канал (впрочем, как минимум половина российских пользователей Сети входит в Интернет через корпоративные сети, а это обычно существенно быстрее, чем «домашний» Интернет).

Странно, что так мало поставщиков радио-«контента» осознали свои преимущества. Конечно, у большинства крупных радиостанций есть свои сайты, некоторые из них являются даже старожилами Сети (как например, радиостанция «Серебряный дождь», www.silver.ru). Однако чаще всего эти сайты — скорее «визитные карточки», на которых есть вход на передаваемый через Интернет аудио-поток самой станции или (очень редко) отдельные куски вещания, записанные и похороненные в архиве сайта, и непременный форум. (Обширный список сайтов станций вы можете найти на www.fmradio.ru). Практически ни на одном сайте вашему корреспонденту не удалось прослушать (или хотя бы прочитать текстовую расшифровку) прошедших передач; прослушать несколько песен из текущего чарта; точно узнать вопросы, которые будут подниматься во время завтрашней передачи, и заблаговременно задать вопросы ведущим.

Редкое исключение — сайт радиостанции «Эхо Москвы» (echo.msk.ru) и собственный сайт «эхомосковской» ежедневной передачи об Интернете Echonet.Ru. Сайт «Эха» можно (и нужно) упрекнуть лишь в том, что с технической точки зрения он был решен не самым лучшим образом. Однако по адресу beta.echo.msk.ru уже тестируется новая, более совершенная и быстрая версия, подготовленная компанией «Мемонет». Сайт «Эха» — не просто отличный сайт радиостанции, но один из самых успешных новостных-аналитических проектов всего Рунета. Гигантский, тщательно рубрицированный архив передач (пока, правда, только текстовый) можно использовать как своеобразный справочник; слушатель может подписаться на рассылку новостей, сам задав любую периодичность (от моментальной до ежедневной); задать вопросы интервьюируемым (интервью — «фирменное блюдо» «Эха»). Наконец, можно прочитать прямо на сайте новости последнего часа и свежие комментарии. Чуть в меньшем объеме все то же самое присутствует и на сайте «Эхонета». У «Эха Москвы» получилось стать порталом практически только за счет собственных усилий. Вовремя. Остальные скоро кинутся догонять. ■

С царем в голове

В грядущем веке у Русской церкви будет одной проблемой меньше — последнего русского царя канонизируют. Все остальные проблемы остаются

Яков Кротов

ДИРЕКТИВЫ

Архиерейский собор Русской православной церкви — событие, которое интересует неверующих едва ли не больше, чем православных России. В этом смысле собор похож на съезд, и решения собора похожи на постановления советских съездов, оповещавших народные массы об изменениях в генеральной линии. Но за внешним сходством скрывается как минимум два принципиальных различия. Одно высшего порядка: жизнь Церкви по определению ориентирована на вечность, а потому все решения земных дел имеют второстепенный характер, не затрагивают раз и навсегда решенных принципиальных вопросов. Второе отличие низшего, если угодно практического свойства: именно в Русской православной церкви отсутствуют механизмы воплощения соборных решений в жизнь.

Это не означает, что решения собора вовсе не становятся реальностью. Становятся, но вне зависимости от воли собора. Канонизация Николая Романова — яркий пример. Уже в течение многих лет иконы Николая и его семьи помещались в храмах, продавались в церковных ларьках. Если бы собор не канонизировал Николая, вся эта анархия благополучно продолжалась бы. Главным доводом в пользу канонизации стали чудеса, якобы происходившие от икон, и мироточение икон (впрочем, церковная власть пренебрегла своим долгом проверить достоверность рассказов об этих чудесах). Но кто позволил писать эти иконы и выставлять их для поклонения? Никто. Следовательно, налицо порочный круг: канонизация совершается на основании того, что должно быть следствием канонизации.

Что изменит канонизация в жизни рядовых верующих, ранее не почитавших великого князя Николая Александровича? Можно всю жизнь провести в церкви, почитая лишь избранных твоим собственным сердцем святых. Усиленно предлагать иконы св. Николая к почитанию будут лишь консервативное духовенство (оно составляет меньшинство) и духовенство либеральное — чтобы скрыть свой либерализм. Ход кампании по канонизации св. Николая показал, что ее участники почитают не страстотерпца, а самодержца. И собор в полном соответствии с этим чинопочитанием не канонизировал убитых с царской семьей слуг, хотя Русская православная церковь за рубежом в 1981 году причислила к лику святых всех погибших в Екатеринбурге, даже лакея-католика.

Могут ли другие решения собора, хоть плохие, хоть хорошие, отразиться на жизни рядового православного прихожанина? Вот, скажем, Патриарх на открытии собора выступил в защиту частной жизни граждан, предложив установить «общественный контроль» за всем, что может «привести к нарушению тайны частной жизни и свободы передвижения». Справа от Патриарха при этом сидел мэр Москвы, им же крещенный. Но ясно, что Патриарх не призывал к отмене внутренних паспортов или хотя бы пресловутых штрих-кодов, без которых во многих местах не начисляют зарплату. Патриарх — не какой-то там правозащитник.

В своей проповеди Патриарх подверг критике священников, которые «навязывают верующим свою волю». Ну и что? Куда обращаться прихожанину, если в ближайшем к нему храме священник требует не только каяться в грехах, но ходить на исповедь лишь к нему и рассказывать еще и о всех житейских проблемах? Если не допускает к причастию без прохождения трехлетнего курса катехизации? Если в числе грехов, которые не могут быть прощены и являются неодолимым препятствием для причащения, называет молитву с католиками или непосещение всенощной? Ничего с такими священниками не сделаешь. Единственный разумный выход — начать ходить в другую церковь, благо пока больше храмов, где свирепость канонов умеряется их неисполнением и где православная жизнь не сконструирована по книжкам и пусть не очень умная, но добрая и теплая.

Так что замечательные проповеди Патриарха о том, что духовенство не должно отталкивать людей от церкви «нечуткостью и грубостью», что оно не должно строить себе дорогих комфортабельных домов, а должно выделять деньги, к примеру, на работу с молодежью, на создание церковной страницы в Интернете, — все это риторика, не подкрепленная личным примером.

За прошедшие со времени последнего собора три года дефицит бюджета патриархии составил более полумиллиона долларов. В церкви насчитывается почти 20 тысяч приходов, а их взносы в патриархию составили за первую половину года 1 млн. 100 тыс. рублей — по пятьдесят пять рубликов с каждого прихода. Если считать, как это делал неоднократно сам Патриарх, что в России сто миллионов православных, то каждый из них жертвует Святейшему ровно по копеечке и одной десятой. Собор и тот проводится на спонсорские деньги. Патриарх пригрозил в следующем году «прекратить финансирование духовных учебных заведений и синодальных учреждений» и сообщил, что сам давно получает зарплату от не названных им спонсоров, а не от паствы.

Много шума было поднято вокруг принятия «Основ социальной концепции Русской православной церкви». Указывалось, что такой доктрины нет ни у одной из пятнадцати православных церквей мира, которые, действительно, предпочитают не формализовать подобные вещи. Что ж, это означает, что мы равняемся не на них, а на Католическую церковь. Разница та, что социальная доктрина у католиков посвящена действительно социальным проблемам, а собор занимался в основном политическими вопросами. Наилучшим политическим строем признана монархия (православие при этом является государственной религией), но со вздохом отмечено, что такое уже не вернуть. Обличена глобализация: «Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики». Заявлено, что «Церковь может рассчитывать на помощь и содействие государства», и далее следует длинный список вопросов, в которых она на это рассчитывает. Последним пунктом идет помощь в борьбе с инаковерующими. Взамен Церковь, признавая войну злом, разрешает христианам «участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попранной справедливости». Вообще раздел о войне написан в худших традициях средневековой казуистики, с аргументами типа: «Взявшие меч, мечем погибнут» (Мф. 26. 52) — в этих словах Спасителя находит обоснование идея справедливой войны». Между тем как эти слова Христа просто отмечают, что обречены все, в том числе и те, кто думает, что ведет «справедливую» войну (а кто из воюющих думает иначе?). Наконец, доктрина признает право государства использовать смертную казнь, словно подталкивая правительство к отмене моратория.

На больной вопрос реституции и вообще охраны частной собственности дается вполне советский ответ: собственность неприкосновенна, но «исключением может быть такое отторжение собственности на основе соответствующего закона, которое, будучи обусловлено интересами большинства людей, сопровождается справедливой компенсацией».

Впрочем, кое-что либеральное в социальной доктрине проскальзывает. Клонирование сочтено недопустимым, но разрешено «зачатие в пробирке» («искусственное оплодотворение жены половыми клетками мужа»). Осуждены контрацептивы, которые «пресекают уже зачатую жизнь», но допущены те, которые «предотвращают оплодотворение». Вообще вопросы такого рода оставлены на усмотрение супругов, духовнику отведена роль советчика.

Если за произвол священников наказание не предусмотрено, то в отношении журналистов разработана целая шкала наказаний: от «предупреждений» до предания «каноническим прещениям виновных в греховных деяниях, если они являются православными христианами». То есть, если эта, к примеру, статья будет сочтена «систематическим сознательным искажением информации о церковной жизни», то ее автора могут без всякого суда-следствия единоличным решением отлучить от Церкви. Впрочем, добавлено, что иногда церковные власти слишком болезненно реагируют на справедливую критику.

В конечном счете собор уделил наибольшее внимание тому, что интересует начальство и что большей части православных безразлично. Кто ходит в церковь, тому не слишком интересно, побеждает Церковь сектантов или нет. Патриарх считает, что побеждает, что деятельность неправославных проповедников «захлебнулась» и что их «дерзости» «отвергнуты нашим народом». На самом деле народ относится к неправославным миссионерам по-разному, а, скажем, число протестантских общин растет быстрее, чем число православных.

Либеральные православные много возмущались тем, что вместо положенного по Уставу об управлении Русской церковью Поместного собора (с участием мирян) был собран собор архиерейский (под предлогом нехватки денег и места). Но вот в Католической церкви и слыхом не слыхивали о соборах с участием мирян, а религиозной жизни это тем не менее не мешает. Так что проблема не в том, что на соборе не были представлены низы. Будь они представлены, может быть, заодно канонизировали бы и Ленина с Дзержинским — чтобы способствовать консолидации общества. Проблема в том, что Церковь действительно есть часть общества, пусть и прикоснувшаяся к Святому. Когда молишься, кажется, что Церковь — это небо на земле. Когда читаешь соборные документы, вспоминается грустная шутка Бердяева: скорее, Церковь — это земля на небе. ■

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ ЗАЯВИЛ, ЧТО НИКОМУ НЕ УДАСТСЯ «ЗАКЛЮЧИТЬ ЦЕРКОВЬ В РАМКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». В ПРЕЖНИЕ ГОДЫ ЛИДЕРЫ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ЧАСТО ТРЕБОВАЛИ СОБЛЮДАТЬ ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЦЕРКОВНЫХ ГРАНИЦ — ТОГДА ЭТО ПОМОГАЛО РАСШИРЯТЬ СВОИ ВЛАДЕНИЯ.ТЕПЕРЬ ЭТО НЕВЫГОДНО — ПРИДЕТСЯ РАССТАВАТЬСЯ С ТЫСЯЧАМИ УКРАИНСКИХ ПРИХОДОВ, ПОЭТОМУ ПРОВОЗГЛАШЕН ПРИНЦИП «ПОЛИЭТНИЧНОСТИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА». НОВАЯ ФОРМУЛИРОВКА ОПРАВДЫВАЕТ ПРИТЯЗАНИЯ ПАТРИАРХА РУКОВОДИТЬ ПРАВОСЛАВНЫМИ, В КАКОЙ БЫ ТОЧКЕ ЗЕМНОГО ШАРА ОНИ НИ НАХОДИЛИСЬ: В США, ЯПОНИИ, КИТАЕ, УКРАИНЕ ИЛИ ЭСТОНИИ

Экзамен и ОМОН

Всеобщее государственное тестирование в средней школе возможно лишь при участии силовых структур

ВЛАДИМИР ХЛЕБНИКОВ НИКОГДА НЕ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЯ В ПОЛЕМИКЕ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЕ, А ЦЕНТР ТЕСТИРОВАНИЯ СЧИТАЕТ УЧРЕЖДЕНИЕМ СУГУБО ТЕХНИЧЕСКИМ. ТАКАЯ ПОЗИЦИЯ УСТРАИВАЕТ И ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ, И СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ, РАЗРАБОТАВШИХ СТРАТЕГИЮ РЕФОРМЫ. НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО ИМЕННО ВЛАДИМИР ХЛЕБНИКОВ ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА СТАНЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ

Борис Старцев

НОВАЦИИ

Единый экзамен для 11-классников, результатами которого обязаны руководствоваться все государственные вузы, — ключевой пункт раздела «Образование» в стратегии Германа Грефа (см. «Итоги» № 29, 2000). В 2001 году экспериментальный единый экзамен планируется провести в нескольких регионах, а с 2003 года он будет обязательным для всех школ страны.

Прообраз единого экзамена — всероссийское тестирование абитуриентов, результаты которого могут быть засчитаны при поступлении в некоторые вузы, — существует в России с 1989 года, и в 2000 году через него прошли почти 500 тысяч человек. Очевидно, оценка знаний выпускников школ на едином госэкзамене будет поручена Центру тестирования Министерства образования РФ. О перспективах централизованных экзаменов «Итогам» рассказал директор центра Владимир Хлебников.

— Каков механизм тестирования для абитуриентов?

— Вузы, которые с нами работают, сообщают детям и родителям день экзамена по тому или иному предмету. Выпускник оплачивает тестирование и в назначенное время приходит в вуз с паспортом и авторучкой. Посторонние не допускаются. Сотрудники вузов, назначенные приказом ректора, разводят абитуриентов по аудиториям, раздают тесты и засекают время. После экзамена бланки с ответами запечатываются и доставляются в Центр тестирования в Москве. Мы их обрабатываем и через неделю сообщаем предварительные результаты. Работы оцениваются по 100-балльной шкале в зависимости от степени трудности каждого задания. Затем печатаем именные сертификаты и рассылаем их фельдъегерской почтой по всей стране.

— Как вы обеспечиваете тайну тестовых заданий?

— Вариантов заданий очень много. Накануне экзамена их отсылают в запечатанных пакетах по каналам спецсвязи, и неизвестно, в какой регион и в какой вуз что попадет.

— Есть ли гарантии, что доставленные пакеты не вскроют в ректорате раньше времени? И что преподаватели не помогут «своим» детям?

— Таких гарантий нет. Объективность результатов можно оценить только с помощью статистических данных. Мы анализируем результаты по каждому пункту, вузу и региону. Если я вижу, что где-то они значительно выше средних, то просто их аннулирую. Например, в 1996 году в селе Шушенском Красноярского края на экзамене по математике были отмечены аномально высокие баллы. Я потребовал провести тестирование заново, и, разумеется, результаты были гораздо хуже. В этом году в Индустриальном институте города Рубцовска в Алтайском крае результаты экзамена по физике оказались выше, чем в среднем по Москве и Санкт-Петербургу. Я аннулировал около сорока завышенных результатов. Но ректор института отказался проводить повторное тестирование.

В этом году мы ввели перекрестные инспекции: сотрудники одного вуза контролировали тестирование в другом вузе, сотрудники этого вуза — в третьем и так далее. Возможно, по этой причине количество абитуриентов, набравших высший балл, уменьшилось: например, по математике — с 1,3% в 1999 году до 0,5% в 2000 году.

— А сотрудников вашего центра, проверяющих работы, не уличали во взяточничестве?

— Это исключено. При обработке пятисот тысяч бланков невозможно найти один нужный. Но в любом случае в них нельзя ничего исправить. Пачки бланков загружаются на сканер с автоподачей, и информация вводится в компьютер. Специальная программа определяет процент верных ответов и сразу печатает протокол.

— Кто составляет задания тестов?

— По нашему заказу это делают специалисты Российской академии образования и преподаватели известных вузов, в том числе Московского госуниверситета, МИФИ, СПбГУ, Кубанского госуниверситета.

— Были претензии к качеству тестов со стороны ректоров вузов, где принимаются сертификаты?

— Нет, качество очень высокое. Ведь почти половина госвузов страны принимает абитуриентов с нашими сертификатами. Кроме того, из года в год увеличивается количество вузов, которые просят предоставить им тесты для проведения вступительных экзаменов и обработать результаты. В этом году так поступили около трех десятков вузов, в том числе Госакадемия печати, Тульский пединститут, Краснодарский госуниверситет.

— Можно ли проводить единый госэкзамен по той же технологии, что и абитуриентское тестирование?

— В принципе, да. Но у этих процедур различный статус. Сейчас, чтобы поступить в вуз, в тестировании можно и не участвовать. А через единый экзамен должны будут пройти все школьники, и все вузы будут обязаны доверять его результатам. Поэтому организаторы должны обеспечить на экзамене максимальный режим секретности. Ведь родители сделают все возможное, чтобы их дети получили высокие баллы. Нужно будет одновременно протестировать всех выпускников — вузы не смогут их вместить, и единый госэкзамен придется проводить на базе школ.

— А как родители могут повлиять на результаты?

— Когда мы проводим в школах аттестационное тестирование, которое по статусу приравнивается к выпускному экзамену, то в договорах с местными властями отмечаем, что во время тестирования в аудиториях и прилегающих к ним коридорах не должно быть ни родителей, ни учителей-предметников. Но были случаи, когда родители взламывали двери, посылали записки, а некоторые учителя под различными предлогами пытались вывести детей из классов, чтобы помочь им решить задание. И все это даже не ради поступления в вуз, а ради оценки в аттестате!

— Как же предполагается обеспечивать режим секретности?

— Без привлечения силовых структур это сделать невозможно. Во время проведения тестирования в школах должны дежурить бойцы ОМОНа, сотрудники ФСБ или Министерства обороны. Такая практика есть в некоторых странах. Например, в Турции задания тестов привозят в школы на бронемашинах. Можно поучиться и у коллег из СНГ. В Узбекистане используется турецкий опыт: при тестировании присутствуют сотрудники государственной службы безопасности.

— И в этом случае защита от подтасовок стопроцентна?

— Не уверен. Разовый экзамен, определяющий дальнейшую судьбу ребенка, провоцирует родителей и учителей на правонарушения. Удержать их от этого будет очень трудно даже представителям силовых структур, они ведь тоже живые люди. Вообще для того, чтобы максимально объективно оценить уровень подготовки ребенка, независимое тестирование в школе нужно проводить несколько раз в течение одиннадцати лет, а в вузы зачислять на основании итоговых оценок. И это многим пойдет на пользу. У родителей будет объективная оценка знаний ребенка. Директор школы сможет оценить работу учителя-предметника, а управленцы — работу школы. В России слишком привыкли к тому, что школа сама учит и сама же оценивает качество обучения. Естественно, оценки необъективны. Бывает, что одна школа выпускает до сорока медалистов в год!

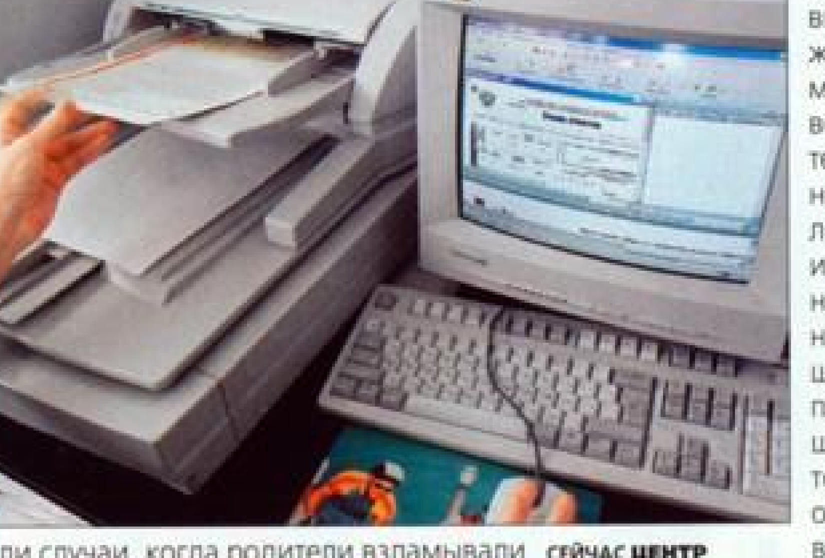
— Реально ли проведение экспериментального единого экзамена в некоторых регионах в 2001 году?

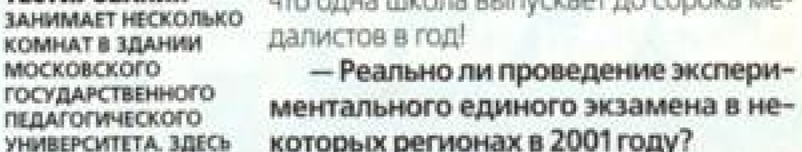
— Да, мы уже составили смету расходов для Якутии и Мордовии. В Якутии будет особенно сложно провести экзамен — это огромная территория с плохой инфраструктурой.

— Если тестирование станет всеобщим, каков будет принцип выдачи сертификатов, гарантирующих ту или иную степень финансовой поддержки?

— Можно выделить 20 процентов лучших работ и выдать этим ученикам сертификат «А». Следующим двадцати процентам — сертификат «Б» и так далее. Но вообще-то эти проблемы не наша забота. Центр тестирования — техническая структура. Решение об использовании результатов единого экзамена будет находиться в компетенции Министерства образования. ■

СЕЙЧАС ЦЕНТР ТЕСТИРОВАНИЯ ЗАНИМАЕТ НЕСКОЛЬКО КОМНАТ В ЗДАНИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЗДЕСЬ ОБРАБАТЫВАЮТСЯ БЛАНКИ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ РАБОТ СО ВСЕЙ СТРАНЫ

Фото **Павла Горшкова**

ТЕХНОЛОГИЯ

Тест на доверие

Идея централизованного тестирования возникла у руководителей Министерства образования в 1989 году — при МГПИ имени Ленина была открыта Лаборатория тестирования выпускников. Результаты тестирования принимали единичные вузы, и о его проведении знали немногие школьники. В 1995 году лабораторию преобразовали в Центр тестирования, а год спустя тогдашний министр образования Владимир Кинелев подписал приказ о статусе централизованного тестирования. Теперь тестирование за символическую плату мог проходить любой школьник (сегодня цена одного экзамена — от 40 до 90 рублей). Результаты имели рекомендательный характер: вуз мог их принимать или не принимать, а ученик — представлять или не представлять.

Кроме того, по желанию ученика результаты тестирования могли засчитываться в качестве итоговых оценок в выпускном классе школы по всем предметам, кроме литературы и алгебры. Чиновники объясняли это исключение невразумительно: дескать, оба экзамена обязательные, материалы для них разрабатывает федеральное министерство (для прочих экзаменов — местные образовательные власти), поэтому сдавать их «на стороне» нельзя.

Тесты проводятся по двенадцати предметам школьной программы (естественно, за исключением сочинения по литературе), по некоторым предметам есть еще тесты повышенной трудности. Тестирование по одному предмету проводится везде в один и тот же день. Тест для абитуриентов состоит из двух типов заданий. Первый тип — указать номер правильного ответа из нескольких предложенных. Второй — задачи, ответом на которые является слово или число.

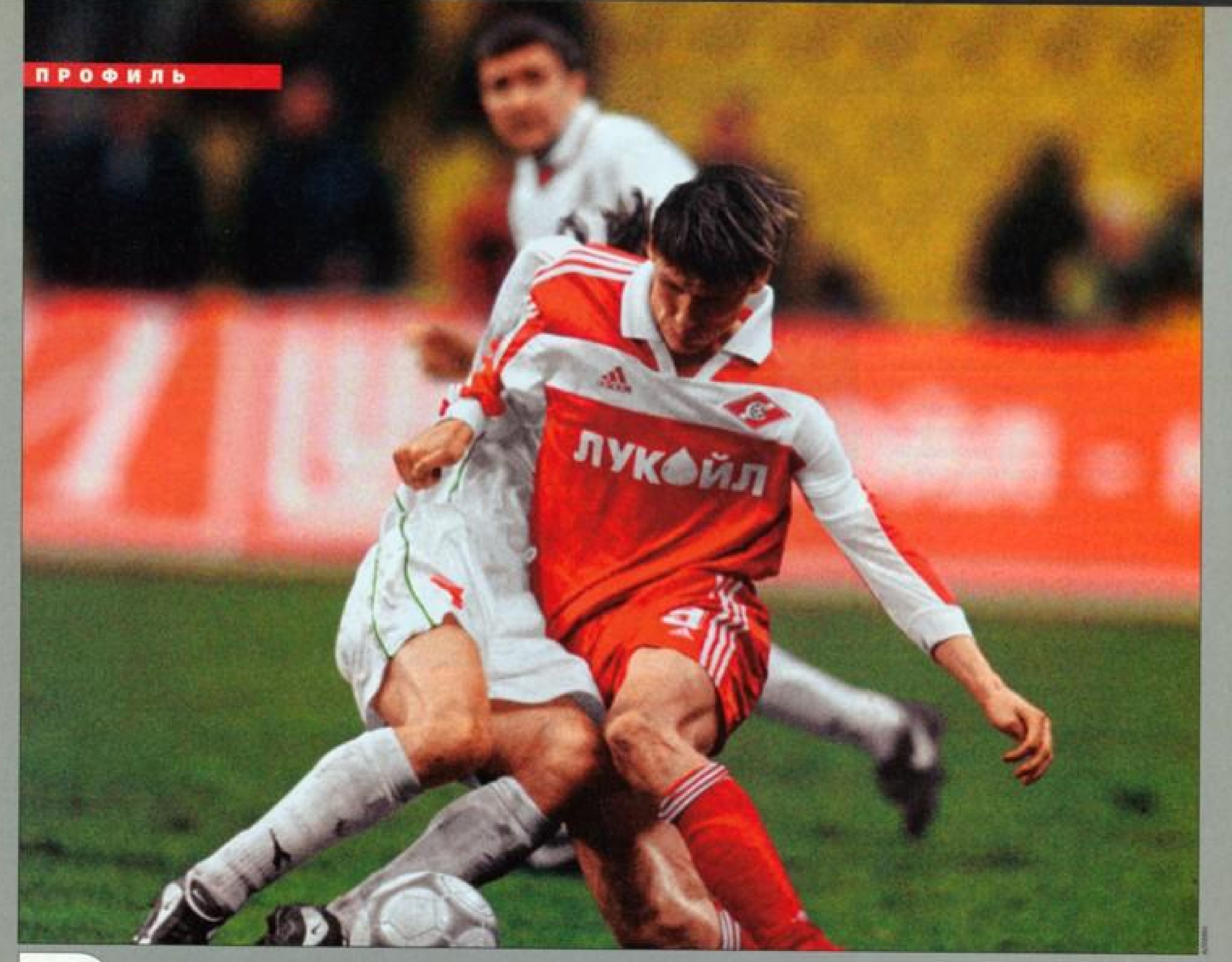
В сертификате, полученном по итогам тестирования, указан номер региона (тот, который на автомобильных номерах), номер вуза в регионе или номер филиала вуза, где проводился экзамен. На полях указано, на какие задачи даны верные ответы. Кроме того, выставлен рейтинг ученика. Допустим, рейтинг — 58. Это означает, что он опередил 58 процентов тестируемых, а 42 процента опередили его.

Согласно положению о статусе сертификата тестирования, до 1 июня вузы должны утвердить правила приема сертификатов. Указывается, во-первых, шкала пересчета тестовых баллов в оценки вступительных испытаний. Например, в одном вузе на экзамене по математике «пятерку» ставят за 50 баллов, а в другом — за 70, в третьем — за 90 (для тестов повышенной трудности устанавливаются другие шкалы пересчета). Во-вторых, оговаривается, засчитывает ли вуз сертификаты, выданные в любой точке страны, или только те из них, которые получены в определенном регионе или в том или ином вузе. Необходимость последней оговорки отчасти девальвировало идею всероссийского тестирования (были случаи, когда абитуриенты, невнимательно прочитавшие правила приема, узнавали об ограничениях лишь в день подачи документов).

Сегодня Центр тестирования проводит экзамены трех видов: абитуриентское тестирование учеников 11-х классов; аттестационное тестирование учеников 9-х и 11-х классов, результаты которого могут быть засчитаны вместо школьного экзамена; тестирование выпускников начальной школы, позволяющее родителям получить объективную информацию о подготовке ребенка. Абитуриентское тестирование проводится только в стенах вузов, два других вида — в школах. В этом году абитуриентское тестирование прошли 499 640 человек, аттестационное — 245 915 человек, для начальной школы — 4698 человек; всего 750 253 человека (для сравнения: в 1995 году тестирование прошли 30 тысяч человек). Тестирование проводилось в 85 регионах страны, сертификаты абитуриентского тестирования принимали 256 вузов.

До перехода к единому госэкзамену система всероссийского тестирования будет работать практически без изменений.

Б.С.

Всегда в центре

Егор Титов по-прежнему лидер «Спартака», однако команда вынуждена выбираться из кризиса без него

Илья Кукин

КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА

Без Егора Титова, одного из немногих игроков, на чьей игровой позиции трудно представить кого-то другого, «Спартак» за последние пять лет остался впервые. «Полетевший» на рядовой тренировке мениск, путешествие в Германию к знаменитому в спортивном мире доктору Пфайферу и запрет выходить на поле минимум месяц надолго выключили спартаковского диспетчера из игры.

И надо же было всему этому случиться как раз, когда Олег Романцев затеял кардинальную реконструкцию команды, а болельщики «красно-белых» пребывали в шоке после четырех поражений в пяти матчах первенства России. Все верят и ждут, что Титов скоро вернется на поле и поможет партнерам отстоять чемпионский титул. Ведь обновленную команду главный тренер все равно формирует именно вокруг этого игрока, уже много лет очевидного лидера «Спартака».

Судьба

Поразительно, до чего ровно, без резких перепадов и длительных застойных периодов развивалась карьера Егора. В 16 лет — уже игрок спартаковского дубля, в 20 — основного состава. Того самого, образца 96-го года, который называли «детским садом» и который, к удивлению многих, сумел вернуть «Спартаку» золотые медали, потерянные сезоном раньше.

Чтобы стать классным футболистом, необходимо как можно раньше почувствовать себя профессионалом. Титов шутит: он окончательно понял, что футбол станет его профессией, когда принес маме первую «дублерскую» зарплату, толстенную пачку трехрублевок — три тысячи, сумму для семьи весьма значительную. Детство как детство, только обычную школу рано поменял на спортивную. В выпускных классах Егор «доигрался» до неудов почти по всем предметам: из футбольного манежа в Сокольниках до школы, после школы снова манеж — на уроки времени не оставалось. Игроку юношеской команды было всего пятнадцать, когда на него обратил внимание сам Романцев.

ЕГОР ТИТОВ ВСЕГДА В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ, в том числе и в шуточной пантомиме, которую порой разыгрывают спартаковцы, когда забивают мяч

Он собрался было забрать подростка в большой «Спартак», но Титов, вняв совету своего тренера Анатолия Королева, решил год подождать. «Анатолий Федосеевич мне как второй отец, — говорит Егор. — Он всегда грозил: «Голова закружится от успехов — сразу оторву». Он и сейчас один из главных моих советчиков». Звездная болезнь Титова, похоже, миновала, хотя у него были все шансы ее подхватить — успех пришел очень рано: в 22-летнем возрасте Егор уже был признан лучшим футболистом страны.

Характер

Титов типичный положительный герой. Он строит свою жизнь так же последовательно, как футбольную карьеру. Женился, в начале этого года родилась дочка (он узнал об этом, когда «Спартак» находился на сборах в Израиле). Как-то на мой вопрос: многим ли приходится жертвовать ради футбола, Егор коротко ответил: «Наверное, всем».

К своему стремительному восхождению Титов относится спокойно: «У меня нет ощущения, что я делаю что-то сверхъестественное. Играю, как раньше, без особых скачков. Не чувствую, что делаю что-то особое. Только вот соперники посильнее — когда сыграешь с «Реалом», «Аяксом», «Интером», возникает ощущение уверенности. А чего их бояться, такие же люди бегают».

Конечно, он заматерел: столько лет уже качество игры команды во многом зависит от него. Впрочем, безусловный лидер он пока только в «Спартаке», в сборной Титову еще предстоит подняться на этот уровень. Специалисты в своих оценках давно уже не делают скидок на молодость Егора и не устают подчеркивать, что видимых препятствий для его дальнейшего роста не видно.

Стиль

Манера Титова приводит в восторг не только фанатов, но и строгих ценителей. Когда речь заходит о игре Егора, выражения его поклонники часто используют весьма высокопарные. Например, такие: «Титов — утонченный и изящный, как рыба под водой — непонятно, как плавает, но передвигается быстро. Вот уж кому не надо искать свое место на поле, он его давно нашел». Или: «Игровой интеллект позволяет ему одновременно и находиться в гуще событий, и охватывать всю сцену своим взглядом». Этому нельзя научиться, даже загнав себя до полусмерти на тренировках, это от бога.

Футбольный интеллект — вот наиболее точная характеристика таланта спартаковского диспетчера. Восхищают его результативные передачи, умение организовывать атаки, менять ритм и темп игры в зависимости от обстановки. Ко всему этому в нынешнем сезоне Титов демонстрирует нешуточную результативность — 10 голов, лучший результат в команде в этом чемпионате.

Титову порой предъявляют претензию, что как футболист он ведет себя недостаточно мужественно. Егор с такой оценкой решительно не согласен. «Посмотрите на статистику, — говорит он, — число подкатов у меня порой не меньше, чем у иного защитника, да и по числу выигранных единоборств я не отстаю от лидеров». Действительно, Титов — футболист абсолютно современный, а это значит — атлетичный и универсальный. Другое дело, что его задача — созидание, а не разрушение. Но таков ведь и стиль «Спартака» в целом.

Есть ли у Титова слабости? Несомненно. Как игрок до мозга костей комбинационный, он порой сникает, если партнеры не оказывают ему должной поддержки. Для своей команды Егор как барометр: если он заметен на поле — «Спартак» явно в порядке, если взгляд не выделяет его из общей массы — что-то неладно. «Музыкальность», «полетность» игры Титова, в которой многое зависит от вдохновения, куража, имеет и оборотную сторону — тонкий инструмент легче расстроить. Поэтому, хотя действия лично Титова в последних провальных матчах «Спартака» не вызвали особых нареканий, ответственность за неудачи этого сезона он несет даже большую, чем его партнеры.

Система ТТ

Пять лет по левую руку от Титова на поле неизменно появляется капитан «Спартака» Андрей Тихонов. Тихонов — это прежде всего скорость и дриблинг, за счет которых левый фланг «Спартака», подобно кавалерийской лаве, пробивает бреши в защите соперника. Титов — скорость мысли, игрок, обязанный воплощать в жизнь стратегические планы главного командования. Связка «ТТ» с каждым годом становилась все более значимой

для команды. На ее эффективности во многом держалась вся «красно-белая» конструкция.

Увы, последние результаты «Спартака» показали, что этой конструкции уже не хватает прочности. По общему мнению, Андрей проводит нынешний сезон ниже своих возможностей. Так было и прошлой осенью, тогда уставшая спартаковская двойка не показала своей привычной игры и команда неудачно выступила в Лиге чемпионов. Романцев, видимо, понимает, что такое положение, когда команда заведомо обречена на неудачу, если что-то ломается в связке двух «Т», недопустимо.

Реформация по-спартаковски

Обсуждая серьезные перемены в составе команды, которые происходят уже два месяца, с самого начала дозаявочной кампании в высшем дивизионе, аналитики сломали уже немало копий. То, что к началу евротурниров состав необходимо было усилить, очевидно всем — споры идут о том, не слишком ли велик риск, на который пошел Олег Романцев, начав модернизацию за считанные недели до старта еврокубков. Эти опасения подтверждаются и потерями в чемпионате России.

Что же в игре «Спартака» не устраивает Романцева, что он хочет изменить? Любому болельщику команды знакомо это ощущение горечи: зачем этот лишний пас перед входом в штрафную — пас вместо удара, лишний шаг перед ударом. Казалось бы, все, хватит — четыре-пять передач «в стенку», а дальше иди один, клади голову на футбольную плаху. В девяти случаях из десяти этого не случается. Взять на себя инициативу и ответственность за неочевидный, но зато неожиданный для соперника удар рискуют немногие.

Потому, видно, и появился в команде экс-рижанин Андрей Штолцерс, что он в равной степени может усилить правый фланг и остро сыграть впереди. Это Андрей доказал своей дебютной голевой серией в последних матчах. Защитник из Камеруна Жерри-Кристиан Тчуйсе, по замыслу тренера, за счет отличных физических данных должен придать мобильность обороне и заодно обезопасить «воздух» в штрафной. Юный грузин Отар Хизанейшвили обещает стать отменным центральным защитником. Появились в команде два бразильца — Алешандре и Маркао. Их никто пока не видел в деле, но, по мнению спартаковских селекционеров и тренеров, они — отнюдь не тот второсортный товар, который до сих пор поставлялся российскому футболу из этой страны.

Возможно, новобранцам трудно будет сразу проявить себя, да еще без такого организатора игры, как Титов. Но с другой стороны, пауза в карьере лидера — это шанс и для только что прибывших новобранцев, и для молодых Калиниченко с Безродным. А когда Егор вернется, он игру не испортит.

Перспектива

Хотя контракт со «Спартаком» у Титова действует еще два с половиной года, не исключено,

ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТПУСК ВЫЗЫВАЕТ У ЕГОРА СМЕШАННЫЕ ЧУВСТВА. БЕЗ ФУТБОЛА ТРУДНО, НО ВЕДЬ ПОБЫТЬ ДОМА С ВЕРОНИКОЙ И МАЛЕНЬКОЙ АНЕЙ УДАЕТСЯ РЕДКО

что за рубеж он отправится до его истечения — от потери ведущих игроков не застрахован ни один российский тренер. Романцев, впрочем, утверждает, что о продаже Титова пока и речи быть не может. Но ведь два года назад «Спартак» совершенно неожиданно лишился Дмитрия Аленичева, за которого итальянская «Рома» предложила такие деньги, от которых не смог отказаться ни клуб, ни сам полузащитник. Титов считается самым дорогим игроком России, его стоимость на трансферном рынке оценивается примерно в 10 млн. долларов.

Однако деньги для Егора, по его собственному утверждению, не определяющий фактор. Он не раз говорил, что во второразрядный чемпионат его не заманишь даже суперконтрактом. Уезжать ради того, чтобы попасть в команду-середняк, Титов тоже не хочет: «Чтобы погибнуть как футболист?» Верно, перед глазами опыт бывших партнеров, их мытарства по западным клубам не самого высокого ранга.

Но даже переход в именитый клуб (а такие предложения он наверняка получит, если уже не получил) для игрока амплуа Титова таит в себе определенную опасность. Егор — конструктор, диспетчер, плеймейкер. Человек, который определяет стиль команды, под которого (как сейчас в «Спартаке») укрепляются ее ряды. Вряд ли найдется такой европейский клуб из числа грандов, который решится строить игру вокруг футболиста из России. Пока пример всего один — испанская «Сельта», где премьерствует Александр Мостовой, да не один, а в связке с Валерием Карпиным. Скорее всего Титову придется вписаться в новый ансамбль, игровые принципы которого далеки от спартаковских. Необходимость подстраивать свой стиль под новых партнеров, под другой футбол часто становилась камнем преткновения для наших мастеров. Не говоря уж о языковой и прочих трудностях адаптации.

Так что, пока Егор не попробует свои силы на Западе, утверждение тренера «Спартака» Вячеслава Грозного, что центральный полузащитник команды входит в пятерку лучших диспетчеров Старого Света, останется его личным мнением. Впрочем, есть и другой способ доказать эти слова — по-настоящему потрясти футбольный мир, одержав вместе со «Спартаком» громкие победы в европейских кубковых турнирах.

Те, кто помнят первые месяцы существования «Итогов», возможно, припомнят, как у нас пыталась пробить дорогу рубрика, называемая «Выбранными местами». Так мы называли яркие фрагменты из готовящихся к печати книг интересных нам авторов. Книг беллетристических, документальных, эссеистических — всяких. Главное — чтобы было интересно. Затея как-то не состоялась. Теперь мы предпринимаем новую попытку, полагая, что именно Борис Акунин, автор, за которым мы заинтересованно следим, — тот самый человек, начать с которого — хорошая примета. Тем более что он нам «подбрасывает» все новые повороты своей неутомимой деятельности. Только он приучил читающую публику к своему Фандорину, как пришлось переключаться на монахиню Пелагию. Только привыкнешь к ней, как возникает новый проект с заманчивым именем «Приключения магистра». Первый роман этой серии называется и вовсе интригующе — «Алтын-толобас». Главу из него мы с радостью публикуем. Но прежде — несколько вопросов к автору, Григорию Чхартишвили.

Роман с тайной

Лев Рубинштейн

ПРОЕКТ

— Гриша, я очень рад тебя видеть, но, извини, я пришел поговорить с господином Акуниным, если можно.

— Никто теперь не хочет со мной говорить. Все хотят говорить с Акуниным.

— Но с тобой мы не так давно разговаривали. Я слышал, он затеял новый проект, новую серию. Хочу полюбопытствовать, что за проект, чем он существенно отличается от предыдущих.

— Захотелось написать «честный» детектив, не прикидывающийся литературой. Безо всяких стилистических игр. Чтоб держался на одной лишь фабуле.

Там нет никаких игр со стилем — сто грамм Достоевского, сто пятьдесят Лескова и так далее. Этого там нет. Если, допустим, самая литературная из моих серий — про монашку Пелагию — построена на том, чтобы главное удовольствие читатель получал не от сюжета, а от стиля (получилось, не получилось — это другой вопрос, но замысел был такой), то здесь мне захотелось написать такую книжку, какие я очень любил в детстве. Это, собственно говоря, даже не детектив, а «роман с тайной» — есть такой поджанр авантюрного романа, у которого тоже есть свои законы и правила. Он начинается довольно неспешно и действует по принципу водоворота, когда вода по краю движется медленно, а чем ближе к воронке, тем быстрее и быстрее, чтобы уже нельзя было остановиться. Кроме того, мне захотелось на этот раз написать не про XIX век, а про современность. Что очень трудно.

— Не страшно? Ведь тут, что называется, не протолкнуться.

— Страшно. Во-первых, действительно, не протолкнуться, во-вторых, тут никто тебе не поверит на слово. Каждый может сверить твои ощущения со своими.

— А на какой стадии работа? Когда выйдет первый роман?

— Роман вот-вот выйдет в издательстве «Нева — Олма-пресс». Издательство питерское, хотя роман о Москве.

Эту серию я буду продолжать. Ее продолжать легче, чем, допустим, исторические детективы. Потому что когда ты не зависишь от стиля, тебе меньше это приедается, не набиваешь оскомины.

— Свои романы ты выдумываешь и пишешь последовательно или параллельно? Ты уже знаешь, каков будет следующий роман?

— Конечно, знаю. С точки зрения жанровой, мой проект состоит из трех слоев, трех типов романов — «литературного», «полулитературного» и «нелитературного». Эти типы я чередую. В том числе и для того, чтобы не надоедало.

Новую серию я для себя определяю как «нелитературную». Самая «литературная» — это «Пелагия». «Полулитературная» — про Фандорина. Писать все время про Эраста Петровича — невозможно. От этого устаешь, необходимо тасовать.

Я, разумеется, знаю, каков будет следующий роман про Пелагию, какие будут следующие два-три романа про нового героя — Николаса. (Николас Фандорин — внук Эраста Петровича, наш современник.)

Мне хотелось в этой серии передать собственное ощущение от Москвы как от мистического города. Москва — город большой, город, который существует давно, город, в котором жили и умерли очень много людей, и невозможно поверить, что от них ничего не осталось. Я чувствую, особенно в некоторых местах Москвы, некие сгустки энергии.

— Да, да, я тоже...

— Артемий Лебедев, который делает мой сайт в Интернете, нашел очень хороший ход. Он берет старую фотографию какой-нибудь московской улицы, фотографирует ее с того же ракурса и наслаивает одно изображение на другое. Получается толпа, где кто-то в джинсовой куртке, а кто-то в шляпе со страусовым пером. Это очень точно передает мое ощущение от Москвы. Москва ведь стоит на костях в буквальном смысле. Она вся — на кладбищах. Под ней подземные ходы, какие-то тайны, зарытые подклеты — там чего только нет. Вот свои ощущения от этой Москвы, свои представления о том, как связаны времена, мне хотелось в первом романе моей новой серии передать.

А что касается Эраста Петровича, то когда (и если) я решу к нему вернуться, у меня наготове есть несколько занятных сюжетов, которые мне самому нравятся.

— Насколько я знаю, затеваются экранизации твоих сочинений. А это тебе не страшно? Ведь обычный опыт экранизаций — это неизбежная работа на понижение.

— Понимаешь, я с самого начала для себя определил применительно к экранизациям вот какую вещь. Это для меня — не магистральное направление. И я буду этим заниматься только в том случае, если буду уверен, что это будет сделано здорово. Что это будет какой-то новый отсчет для отечественного телесериала или для отечественного кино. С самого начала я поставил довольно жесткие и даже наглые условия тем, кто захочет заключить со мной контракт. Поэтому долго не мог такого контракта заключить. Но лучше ничего, чем плохо.

— Каковы же твои наглые условия?

— Настаиваю я, во-первых, на том, чтобы для фильма был достаточный бюджет. Это мое первое и основное требование. Второе. Сценарий должен писать я сам, и без моего согласия никаких исправлений там быть не может. А также режиссер и исполнитель главной роли должны утверждаться мною.

Первой телекомпанией, которая на этих условиях подписала со мной договор, была ОРТ, где теперь делается сериал по «Азазелю». Там будет четыре серии. Сценарий уже готов. Режиссер — по-моему, замечательный — Александр Адабашьян. Это в любом случае будет качественное кино. Мне интересно соединение интеллектуального режиссера с бульварным жанром.

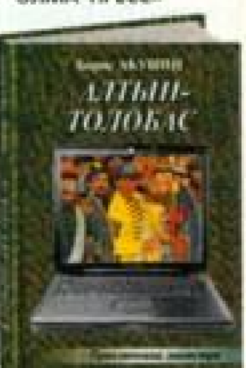
— А кто сыграет Эраста?

— Пока не знаю.

— Ладно. А когда ждать?

— Насколько я понимаю, сериал выйдет следующей осенью. Сценарий я, во всяком случае, сдал, и теперь от меня больше ничего не зависит. Все, что мог, я сделал. ■

РОМАН «АЛТЫН-ТОЛОБАС» ВЫХОДИТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НЕВА — ОЛМА-ПРЕСС»

Борис Акунин

Алтын-толобас

Глава первая

Хоть и не красавица

Это была нелюбовь с первого взгляда.

Когда поезд отъехал от последней латвийской станции с немелодичным названием Зелупе и, прогрохотав по железному мосту, стал приближаться к российской границе, Николас придвинулся к окну купе и перестал слушать косноязычную болтовню попутчика.

Айвар Калинкинс, специалист по экспорту сметаны, так гордился своим знанием английского, что переходить с ним на русский было бы просто жестоко, да и, судя по тому, как латвийский коммерсант отзывался о своих недавних соотечественниках, он вряд ли пожелал бы изъясняться на языке Пушкина и Достоевского. С самой Риги бизнесмен упражнялся на кротком британце в использовании идиоматических оборотов и паст перфект континьюэс, называя при этом собеседника «мистер Фэндорайн». Объяснять, что обозначенное на визитной карточке имя Fandorine читается по-другому, Николас не стал, чтобы избежать расспросов о своих этнических корнях — разъяснение вышло бы слишком длинным.

Он сам не очень понимал, почему решил добираться до России таким кружным путем: теплоходом до Риги, а оттуда поездом. Куда проще и дешевле было бы сесть в Хитроу на самолет и через каких-нибудь три часа спуститься на русскую землю в аэропорту Шереметьево, который, согласно путеводителю «Бедекер», находился всего в 20 минутах езды от Москвы. Однако родоначальник русских Фандориных, капитан Корнелиус фон Дорн, триста лет назад воспользоваться самолетом не мог. Как, впрочем, и поездом. Но, по крайней мере, фон Дорн должен был двигаться примерно той же дорогой: обогнуть морем неспокойную Польшу, высадиться в Митаве или Риге и присоединиться к какому-нибудь купеческому каравану, направлявшемуся в столицу диких московитов. Вероятнее всего, в 1675 году родоначальник тоже переправлялся через эту вялую, поблескивающую под мостом реку. И волновался перед встречей с неведомой, полумифической страной — так же, как сейчас волновался Николас.

Отец говорил: «Никакой России не существует. Понимаешь, Никол, есть географическое пространство, на котором прежде находилась страна с таким названием, но все ее население вымерло. Теперь на развалинах Колизея живут остготы. Жгут там костры и пасут коз. У остготов свои обычаи и нравы, свой язык. Нам, Фандориным, это видеть незачем. Читай старые романы, слушай музыку, листай альбомы. Это и есть наша с тобой Россия».

А еще сэр Александер называл нынешних обитателей российского государства «новыми русскими» — причем задолго до того, как этот термин прирос к современным нуворишам, которые с недавних пор повадились заказывать костюмы у дорогих портных на Савил-Роу и посылать своих детей в лучшие частные школы (ну, конечно, не *в самые* лучшие, а в те, куда принимают за одни только деньги). Для Фандорина-старшего «новыми русскими» были все обитатели Страны Советов, столь мало похожие на «старых русских».

Сэр Александер, светило эндокринологии, без пяти минут нобелевский лауреат, никогда и ни в чем не ошибался, поэтому до поры до времени Николас следовал совету отца и держался от родины предков подальше. Тем более что любить Россию на расстоянии и в самом деле казалось проще и приятней. Избранная специальность — история девятнадцатого века — позволяла Фандорину-младшему не подвергать это светлое чувство рискованным испытаниям.

Россия прошлого столетия, особенно второй его половины, смотрелась вполне пристойно. Разумеется, и тогда под сенью двуглавого орла творилось немало мерзостей, но это всё были мерзости умеренные, вписывающиеся в рамки европейской истории и потому извинительные. А там, где пристойность заканчивалась и вступал в свои права бессмысленный русский бунт, заканчивалась и сфера профессиональных интересов Николаса Фандорина.

Самая привлекательная сторона взаимоотношений магистра истории с Россией заключалась в их совершеннейшей платоничности — ведь рыцарское служение Даме Сердца не предполагает плотской близости. Пока Николас был студентом, аспирантом и диссертантом, сохранение дистанции с Империей Зла не выглядело таким уж странным. Тогда, в эпоху Афганистана, корейского лайнера и опального изобретателя водородной бомбы, многие слависты были вынуждены довольствоваться в своих профессиональных изысканиях книгами и эмигрантскими архивами. Но потом злые чары, заколдовавшие евразийскую державу, начали понемногу рассеиваться. Социалистическая империя стала оседать набок и с фантастической быстротой развалилась на куски. В считанные годы Россия успела войти в моду и тут же из нее выйти. Поездка в Москву перестала считаться приключением, и кое-кто из серьезных исследователей даже обзавелся собственной квартирой на Кутузовском проспекте или на Юго-Западе, а Николас по-прежнему хранил обет верности той, прежней России, за новой же, так быстро меняющейся и непонятно куда движущейся, до поры до времени наблюдал издалека.

Мудрый сэр Александер говорил: «Быстро меняться общество может только в худшую сторону — это называется революция. А все благие изменения, именуемые эволюцией, происходят очень-очень медленно. Не верь новорусским разглагольствованиям о человеческих ценностях. Остготы себя еще покажут».

Отец, как всегда, оказался прав. Историческая родина подбросила Николасу неприятный сюрприз — он впервые в жизни стал стыдиться того, что родился русским. Раньше, когда страна именовалась Союзом Советских Социалистических Республик, можно было себя с нею не идентифицировать, но теперь, когда она вернулась к прежнему волшебному названию, отгораживаться от нее стало труднее. Бедный Николас хватался за сердце, когда видел по телевизору кавказские бомбежки, и болезненно кривился, когда пьяный русский президент дирижировал перепуганными берлинскими музыкантами. Казалось бы, что ему, лондонскому магистру истории, до грузного дядьки из бывших партсекретарей? Но все дело было в том, что это не *советский* президент, а *русский*. Сказано: назови вещь иным словом, и она поменяет суть...

Ах, да что президент! Хуже всего в новой России было кошмарное сочетание ничем не оправданного высокомерия с непристойным самобичеванием в духе «Я — царь, я — раб, я — червь, я — Бог». А вечное попрошайничество под аккомпанемент угроз, под бряцание ржавым стратегическим оружием! А бесстыдство новой элиты! Нет, Николас вовсе не жаждал ступить на землю своего духовного отечества, но в глубине души знал, что рано или поздно этой встречи не избежать. И потихоньку готовился.

В отличие от отца, подчеркнуто не интересовавшегося московскими вестями и до сих пор говорившего «аэроплан» и «жалованье» вме-

сто «самолет» и «зарплата», Фандорин-fils старался быть в курсе (вот тоже выражение, которого сэр Александер решительно не признавал) всех русских новостей, водил знакомство с заезжими россиянами и выписывал в специальный блокнот новые слова и выражения: *отстойный музон = скверная музыка («отстой» — вероят., близкое к «sewage»); как скрысятить цитрон = как украсть миллион («скрысятить» — близкое к to rat, «цитрон» — смысловая подмена сл. «лимон», омонимич. имитации сл. «миллион»)* и так далее, страничка за страничкой. Николас любить щегольнуть перед какой-нибудь русской путешественницей безупречным московским выговором и знанием современной идиоматики. Неизменное впечатление на барышень производил прекрасно освоенный трюк: двухметровый лондонец, не по-родному учтивый, с дурацкой приклеенной улыбкой и безупречным пробором ровно посередине макушки — одним словом, чистый Англичан Англичанович, — вдруг говорил: «Милая Наташа, *не завалиться* ли нам в Челси? Там нынче *улетная тусовка*».

* * *

На следующий день после того, как Николас любовался по телевизору дирижерским мастерством русского президента, произошло событие, ставшее первым шагом к встрече с отчизной.

Блистательный и непогрешимый сэр Александер совершил единственную в своей жизни ошибку. Отправляясь с женой в Стокгольм (поездка имела исключительную важность для ускорения неизбежной, но все еще медлившей Нобелевской премии), Фандорин-старший решил не лететь самолетом, а совершить недолгое, отрадное плавание по Северному морю на пароме «Христиания». Да-да, на той самой «Христиании», которая по невероятному стечению компьютерных сбоев налетела в тумане на нефтеналивной танкер и перевернулась. Была чудовищная, нецивилизованная давка за места на плотиках, и те, кому мест не хватило, отправились туда, где догнивают останки галеонов Великой Армады. Несмотря на возраст, сэр Александер был в превосходной физической форме и наверняка мог бы попасть в число спасшихся счастливцев, но представить отца, отталкивающего других пассажиров, чтобы спасти себя или даже леди Анну, было совершенно невозможно...

Если оставить в стороне эмоции, вполне естественные при этих горестных обстоятельствах, результатом роковой ошибки несостоявшегося лауреата было то, что Николас унаследовал титул, превосходную квартиру в Южном Кенсингтоне, перестроенную из бывшей конюшни, деньги в банке — и лишился мудрого советчика. Встреча с Россией стала почти неотвратимой.

А через год после первого шага последовал и второй, решающий. Но прежде чем рассказать о половинке письма капитана фон Дорна и загадочной бандероли из Москвы, необходимо разъяснить одно обстоятельство, сыгравшее важную, а может быть, и определяющую роль в поведении и поступках молодого магистра.

Обстоятельство это называлось обидным словом *недовинченность*, которое Николас почерпнул у одного из мимолетных новорусских знакомых *(недовинченность — как при недокрученности шурупа; употр. в знач. «недоделанность», «неполноценность»; «какой-то он типа недовинченный» — о чел., не нашедшем своего места в жизни).* Слово было жесткое, но точное. Николас сразу понял, что это про него, он и есть недовинченный. Болтается в дырке, именуемой жизнью, вертится вокруг собственной оси, а ничего при этом не сцепляет и не удерживает — одна видимость, что шуруп.

Емкая приставка «недо» вообще многое объясняла Фандорину про самого себя. Взять, к примеру, рост. Шесть футов и шесть дюймов — казалось бы, недомерком не обзовешь, на подавляющее большинство обитателей планеты Николас мог взирать сверху вниз. Но стоило перевести рост на метры и выходило символично: метр девяносто девять. Чуть-чуть *недо*стает до двух метров.

То же и с профессией. Возраст, конечно, пока детский — до сорока еще вон сколько, но сверстники по одной-две монографии выпустили, а многие уже пребывают в докторском звании, один даже удостоен членства в Королевском историческом обществе. Профессор Крисби, прежний научный руководитель, как-то сказал: мол, Николас Фандорин, возможно, и историк, но *малокалиберный*. Крупных охотничьих трофеев, то есть новых теорий и концепций, ему не добыть — разве что мелких фактографических воробьев настреляет. А все потому, что нет усидчивости, долготерпения и обстоятельности. Или, как выразился почтенный профессор, *мало мяса на заднице*.

Ну не обидно ли? А если у человека аллергия на пыль? Если после десяти минут сидения в архиве из глаз льются слезы, из носа течет, всегдашний розовый румянец на щеках расползается багровыми пятнами и вчистую садится голос? Да Николас никогда не был в так называемых странах третьего мира, потому что там всюду пыльно и грязно! На втором курсе в Марокко на раскопки из-за этого не поехал!

Впрочем, к чему лукавить с самим собой? История привлекала Николаса не как научная дисциплина, призванная осмыслить жизненный опыт человечества и извлечь из этого опыта практические уроки, а как увлекательная, завораживающая погоня за безвозвратно ушедшим временем. Время не давалось в руки, ускользало, но иногда свершалось чудо, и тогда на миг удавалось ухватить эту жар-птицу за эфемерный хвост, так что в руке оставалось ломкое сияющее перышко.

Для Николаса прошлое оживало, только когда оно обретало черты конкретных людей, некогда ходивших по земле, дышавших живым воздухом, совершавших праведные и ужасные поступки, а потом умерших и навсегда исчезнувших. Не верилось, что можно взять и исчезнуть навсегда. Просто те, кто умер, делаются невидимыми для живущих. Фандорину не казались метафорой слова новорусского поэта, некоторые стихи которого признавал даже непримиримый сэр Александер: «...На свете смерти нет. / Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо /бояться смерти ни в семнадцать лет, ни в семьдесят. /Есть только явь и свет, /ни тьмы, ни смерти нет на этом свете. /Мы все уже на берегу морском, / и я из тех, кто выбирает сети, /когда идет бессмертье косяком».

Узнать как можно больше о человеке из прошлого: как он жил, о чем думал, коснуться вещей, которыми он владел, — и тогда тот, кто навсегда скрылся во тьме, озарится светом, и окажется, что никакой тьмы и в самом деле не существует.

Это была не рациональная позиция, а внутреннее чувство, плохо поддающееся словам. Уж во всяком случае не следовало делиться столь безответственными, полумистическими воззрениями с профессором Крисби. Собственно, Фандорин потому и специализировался не по древней истории, а по девятнадцатому веку, что вглядеться во вчерашний день было проще, чем в позавчерашний. Но изучение биографий так называемых исторических деятелей не давало ощущения *личной причастности*. Николас не чувствовал своей связи с людьми, и без него всем известными. Он долго думал, как совместить приватный интерес с профессиональными занятиями, и в конце концов решение нашлось. Как это часто бывает, ответ на сложный вопрос был совсем рядом — в отцовском кабинете, на каминной полке, где стояла неприметная резная шкатулка черного дерева.

* * *

Бабушка Елизавета Анатольевна, умершая за много лет до рождения Николаса, вывезла из Крыма в 1920-м всего две ценности. Первая — будущий сэр Александер, в ту пору еще обретавшийся в материнской утробе. Вторая — ларец с семейными реликвиями.

Самой познавательной из реликвий была пожелтевшая тетрадка, исписанная ровным, педантичным почерком прапрадеда Исаакия Самсоновича, служившего канцеляристом в московском архиве Министерства юстиции и составившего генеалогическое древо рода Фандориных с подробными комментариями.

Имелись в шкатулке и предметы куда более древние. Например, кипарисовый крестик, который, по уверению семейного летописца, принадлежал легендарному основателю рода крестоносцу Тео фон Дорну.

Или медно-рыжая, не выцветшая за столетия прядь волос в пергаменте, на котором читалась едва различимая надпись «Laura 1500». Примечание Исаакия Самсоновича было кратким: «Локон женский, неизвестно чей». О, как волновала в детстве буйную Николкину фантазию таинственная медноволосая Лаура, сокрытая непроницаемым занавесом столетий!

На столе у отца стоял извлеченный оттуда же, из ларца, фотографический портрет умопомрачительной красоты брюнета с печальными глазами и импозантной проседью на висках. Это был дед, Эраст Петрович, персонаж во многих отношениях примечательный.

А чего стоила записка великой императрицы, собственноручно начертавшей на листке веленевой бумаги всего два слова, но зато каких! «Вечно признательна» — и внизу знаменитый росчерк: «Екатерина». Отец говорил, что некогда содержались в шкатулке и дедовы ордена, в том числе золотые, с драгоценными каменьями, но в трудные времена бабушка их продала. И правильно сделала. Эка невидаль — «владимиры» да «станиславы», их в антикварных лавках сколько угодно, а вот за то, что Елизавета Анатольевна сохранила старинные нефритовые четки (теперь уж не узнать, кому из предков принадлежавшие) или часы-луковицу бригадира Лариона Фандорина с застрявшей в ней турецкой пулей, — вечная бабушке благодарность.

Николасу самому было странно, что он не додумался до такой простой вещи раньше. Зачем копаться в биографиях чужих людей, про которых и так все более или менее известно, если есть история собственного рода? Тут уж никто не перебежит дорогу.

Сначала магистр, конечно же, занялся автографом царицы, который мог принадлежать только Даниле Фандорину, состоявшему при Северной Семирамиде в неприметной, но ключевой должности камер-секретаря. Николас напечатал в почтенном историческом журнале очерк о своем предке, где, среди прочего, высказал некоторые осторожные предположения о причинах августейшей признательности и датировке этого документа (июнь 1762?). Историки-слависты встретили публикацию благосклонно, и окрыленный успехом исследователь занялся статским советником Эрастом Петровичем Фандориным, который в 80-е годы прошлого века служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, а после, уже в качестве приватного лица, занимался расследованием всяких таинственных дел, на которые был так богат рубеж девятнадцатого и двадцатого столетий.

К сожалению вследствие сугубой деликатности занятий этого сыщика-джентльмена, Николас обнаружил очень мало документальных следов его деятельности, поэтому вместо научной статьи пришлось опубликовать в иллюстрированном журнале серию полубеллетризованных скетчей, основанных на семейных преданиях. С точки зрения профессиональной репутации затея была сомнительной, и в качестве епитимьи Николас занялся кропотливым исследованием старинного, еще дороссийского периода истории фон Дорнов: изучил развалины и окрестности родового замка Теофельс, встретился с отпрысками параллельных ветвей рода (надо сказать, что потомков крестоносца Тео раскидало от Лапландии до Патагонии), вдоволь词начихался и наплакался в ландархивах, музейных хранилищах и епархиальных скрипториумах.

Результат всех этих усилий не очень-то впечатлял — полдюжины скромных публикаций и два-три третьестепенных открытия, на которых пристойной монографии не построишь.

* * *

Статьей о половинке завещания Корнелиуса фон Дорна (еще одна реликвия из черной шкатулки), напечатанной четыре месяца назад в «Королевском историческом журнале», тоже особенно гордиться не приходилось. Для того, чтобы разобрать каракули бравого вюртембергского капитана, вряд ли подозревавшего, что из его чресел произрастет мощная ветвь русских Фандориных, понадобилось пройти специальный курс палеографии, однако и после расшифровки документ яснее не стал.

Если б плотный, серый лист был разрезан не вдоль, а поперек, можно было бы по крайней мере прочитать кусок связного текста. Но хранившийся в ларце свиток был слишком узким — какой-то невежа рассек грамотку сверху донизу, и вторая половина не сохранилась.

Собственно, у Николаса даже не было полной уверенности в том, что это именно духовная, а не какая-нибудь деловая записка. В подтверждение своей гипотезы он процитировал в статье первые строчки, в которых, как положено в завещаниях, поминались диавольский соблазн и Иисус Христос, а дальше следовали какие-то указания хозяйственного толка.

Почтенный журнал по традиции не признавал иллюстраций, поэтому поместить фотографию текста не удалось, а цитировать далее Николас не стал — там шли невразумительные, фрагментарные указания о некоем доме (вероятно, отходившем сыну Корнелиуса в наследство), перемежаемые поминанием фондорновских предков. Если б сведения об имуществе иноземного наемника уцелели полностью, это, конечно, представляло бы некоторый исторический интерес, но куда важнее было то, что прочитывались подпись и дата, обозначенные в левом нижнем углу и потому отлично сохранившиеся: «писан на кромешникахъ лета 190го майя въ 3 дн корней фондорн руку приложилъ». (Смотри фотографию рукописи на этой странице. — **«Итоги»**.)

Из этого следовало, что в мае 1682 года (7190-й год по старорусскому летоисчислению) Корнелиус находился в волжском городе Кромешники, где как раз в это время дожидался вызова в Москву опальный боярин Артамон Сергеевич Матфеев. Это подтверждало семейную легенду о том, что капитан фон Дорн был близок к первому министру царя Алексея Михайловича и даже женился на его дочери. Последнее утверждение, разумеется, носило совершенно сказочный характер и, вероятно, основывалось на том, что сын Корнелиуса Никита Фондорин долгое время служил личным секретарем графа Андрея Артамоновича Матфеева, петровского посланника при различных европейских дворах.

Статья Николаса заканчивалась предположением, что грамотка, очевидно, была разрублена во время майского мятежа московских стрельцов, кинувших на копья боярина Матфеева и нескольких его приближенных, в том числе, вероятно, и Корнелиуса фон Дорна, сведений о котором после 1682 года не сохранилось.

А три недели назад, когда Николас вернулся из Венеции, где обнаружился след одной любопытнейшей истории из 1892 года, связанной с неугомонным Эрастом Петровичем, его поджидала бандероль из Москвы.

На коричневой грубой обертке штемпель московского Главпочтамта. Ни имени отправителя, ни обратного адреса. Внутри — номер журнала «Российский архивный вестник» трехлетней давности. К странице 178, где размещалась рубрика «Новости архивного дела», приклеена красная закладка. Рядовая информация, затерянная среди извещений о научных семинарах, защищенных диссертациях и мелких находках в провинциальных фондах. Без подписи, даже без заголовка — просто отделенная звездочкой.

* *В ходе грунтовых работ при строительстве здания районной администрации в г. Кромешники (Костромская область) обнаружен каменный подклет, который, очевидно, принадлежал к ансамблю вотчинной усадьбы графов Матфеевых, сгоревшей в 1744 году. Члены губернской археологической комиссии обследовали подземелье, простучали стены и нашли тайник — небольшую нишу, заложенную двумя кирпичами белого цвета. Внутри оказался кожаный сундучок с предметами, по всей вероятности, относящимися к середине XVII века: уникальный бронзовый будильник гамбургской работы и золотой медальон с латинскими инициалами "C. v. D", а также правая половина свитка, написанного полууставом. Будильник и медальон переданы в городской краеведческий музей, свиток отправлен на хранение в ЦАСД.*

Николас пробежал заметку глазами, потом прочитал еще раз, очень внимательно, и сердце заныло от невыразимого, пьянящего чувства — того самого, что охватывало Фандорина всякий раз, когда из густой тьмы безвозвратно ушедшего времени вдруг начинали просеиваться тонкие светоносные нити. Именно из-за этого волшебного мига, который ученому магистру довелось испытать всего несколько раз в жизни, он и стал заниматься историей. В кромешном мраке, в стране of no return[1] (по-русски так не скажешь), вдруг зажигался огонек, источавший слабые, манящие лучи. Сделай шаг, ухватись за эти бесплотные ниточки и, может быть, тебе удастся схватить Время за край черной мантии, заставить его возвратиться!

Кромешники, C. v. D., Матфеевы, фрагмент свитка, XVII век — всё сходилось. Недостающая часть духовной обнаружена, это не вызывало сомнений! Более или менее ясно было и происхождение бандероли.

Кто-то из русских (надо полагать, историк или работник архива) наткнулся на статью Фандорина в «Королевском историческом журнале», вспомнил заметку из давнишнего «Архивного вестника» и решил помочь англичанину. Как это по-русски — не назваться, не приложить сопроводительного письма, не дать обратного адреса! С западной точки зрения — чистейшее варварство. Однако Николас успел хорошо изучить повадки и психологию новых русских. Анонимность послания свидетельствовала не столько о дефиците воспитанности, сколько о застенчивости. Вероятно, бандероль прислал человек бедный (известно, в каком положении нынче российские ученые), но гордый. Боится, что богатый иностранец, обрадованный бесценной подсказкой, оскорбит его предложением денежной награды. Или же отправитель постеснялся наделать ошибок в английском, хотя, казалось бы, мог сообразить, что автор статьи о России XVII века должен худо-бедно понимать и современный русский.

(О, пресловутая новорусская застенчивость! Николас знавал одного москвича, стажировавшегося в Лондонском университете, который спьяну наговорил заведующему кафедрой глупостей, а назавтра даже не попросил прощения, хотя, судя по сконфуженному виду, отлично все помнил. «Надо подойти к профессору и просто извиниться, — сказал ему Фандорин. — Ну, выпили — с кем не бывает». «Новый русский» ответил: «Не могу. Стесняюсь извиниться». Так и страдал до конца стажировки.)

Да какая разница! Если неизвестный благодетель не хочет Николасовой благодарности — не надо. Главное, что теперь при некотором везении и настырности удастся написать настоящую книгу. Если Корнелиус находился в ссылке вместе с Артамоном Матфеевым (а теперь это можно считать практически доказанным), то в полном тексте завещания могли обнаружиться поистине бесценные сведения. Тут пахло серьезным научным открытием. А не получится с открытием, все равно можно будет набрать материал на монографию. Скажем, с таким названием:

«КОРНЕЛИУС ФОН ДОРН/КОРНЕЙ ФОНДОРН

Биография служилого иноземца предпетровской эпохи, составленная его потомком»

А что? Совсем неплохо. Посидеть в этом самом ЦАСДе, то есть Центральном архиве старинных документов, полистать дела о найме иностранных офицеров, реестры о выдаче жалованья, протоколы допросов приказа Тайных дел по делу Артамона Матфеева — глядишь, факты и подберутся. Изложить их на широком фоне эпохи, привести сходные биографии других наемников, вот и выйдет книжка. Заодно Николас наконец познакомится с подлинной, а не романтизированной родиной. Право, давно пора.

Сэр Александер лежал на дне морском и отговорить наследника от рискованной затеи не мог, и Николас осуществил принятое решение с головокружительной быстротой. Снесся по факсу с московским архивом, убедился, что нужный документ действительно имеется в хранилище и может быть выдан, а остальное и вовсе было пустяками: билет, заказ гостиницы, составление завещания (так, на всякий случай). Все движимое и недвижимое имущество за неимением ближних и дальних родственников Николас завещал Всемирному фонду борьбы за права животных.

И все, в путь — морем, потом поездом, по предполагаемому маршруту следования далекого предка.

В кейсе, что сейчас покоился под сиденьем спального вагона, лежало все необходимое: солидная рекомендация от Королевского исторического общества, ноутбук со спутниковым телефоном, ручным сканером и новейшей, только что разработанной программой расшифровки старинных рукописей, заветная половинка духовной с сопроводительным сертификатом, страховка, обратный билет с открытой датой (не на поезд, на самолет).

Перед встречей с отчизной Николас прошел курс аутотренинга, призванный поколебать наследственное предубеждение.

Предположим, Россия — страна не слишком симпатичная, говорил себе магистр. Политически сомнительная, цивилизационно отсталая, к тому же нетвердых моральных устоев. Но это всё понятия относительные. Кто сказал, что Россию нужно сравнивать с благополучной

Англией, которая перешла к пристойной жизни на сто или двести лет раньше? А почему не с Северной Кореей или Республикой Чад?

К тому же и к англичанам у Фандорина претензий хватало. Нация каких-то армадиллов, каждый сам по себе, тащит на себе свой панцирь — не достучишься. Да и стучаться никто не станет, потому что это будет считаться вторжением в приватность. А хваленое британское остроумие! Господи, ни слова в простоте, всё с ужимкой, всё с самоиронией. Разве возможно поговорить с англичанином на какую-нибудь «русскую» тему вроде добра и зла, бессмертия или смысла бытия? Невозможно. То есть, конечно, возможно, но лучше не стоит.

И еще теплилась надежда на внерациональное, интуитивное — на русскую кровь, славянскую душу и голос предков. Вдруг, когда за окнами вагона потянутся скромные березовые рощицы и осиновые перелески, а на станции с перрона донесутся голоса баб, продающих смородину и семечки (или что у них там теперь продают на перронах?), сердце стиснет от глубинного, сокровенного узнавания, и Николас увидит ту самую, прежнюю Россию, которая, оказывается, никуда не делась, а просто постарела — нет, не постарела, а повзрослела — на сто лет. Ужасно хотелось, чтобы именно так все и вышло.

* * *

Вот о чем думал магистр истории Н.Фандорин под перестук колес фирменного поезда «Иван Грозный», доматывавших последние километры до латвийско-русской границы. Жалко, почти совсем стемнело, и пейзаж за окном сливался в сине-серую массу, оживляемую редкими огоньками, да еще мистер Калинкинс очень уж отвлекал своим далеким от совершенства английским.

Сначала, когда он жаловался на трудности с проникновением латвийских молочных продуктов на европейский рынок, было еще терпимо. Фандорин хотел было дать коммерсанту добрый совет: забыть о европейском рынке, куда латвийскую фирму все равно ни за что не пустят — своих коров девать некуда, а вместо этого лучше дружить с русскими и радоваться, что под боком есть такой гигантский рынок сбыта сметаны. Хотел дать совет, да вовремя удержался. Была у Николаса вредная, неизлечимая привычка — соваться к людям с непрошеными

[1] откуда не вернешься *(англ.)*

советами, что в Англии считается неприличным и даже вовсе невообразимым. За тридцать с лишним лет жизни на Британских островах Фандорин столько раз прикусывал себе язык, уже готовый самым беззастенчивым образом вторгнуться в чужую privacy, что даже удивительно, как сей коварный инструмент не был откушен начисто.

К тому же совет вряд ли пришелся бы балтийцу по вкусу, потому что от сетований на жестокосердие европейцев мистер Калинкинс перешел на обличение русских, хуже которых, по его мнению, были только скаредные эстонцы. Николас и сам был не слишком лестного мнения о «новых русских», но слышать собственные суждения из уст иностранца было противно. (Кажется, и Пушкин писал что-то в этом роде?)

— Нам с вами не повезло, — бубнил экспортер сметаны. — Не хватило билетов на наш фирменный поезд «Карлис Ульманис». Там все по-другому — чисто, культурно, свежие молочные продукты в ресторане. А это какой-то ГУЛАГ на колесах. Вы знаете, что такое «ГУЛАГ»? Проводники дают холодный чай, в ресторане пахнет тухлой капустой, а после границы, вот увидите, по вагонам начнут таскаться проститутки.

— Я представлял себе ГУЛАГ несколько иначе, — не удержавшись, съязвил Фандорин, но попутчик иронии не понял.

— Это еще что! — понизил он голос. — После паспортного контроля и таможни мы с вами запрем дверь на замок и цепочку, потому что... *пошаливают*. — Мистер Калинкинс произнес это слово по-русски (получилось: because they there... *poshalivayut*), пощелкал пальцами и перевел этот специфический глагол как «hold up»[2]. — Настоящие бандиты. Врываются в купе и отбирают деньги. А поездная полиция и проводники с ними заодно — подсказывают, где пассажиры побогаче. Вот в позапрошлом месяце один мой знакомый...

Николасу надоело слушать эту русофобскую болтовню, и он совершил вопиюще неучтивый поступок — нацепил наушники и включил плейер, кассета в котором была установлена на психотерапевтическую песню, призывавшую полюбить Россию черненькой. Фандорин так заранее и спланировал: пересечь границу под хриплый голос певца Юрия Шевчука.

Кажется, подействовало.

«Родина, еду я на Родину!» — зазвучало в наушниках, «Иван Грозный» сбавил ход, готовясь тормозить у первой русской станции, и Николас закачался в такт заводному припеву. В сердце и в самом деле что-то такое шевельнулось, в носу защипало, на глазах — вот еще тоже новости! — выступили слезы.

Родина! Еду я на Родину!
Пусть кричат «Уродина!»
А она нам нравится!
Хоть и не красавица!
К сволочи доверчива! — не выдержав, подпел Николас зычному певцу и спохватился. Он знал, что петь вслух ему категорически противопоказано: как у чеховского героя, голос у него сильный, но противный, и к тому же полностью отсутствует музыкальный слух.

Фандорин повернулся от окна и виновато покосился на латыша. Тот взирал на англичанина с ужасом, словно увидел перед собой Медузу Горгону. Певец из Николаса, конечно, был паршивый, но не до такой же степени? Ах да, вспомнил магистр, Калинкинс ведь не знает, что я владею русским.

Однако объясняться не пришлось, потому что в этот самый момент дверь с лязгом отъехала, и в купе, грохоча сапогами, ввалились двое военных в зеленых фуражках: офицер и солдат.

Офицер был неправдоподобно краснолицый и, как показалось магистру, не вполне трезвый — во всяком случае, от него пахло каким-то крепким, но, видимо, недорогим спиртным напитком; к тому же он то и дело икал.

Это пограничная стража, сообразил Фандорин.

Главный страж встал перед британцем, протянул ему вытянутую лопаткой ладонь и сказал:

— Ик.

Николас смешался, поняв, что совершенно не представляет себе, как происходит в России обыденный ритуал проверки паспортов. Неужто его принято начинать с рукопожатия? Это непривычно и, должно быть, не слишком гигиенично, если учесть, сколько пассажирских ладоней должен пожать офицер, но зато очень по-русски.

Фандорин поспешно вскочил, широко улыбнулся и крепко пожал пограничнику руку. Тот изумленно уставился на сумасшедшего иностранца снизу вверх и вполголоса пробормотал, обращаясь к подчиненному:

— Во урод. Гляди, Сапрыка, еще не такого насмотришься.

Потом выдернул пальцы, вытер ладонь о штаны и гаркнул:

— Паспорт давай, черт нерусский. Паспорт, андерстэнд? — И снова солдату: — С него не паспорт, а справку из дурдома брать.

Тощий, бледный Сапрыка неуверенно хихикнул.

К красной книжечке с национальной британской фауной — львом и единорогом — странный пограничник отнесся безо всякого интереса. Сунул помощнику со словами:

— Шлепни. Ик.

Солдатик тиснул на открытой страничке штемпель, а офицер тем временем уже занялся мистером Калинкинсом.

— Ага, — зловеще протянул краснолицый. — Братская Латвия. — Морщась, полистал странички, одну зачем-то посмотрел на свет. — А визка-то кирдык, смазанная, — с явным удовлетворением отметил он. — С такой только в Африку ездить. И дату толком не разберешь.

— Мне такую в вашем консульстве поставили! — заволновался коммерсант. — Не я же штамп ставил! Господин старший лейтенант, это придирки!

Старший лейтенант прищурился.

— Придирки, говоришь? А как ваши погранцы наших граждан мурыжат? Я щас ссажу тебя до выяснения, вот тогда будут придирки.

Мистер Калинкинс побледнел и дрогнувшим голосом попросил:

— Не надо. Пожалуйста.

Подержав паузу, пограничник кивнул:

— Вот так. Я вас научу Россию уважать... Ик! Ладно, шлепни ему, Сапрыка. — И величественно вышел в коридор, задев плечом дверь.

Солдатик занес штемпель над паспортом, покосился на калинкинсовскую пачку «Уинстона», что лежала на столике, и тихонько попросил:

— Сигареткой не угостите?

Латыш, шипяще выругавшись по-своему, подтолкнул к протянутой руке всю пачку.

Николас наблюдал за этой сценой в полном оцепенении, но потрясения еще только начинались.

Не прошло и минуты, как дверь снова отъехала в сторону (стучаться здесь, видимо, было не принято), и в купе вошел чиновник таможни. На шее у него висела шариковая ручка на шнурке. Окинул быстрым взглядом обоих пассажиров и сразу подсел к гражданину Латвии.

— Наркотики? — задушевно спросил таможенник. — Героинчик, там, кокаинчик?

— Какие наркотики! — вскричал злосчастный Калинкинс. — Я бизнесмен! У меня контракт с «Сырколбасимпэксом»!

— А личный досмотр? — сказал на это человек в черно-зеленой форме, обернулся к Николасу, доверительно сообщил. — У нас тут на прошлой неделе тоже был один «бизнесмен». Пакетик с дурью в очке прятал. Ничего, отыскали и в очке.

Латыш нервно сглотнул, сунул таможеннику под столом что-то шуршащее.

— Ну, контракт так контракт, — вздохнул чиновник и — Фандорину. — А вы у нас откуда будете?

И опять британский паспорт вызвал куда меньше интереса, чем латвийский.

— Gute Reise, — почему-то по-немецки сказал таможенник, поднимаясь.

Досмотр завершился.

Поезд заскрежетал тормозами, вагон покачнулся и встал. За окном виднелась скупо освещенная платформа и станционное здание в стиле ложный ампир с вывеской «НЕВОРОТИНСКАЯ Моск.-Балт. ж. д.»

Вот она, русская земля!

Первое знакомство с представителями российского государства произвело на магистра истории столь ошеломляющее впечатление, что возникла насущная потребность срочно перекусить.

Дело в том, что Николас Фандорин спиртного не употреблял вовсе, а ел очень умеренно, да и то лишь физиологически корректную пищу,

[2] грабить *(англ.)*

поэтому знакомый большинству людей позыв пропустить рюмочку, чтобы успокоиться, у него обычно трансформировался в желание съесть что-нибудь внеплановое и неправильное.

Памятуя предупреждение попутчика о вагоне-ресторане, Николас решил купить что-нибудь в станционном буфете — благо в расписании значилось, что поезд стоит в Неворотинской целых пятнадцать минут (очевидно, чтобы высадить пограничников, таможенников и задержанных нарушителей). На всякий случай портмоне с деньгами, документами и кредитными карточками Фандорин оставил в кейсе, а с собой взял несколько тысячерублевых бумажек, предусмотрительно обмененных на рижском вокзале.

Проводник, сидевший на ступеньке, посторонился, давая пассажиру спуститься, и шумно зевнул. Под этот неромантичный звук потомок восьми поколений русских Фандориных ступил на родную, закатанную асфальтом почву.

Посмотрел налево, посмотрел направо.

Слева висел выцветший длинный транспарант с изображением усатого советского солдата в пилотке и белыми буквами: «50 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. МЫ ПРОШЛИ С ТОБОЙ ПОЛСВЕТА, ЕСЛИ НАДО — ПОВТОРИМ!»

Справа стоял небольшой гипсовый Ленин в кепке и с вытянутой рукой. Николас удивился, ибо в газетах писали, что все культовые памятники тоталитаризма давно снесены. Очевидно, здесь так называемый «красный пояс», решил магистр и вошел в станционный зал.

Там пахло, как в давно засорившемся туалете, а на лавках лежали и спали грязные, оборванные люди — надо полагать, современные клошары, которых называют бомжами. Разглядывать этих живописных челкашей Николас постеснялся и поскорее прошел к стеклянной буфетной стойке.

От нервного возбуждения тянуло на что-нибудь особенно крамольное: хот-дог или даже гамбургер. Однако на тарелках лежали только неровные куски белого хлеба с жирной черной колбасой, завернувшимися кверху ломтиками сыра и маленькими ссохшимися рыбешками. Вид этих сандвичей заставил Фандорина содрогнуться. Он пошарил взглядом по прилавку и в конце концов попросил усталую, мутноглазую продавщицу, рассматривавшую ползавших по стойке мух:

— Мне йогурт, пожалуйста. С фруктами. Нет, лучше два.

Буфетчица, не поднимая глаз, кинула на прилавок две ванночки «Тутти-фрутти» (обычно Николас покупал «Данон» — обезжиренный, без вкусовых добавок, но безумствовать так безумствовать), взяла две тысячерублевки и вместо сдачи выложила три леденца в блеклых бумажках.

— Но позвольте, срок годности этого продукта истек еще месяц назад, — сказал Фандорин, изучив маркировку. — Этот йогурт есть нельзя.

Тут продавщица наконец взглянула на привередливого покупателя и с ненавистью процедила:

— Ух, как же вы все меня достали. Вали отсюда, дядя Степа. Без тебя тошно.

И так она это искренне, убедительно сказала, что Николас забрал просроченный йогурт и растерянно пошел к выходу.

У дверей кто-то схватил его за рукав.

— Эй, мистер, вонна фак?

Фандорин решил, что ослышался — вряд ли этот непривлекательный, бородатый субъект, похожий на лешего из сказки, мог всерьез предлагать ему свои сексуальные услуги.

— Тен бакс. Онли тен бакс! До некст стейшн. — Незнакомец показал на поезд, а потом куда-то в сторону. — Тен бакс!

Оказывается, сбоку, у стены, стояла девочка — рыженькая, веснушчатая, на вид никак не старше лет тринадцати. Она равнодушно посмотрела на иностранца, похлопала густо накрашенными ресницами и выдула из противоестественно алых губ пузырь баббл-гама.

— Господи, да она совсем ребенок! — воскликнул потрясенный Николас. — Сколько тебе лет, девочка? Ты ходишь в школу? Как ты можешь? За десять долларов! Это чудовищно!

Девочка шмыгнула носом и звонко хлопнула жевательной резинкой, а сутенер толкнул магистра в плечо и сказал по-русски:

— Дай больше, если такой добрый.

Фандорин бросился вон из этого вертепа.

— Фак ю, мистер! — крикнул вслед бородатый.

О ужас, поезд уже тронулся, хотя положенные пятнадцать минут еще не истекли! Охваченный паническим страхом при одной мысли о том, что может остаться в этой кошмарной Неворотинской, Николас швырнул йогурты в урну и со всех ног бросился догонять уплывающий вагон.

Едва успел вскочить на подножку. Проводник курил в тамбуре с двумя рослыми молодыми людьми в сине-белых спортивных костюмах. Мельком оглянулся на запыхавшегося англичанина, никаких чувств по поводу его благополучного возвращения не выразил.

Ни в какие Кромешники не поеду, думал Николас, шагая по коридору. Сосканирую вторую половинку завещания, пороюсь в столбцах Иноземного и Рейтарского приказов и обратно, в Лондон. Три дня. Максимум — пять. Режим в Москве будет такой: отель — архив — отель.

* * *

Нет, историческая родина Фандорину решительно не понравилась. Интересно, как она может нравиться певцу Шевчуку?

Хуже всего было то, что в душе магистра зашевелилось нехорошее предчувствие, подсказывавшее: отныне и ту, прежнюю Россию он уже не сможет любить так беззаветно, как прежде. Ах, отец, отец, мудрейший из людей...

Торговец сметаной заперся в купе и впустил попутчика не сразу, а когда все-таки открыл, то демонстративно заслонился глянцевым латвийским журналом.

Всякий раз, когда Николас оказывался в трудном положении или особенно скверном состоянии духа, он сочинял лимерик. Некоторое напряжение мысли, необходимое для этого тонкого занятия, в сочетании с комичной нелепостью результата способствовали релаксации и восстановлению позитивного взгляда на мир. Испытанный способ помог и сейчас — после экзерсиса в стихосложении настроение и в самом деле немного улучшилось.

Тут кто-то деликатно постучал в дверь, Фандорин приподнялся отодвинуть засов, а мистер Калинкинс отложил журнал и нервно сказал по-русски:

— Через цепочку! Только через цепочку!

В приоткрывшейся щели было совсем темно, хотя еще несколько минут назад в коридоре горел свет. Прямо к лицу Николаса протянулась рука в чем-то синем, с белой полосой вдоль рукава, и в нос ударила щекочущая, зловонная струя.

Фандорин хотел было возмутиться такому вопиющему непотребству, но не стал, потому что его вдруг перестали держать ноги.

Магистр истории осел на пол, припал виском к косяку, ощутив жесткость металлического ребра, и утратил контакт с реальностью.

Реальность вернулась к одурманенному англичанину тоже через висок, который так ныл и пульсировал, что Николас волей-неволей был вынужден сначала помотать освинцовевшей головой, а потом и открыть глаза.

Еще минут пять ушло на то, чтобы восстановить прервавшуюся череду событий и осознать смысл случившегося.

Мистер Калинкинс лежал на своем месте, закатив белковатые глаза. Изо рта у него стекала нитка слюны, на груди лежал выпотрошенный бумажник.

Николас опустился на колени возле попутчика, пощупал шейную артерию — слава богу, жив.

Нога задела что-то твердое. Кейс! Его собственный «самсонайт», виновато раззявившийся на хозяина.

Внутри пусто. Ни ноутбука, ни телефона, ни портмоне, ни — что кошмарней всего — конверта, в котором лежала трехсотлетняя фамильная реликвия.

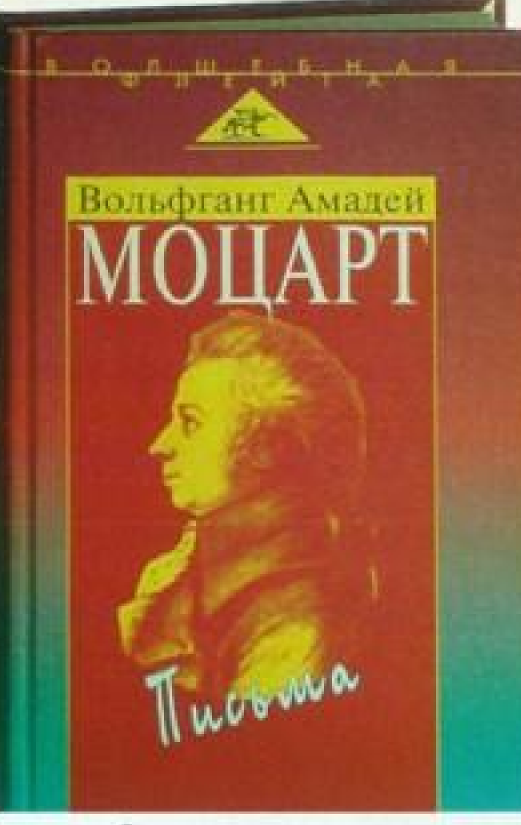
Ужас, ужас.

Приложение.
Лимерик, сочиненный Н.Фандориным после отбытия со станции Неворотинская вечером 13 июня, в начале одиннадцатого:

Один полоумный магистр
Был слишком в решениях быстр.
В край осин и берез
Его леший занес
И сказал дураку: «Фак ю, мистер».

Он же гений...

Это не столько письма, сколько отписки от второстепенной внешней жизни, зачем-то происходящей за пределами музыки

ВОЛЬФГАНГ АМАДЕЙ МОЦАРТ. ПИСЬМА.
М.: АГРАФ, 2000

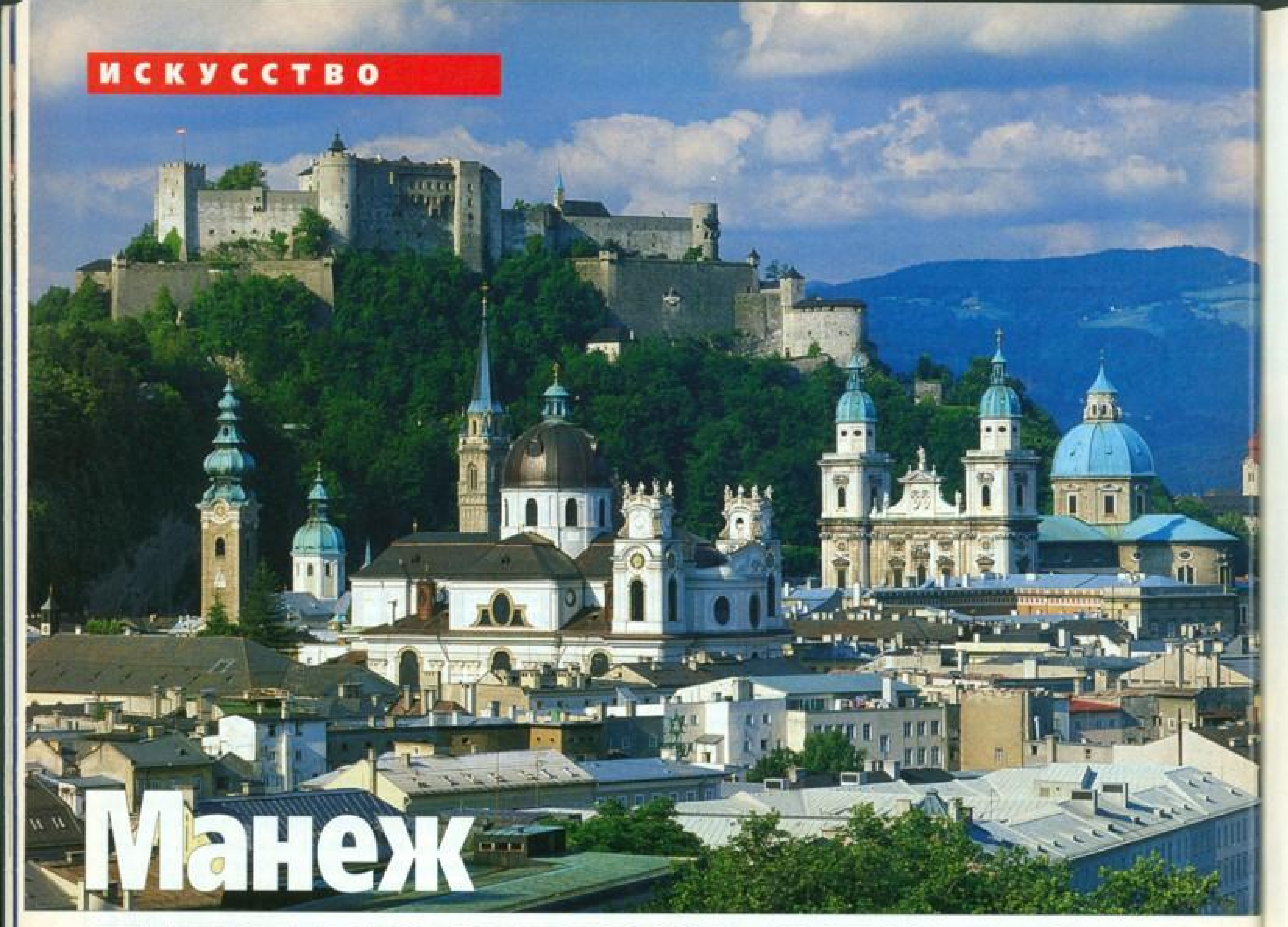
Сергей Гандлевский

СБЛИЖЕНИЯ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА ЗАМЕТИЛА, КАК двоится образ Пугачева у Пушкина. Отвратительный душегуб в «Истории Пугачевского бунта», в «Капитанской дочке» он же — не лишенный великодушия и обаяния человек, которому герои повести во многом обязаны своим избавлением. Эстетическая интуиция заставила Пушкина-беллетриста пренебречь фактами. Поэтому можно было ожидать, что после «Маленьких трагедий» реальный Моцарт — автор и персонаж писем — в свою очередь разочарует, во всяком случае озадачит... Ничуть не бывало. «Гуляка праздный» пушкинской пьесы, один из лучших положительных героев русской литературы — будто списан с натуры. Моцартианство Моцарта оказывается не вымыслом, а правдой. Не иначе Пушкин угадал родственную душу, и перевоплощение свелось к минимуму: «Он же гений, как ты да я». Параллели напрашиваются. Отношение к творчеству. Моцарт: «...это моя единственная радость и страсть». Пушкин: «... только тогда и знал истинное счастье». Подход к критике. Моцарт: «... полагаюсь исключительно на свои *собственные ощущения*». Пушкин: «Ты сам свой высший суд». Самооценка. Моцарт: «Я считаю себя в состоянии сделать честь любому двору». Пушкин: предсказание себе посмертной славы, затмевающей благоговение перед официальными святынями. Без насилия согласуются и более прозаические материи — от мнительного достоинства кормящегося своим трудом «мещанина» и трепетно-серьезного отношения к браку до охоты к «перемене мест» и жизни в долг. У обоих художников неложная патетика запросто соседствует с веселостью раблезианского толка, заставляющая цензора быть начеку. Если настоящий Моцарт писал: «сыграть такое Prima vista мне все равно что посрать», Моцарт вымышленный, конечно же, мог потешаться над собственными сочинениями в исполнении слепого скрипача. (Само собою приходит на память пушкинское «Татьяна мнет в руке бумажку,/Зане — живот у ней болит» — это о милом-то идеале!)

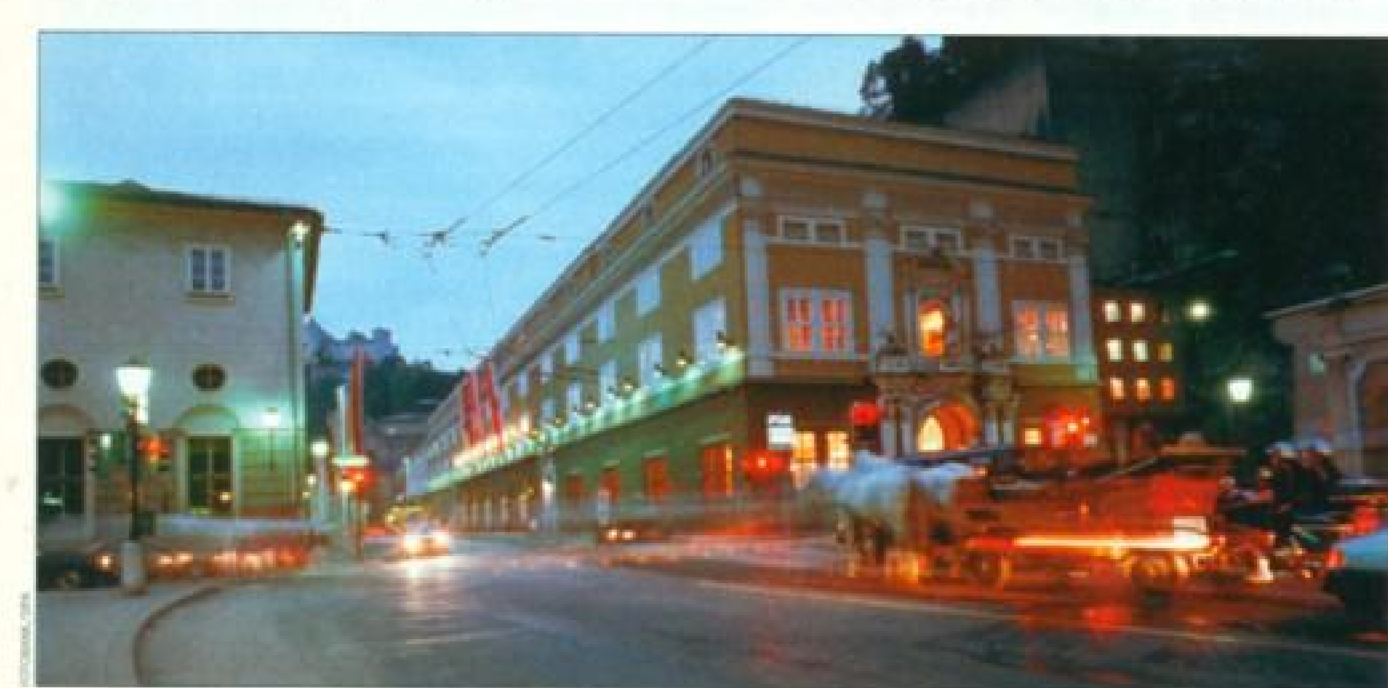
Ну похожи австрийский композитор и русский поэт — и что теперь? А то, что замечательное сходство двух гениев объясняется перво-наперво наличием у каждого из них тождественного качества — гениальности. Вспомним школьную программу: когда две величины порознь равны третьей, они равны между собой — в этом секрет отмеченной выше общности. Было бы забавным простодушием и самонадеянностью мимоходом браться за определение понятия «гениальность», но безусловным представляется одно обстоятельство: подавляющее большинство художественных способностей, причем даже огромных, отличает среди прочего некоторое смещение «центра тяжести» — это «всего лишь» таланты. И по пальцам можно пересчитать дарования гениальные, уравновешенные тем нездешним равновесием, которое свойственно чередованиям времен года, восходов и закатов — небесной механике. Так что ослепительные в своей гордыне слова Моцарта — «...отказать мне в таланте может только безбожник» — под известным углом зрения готовы обнаружить нечто большее, чем просто запальчивое красноречие. Редчайшее, реликтовое, скорее всего, навсегда утраченное самочувствие... Редкая, почти утраченная эстетика: «Что-то принесет удовлетворение *только знатокам*, однако же и незнатоки, хотя и не понимая почему, тоже останутся довольны. <...> Сейчас [этого] не знают и более не ценят. Чтобы сорвать аплодисменты, нужно либо писать вещи настолько простые, чтобы их мог напеть всякий возница, либо такое непонятное, чтобы только потому и нравилось, что ни один нормальный человек этого не понимает». Радоваться или огорчаться абсолютной сегодняшней уместности слов, сказанных двести с лишним лет назад?

Письма Моцарта в отличие от пушкинских довольно однообразное чтение; оно и понятно: словесность была стихией Пушкина — вот если бы Моцарту случилось писать отцу или жене не буквами, а нотами... Это не столько письма, сколько отписки от второстепенной внешней жизни, зачем-то происходящей за пределами музыки. Вундеркинд, о котором энтузиаст-отец всерьез говорил маловерам как о явленном чуде, вырос и прожил недолго и очень сосредоточенно. Будничные годы и годы труда, разъездов, нужды, забот, карьеры и честолюбия — и снова труда. Заложник собственного гения, Моцарт не знал женской любви до двадцати шести лет. За композицией не заметил французской революции, хотя Западная Европа тесна и полнилась слухами. Как белка в колесе кружил он по великим городам, по существу не видя их. Порядковые номера сочинений, названия национальных валют, имена меценатов и монархов — вот едва ли не все, что сохранилось в письмах композитора от посещения Милана, Лондона, Парижа, Мюнхена, Праги. Между делом, а делом была исключительно музыка, ощутил холод возраста: «Если бы люди могли заглянуть мне в душу, то мне было бы почти стыдно. Все во мне захолодело — просто лед». (Достигнув тех же примерно лет, Пушкин сравнивал себя с усталым рабом.) За полгода до смерти Моцарт пишет жене в совершенно новой для себя эпистолярной тональности: «Не могу объяснить тебе моего ощущения. Какая-то пустота, которая мучит меня. Какое-то непрерывное томление, которое не только не утихает, но, наоборот, нарастает день ото дня». Еще бы нам, «чадам праха», не понять, о чем идет речь! Но Моцарт до последнего отыскивал гармонический выход из нашего общего, вполне безвыходного положения. Реакции Моцарта на жизненные и житейские осложнения вообще непредсказуемы и диковинны. Вот он, как обычно, на гастролях, живет в гостинице, работает не покладая рук, торопится к сроку поспеть с заказом. «Над нами скрипач, под нами еще один, рядом с нами учитель пения, который дает уроки, в последней комнате напротив нас гобоист». Пропади оно все пропадом, скажем мы, сами творите в таких условиях. Но Моцарт придерживается другого мнения: «Это весело, когда сочиняешь! Подает много идей». Он же гений. ■

Манеж для троянского коня

Фестиваль в Зальцбурге: скалы, самокаты, коровы и клиповый Моцарт

Ярослав Седов

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

«КАК НАЙТИ ПРЕСС-ОФИС ФЕстиваля? Адрес — гора Монахов, 1. На лифте — на второй этаж». — «Но на карте нет дома 1». — «Так это не дом, а сама гора. Скала. Лифт внутри нее. Как это понятнее сказать — грот? Пещера?»

Музыка вместо соли

В Зальцбурге множество домов, встроенных в горы. Неровные скалистые поверхности-стены порой оставлены необработанными — так сделано в одном из выставочных комплексов и некоторых помещениях Дворца фестивалей. В горах добывают соль, благодаря которой город возник и получил свое название (salz — соль, burg — город). 4000 лет назад ее залежи открыли здесь кельты, а

потом римляне превратили город в торговый центр. На деньги от продажи соли построена когда-то неприступная крепость Хоэнзальцбург. Теперь до нее добираются по живописным тропинкам либо на подъемнике — на это уходит несколько секунд.

Город процветал до начала XIX века, затем переходил то к Баварии, то к Франции и, доставшись в конце концов обедневшей Австрии, превратился в захолустье. Зальцбург стал возрождаться лишь в 1920 году, когда в память о том, что здесь родился Моцарт, знаменитый режиссер Макс Рейнхардт и композитор Рихард Штраус основали музыкально-театральный фестиваль.

Благодаря фестивалю Зальцбург стал одним из самых популярных туристических центров Европы. Тут можно посетить горнолыжные курорты, отправиться на экскурсию по пещерам, подняться на фуникулере до высоты 1780 метров, спуститься на парашюте с горы Цвельферхорн и получить прочие удовольствия. Но едут сюда прежде всего ради спектаклей, идущих в течение месяца в центральной части Зальцбурга, уместившейся в небольшой — километра полтора в диаметре — долине между двух гор, пересеченной рекой Зальцах.

Моцартленд

Мелодии Моцарта звучат в Зальцбурге даже в мобильных телефонах таксистов, а от сувениров с его изображениями рябит в глазах. Протискиваясь в густой толпе по узеньким улочкам и сравнивая цены на стандартные наборы конфет «Моцарткугель», выставленные через каждые два метра, вновь прибывшие туристы не сразу опознают отмеченный во всех путеводителях дом, где родился композитор.

К счастью, во время фестиваля в Зальцбурге полно карнавальных затей, отвлекающих от конфетного Моцарта и спасающих от пресыщения его сувенирным образом. В этом году к началу фестиваля центр города заполнили забавно разрисованными скульптурами коров из Чикаго, путешествующими по всему миру. Те из них, что не взгромождены на стены и крыши, а просто стоят у тротуаров, фонтанов или витрин, облеплены визжащими от восторга малышами и взрослыми с фотоаппаратами.

На площадях играют музыканты (среди них есть и русские балалаечники), а кондитеры, вооружившись флагами и штандартами, шествуют с площади на площадь в сопровождении духового оркестра в национальных австрийских костюмах и рекламируют свой товар. Большинство здесь ездит не на машинах, а на велосипедах по специальным дорожкам из цветного асфальта. Молодые мамаши прицепляют к велосипедам крохотные коляски с пластиковыми домиками, куда сажают детей-ползунков с кучей погремушек, и катят, слушая музыку через наушники, не боясь, что ребенка кто-нибудь заденет. Многие пользуются складными самокатами. Мужчины в строгих костюмах, выходя из автобуса, вынимают их из кейсов, раскладывают и едут по делам. На моих глазах пожилая дама, получив после концерта в гардеробе пакет, подобрала расшитую юбку и через минуту лихо лавировала на самокате в потоке велосипедистов и конных повозок. Лошади дисциплинированно останавливаются на светофорах, но, к восторгу туристов, справляют нужду в самые

ЗАЛЬЦБУРГСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ОТКРЫЛСЯ В 1920 ГОДУ СПЕКТАКЛЕМ «КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК» ПО ПЬЕСЕ ГОФМАНСТАЛЯ В ПОСТАНОВКЕ РЕЙНХАРДТА. С ТЕХ ПОР ПОЧТИ КАЖДЫЙ ГОД ЭТА ВЫЧУРНАЯ ПЬЕСА ОБ УМИРАЮЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ, ВЕДУЩЕМ ДИАЛОГ СО СМЕРТЬЮ, СТАВИТСЯ НА ФЕСТИВАЛЕ НА ТОЙ ЖЕ СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ

МЕХАНИЗМ

Устроители

ЖЕРАР МОРТЬЕ ВОЗГЛАВИЛ ЗАЛЬЦБУРГСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ В 1991 ГОДУ И ПРЕВРАТИЛ ЕГО В КРУПНЕЙШУЮ ЛАБОРАТОРИЮ СОВРЕМЕННОЙ РЕЖИССУРЫ

В течение года на Зальцбургский фестиваль работает 178 сотрудников, а летом, в разгар сезона, когда идут спектакли, — 4000. Из них около 3000 — артисты, остальные — технический и административный персонал. Обычно фестиваль продолжается чуть больше месяца, в этом году он идет с 23 июля по 31 августа. Состоится 200 представлений, на которых будут показаны постановки 8 опер, 6 пьес и 70 концертных программ. В прошлом году на фестивале побывало около 210 000 зрителей, три четверти из которых приехали из-за границы. Доход от продажи билетов превысил 285 млн. шиллингов (около 19 млн. долларов). Ожидается, что и в этом году доходы не снизятся.

Бюджет фестиваля последние несколько лет составляет около 600 млн. австрийских шиллингов (примерно 40 млн. долларов). Около трехсот миллионов дохода поступает от продажи билетов и чуть больше — от продажи прав на трансляции и записи, тиражей аудио- и видеопродукции, размещения рекламы на фестивале и тому подобной деятельности. Фестиваль окупается на 74 %. Дефицит покрывается средствами Фонда Зальцбургского фестиваля, основанного в 1950 году. Его средства складываются из доходов от поощрения туризма (20 %) и различных субсидий (80 %).

С 1961 года действует Ассоциация друзей Зальцбургского фестиваля, в ней состоят около 2000 «членов-благотворителей», которые перечисляют на ее счет по 10 000 шиллингов в год, и столько же «простых» членов, вносящих по 1000 шиллингов. Ассоциация издает иллюстрированный журнал фестиваля, организует семинары, встречи, конференции. С ее помощью проводятся реставрационные работы, дотируются льготные молодежные абонементы. Билеты на фестивальные спектакли стоят от 200 до 4 600 шиллингов (то есть от 13 до 300 долларов). Но существуют разнообразные скидки для пожилых, инвалидов, детей, студентов.

Следующий фестиваль станет последним, который пройдет под руководством его нынешнего главы Жерара Мортье. После впечатляющего прорыва ультранационалистической Партии свободы под руководством Йорга Хайдера на парламентских выборах в Австрии осенью 1999 года Мортье решил в знак протеста прервать свой контракт. Он объяснил, что концепция Зальцбургских музыкальных праздников, основанная на международном сотрудничестве и взаимодействии культур, несовместима с националистической политикой Партии свободы, в которой сквозит нетерпимость к иммигрантам, в том числе и выходцам из Восточной Европы. Но потом Мортье изменил свое решение и объявил, что выполнит свой контракт, заканчивающийся в сентябре 2001 года, однако намерен учредить вместе с участниками фестиваля специальный фонд, который поможет артистам и туристам из стран Восточной Европы приехать на фестиваль.

НА ВРЕМЯ ФЕСТИВАЛЯ ЦЕНТР ГОРОДА ЗАПОЛНИЛИ СКУЛЬПТУРАМИ КОРОВ, ПУТЕШЕСТВУЮЩИМИ ПО ВСЕМУ МИРУ

неподходящие моменты. Впрочем, недоразумение длится не более тридцати секунд: за лошадьми тут же убирают служащие, патрулирующие улицы на специально оборудованных велосипедах.

Фестиваль и городская жизнь перемешаны: из окон отелей слышны голоса певцов, а с тропинок на горе — звуки репетиций во Дворце фестивалей. Днем можно посидеть на зрительских местах посреди соборной площади, заглянуть в залы, где стоят декорации для вечернего спектакля. Ближе к вечеру на улицах появляются дамы в длинных вечерних платьях и бриллиантах в сопровождении господ во фраках и смокингах. Это жители центра или туристы из близлежащих отелей, которые идут на спектакли, заглядывая по пути в кафе и магазины. Но большая часть публики подъезжает к дверям на машинах и повозках. Перед началом зрители прогуливаются по длинному тротуару, не спеша войти в фойе. А на противоположной стороне улицы собираются туристы — глазеть на туалеты. Многие приходят в австрийских национальных костюмах: дамы — в длинных клетчатых юбках с фартуками и корсажами поверх белоснежных рубашек с вышивкой, мужчины — в панталонах, жилетах, коротких куртках и шляпах с фазаньими перьями. А дети, даже самые маленькие, одеты во «взрослые» платья и смокинги.

ЦАРЬ КРИТА ИДОМЕНЕЙ РАЗДУМЫВАЕТ, КАК ЕМУ ДОБРАТЬСЯ ДОМОЙ ПО БУШУЮЩЕМУ МОРЮ.

ВВЕРХУ СЛЕВА: **СОЛДАТЫ, ВМЕСТЕ С КОТОРЫМИ ДОЛЖНЫ ОТПРАВИТЬСЯ В ПОХОД ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ ОПЕРЫ «ТАК ПОСТУПАЮТ ВСЕ»,** ДЕМОНСТРИРУЮТ, В КАКОМ ВИДЕ ВОИНЫ ПОДЧАС ВОЗВРАЩАЮТСЯ ПОСЛЕ БИТВ

Фойе в конюшне

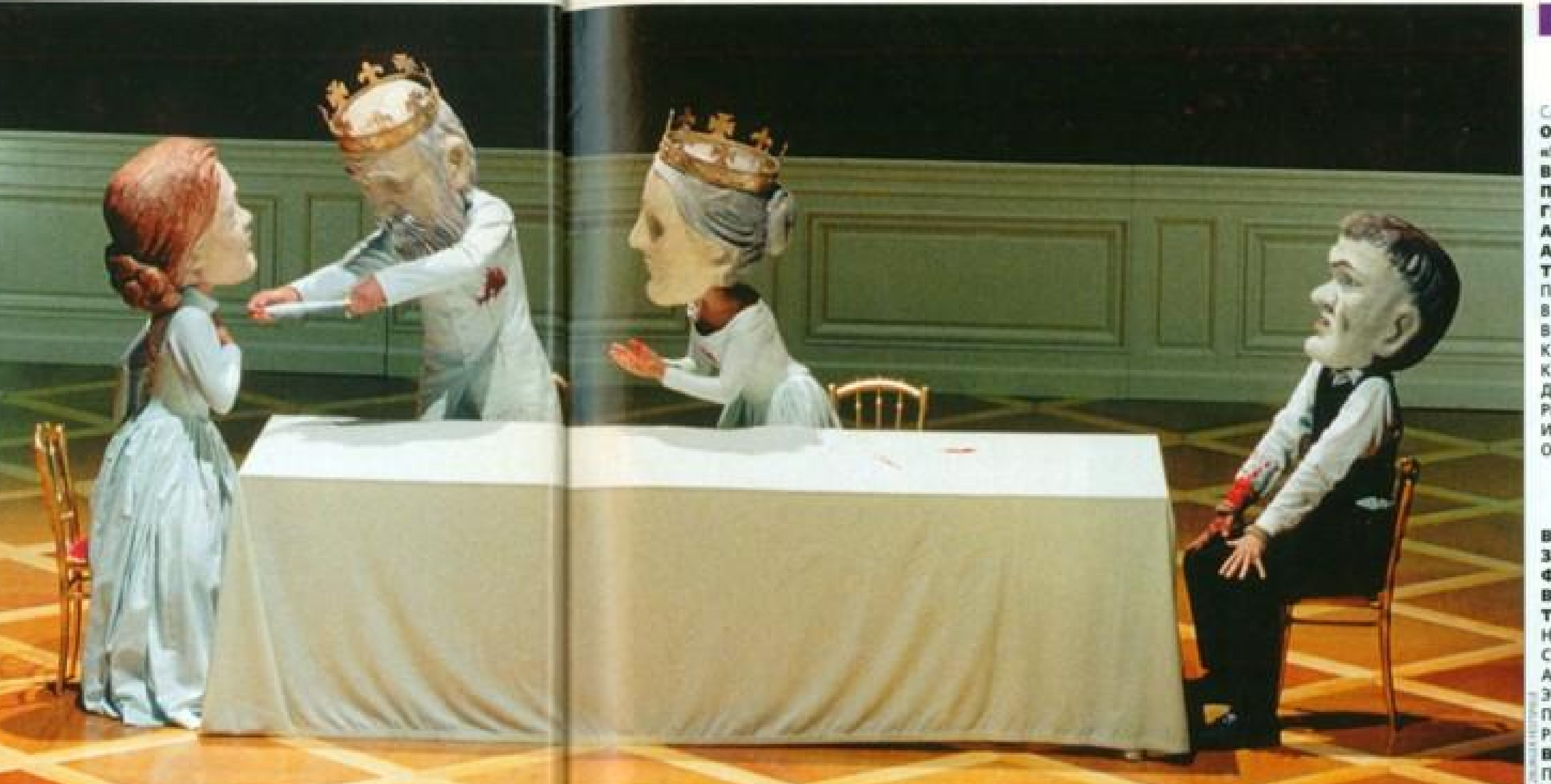
Спектакли и концерты идут на площади перед собором святого Рупрехта, в Резиденцхоф (внутренний двор дворца епископов, над которым устроена крыша), на островке в пригороде Халляйн, в городском театре, древнем доме под названием «Мусорный ящик», залах дворца «Моцартеум» и других помещениях. Но самые престижные постановки проходят во Дворце фестивалей, оборудованном в бывших конюшнях. Фойе размещается на том самом месте, где раньше были стойла, а один из залов называется «Школа верховой езды» (бывший манеж, частично вырубленный в горе). Интерьеры залов строгие — чтобы не отвлекать от происходящего на сцене.

Концепция фестиваля в буквальном переводе звучит как «точное взаимодействие традиции и обновления». Здесь ставят оперы всех эпох только современными театральными средствами и стремятся сделать так, будто старинная музыка в расчете на них и написана. Спектакли порой похожи на фильмы или клипы, остроумные, порой даже хулиганские внешне, но затеянные не ради шутки, а для того, чтобы дать нынешней публике ключ к старинным операм.

На фестивале этого года безусловным хитом стала постановка моцартовской оперы «Так поступают все» немецкого режиссера Ханса Ноенфельса. Он создал сюрреалистический мир с огромными яркими цветами и насекомыми, фантастическими рептилиями, мужчинами с собачьими головами, дамами в прозрачных кринолинах и шляпах-мухоморах и прочими существами, постоянно переодевающимися или превращающимися друг в друга. Здесь запросто можно потерять рассудок, а не только перепутать возлюбленных, что происходит в моцартовском сюжете, где женихи устраивают своим невестам испытание на верность. По логике режиссера, в такой ситуации удивительно не то, что дамы в конце концов сдались, а то, что довольно долго не позволяли вовлечь себя в фантасмагорический карнавал, где их кавалеры переоделись маврами и каждый начал ухаживать за невестой друга.

В каждой сцене спектакля — целая россыпь забавных режиссерских выдумок. Главные герои — и мужчины, и женщины — одеты в одинаковые брючные костюмы, так что не сразу разберешь, где кто. Проводив возлюбленных, дамы прочитают об их трудном морском путешествии, любовно передавая друг другу модель парусника, картинно тоскуют, лежа то в шезлонгах, то в кроватях, то в гробах. Занимаются у балетного станка, пытаются реанимировать электрошоком упавших в обморок ухажеров и тому подобное.

Но в ключевых сценах возникает та тревожная интонация, которая пронизывает всю музыку этой оперы. Проводы кавалеров превращаются в жутковатую процедуру, подобную сборам на казнь. Отделенные от невест красным шнуром, Феррандо и Гульельмо вливаются в ряды солдат и еще долго прощаются с дамами, но пересечь условную границу уже не могут.

СЛЕВА: **ПЕРСОНАЖИ ОПЕРЫ ГЛЮКА «ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ ГРОТЕСКНЫЙ ОБРАЗ АКТЕРОВ АНТИЧНОГО ТЕАТРА,** ПРЕВРАЩЕННЫХ В ЗАБАВНЫХ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ЖУТКОВАТЫХ КУКОЛ. ВПРОЧЕМ, КОГДА СОЛИСТЫ ДОЛЖНЫ ПЕТЬ, РЕЖИССЕР КЛАУС ГУТ ИЗБАВЛЯЕТ ИХ ОТ БУТАФОРСКИХ ГОЛОВ

В ЭТОМ ГОДУ ЗАЛЬЦБУРГСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ВВЕЛ В ОПЕРНЫЙ МИР ТРОЯНСКОГО КОНЯ НЕ В ПЕРЕНОСНОМ СМЫСЛЕ, КАК ОБЫЧНО, А В САМОМ ПРЯМОМ. ЭТО ПРОИЗОШЛО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ РЕЖИССЕРА **ГЕРБЕРТА ВЕРНИКЕ** В ЕГО ПОСТАНОВКЕ ОПЕРЫ БЕРЛИОЗА «ТРОЯНЦЫ»

Многие критики (кто одобрительно, а кто и осуждающе) считают спектакли такого типа «разрушением устоев», то есть чем-то оппозиционным. Но полемического пафоса в спектакле Ноенфельса нет. Он лишь тщательно обыгрывает моцартовские идеи и любовно преподносит каждый элемент формы — дуэты, арии, ансамбли, интермеццо, начала и окончания фраз. Несмотря на внешнюю экстравагантность, это не авангардистская подрывная акция, а спокойная концептуальная работа.

Диссертация с оркестром

Основные постановки фестиваля образуют цикл, посвященный теме, на которую можно писать искусствоведческие исследования (они, собственно, и публикуются в качестве комментариев к постановкам в солидно изданных буклетах). В прошлые сезоны были, например, серии спектаклей, посвященные средневековым идеалам материального и духовного начал, цикл «Герои — европейские мифы: Фауст и Дон Жуан» и тому подобное.

В этом году центральная тема — «Троя и любовь», остроумно соотнесенная с главной концепцией фестиваля. Образ античности в опере со времен основания жанра в XVII веке всегда использовался для того, чтобы под девизом «воплощения идеалов красоты» предпринять нечто новаторское. В программе этого года выявлена преемственность таких попыток. «Ифигения в Тавриде» Глюка — вершина его знаменитой реформы, позволившей в рамках канонических ситуаций классицистских трагедий разрабатывать характеры персонажей. «Троянцы» Берлиоза по мотивам «Энеиды» Вергилия — многоактный эпос, создававшийся в ходе попыток композитора написать «главную» национальную оперу и прославляющий Вторую империю Наполеона III, несет черты классицизма. Берлиоз во многом следовал примеру Глюка и писал, что если бы его предшественник услышал «Троянцев», то сказал бы: «Да, их автор — мой сын». Оперетта Оффенбаха «Прекрасная Елена» — пародийное изображение эпохи Наполеона III (и отчасти — ирония над штампами «большой оперы») с помощью образов той же Троянской войны и персонажей, которых нет у Берлиоза.

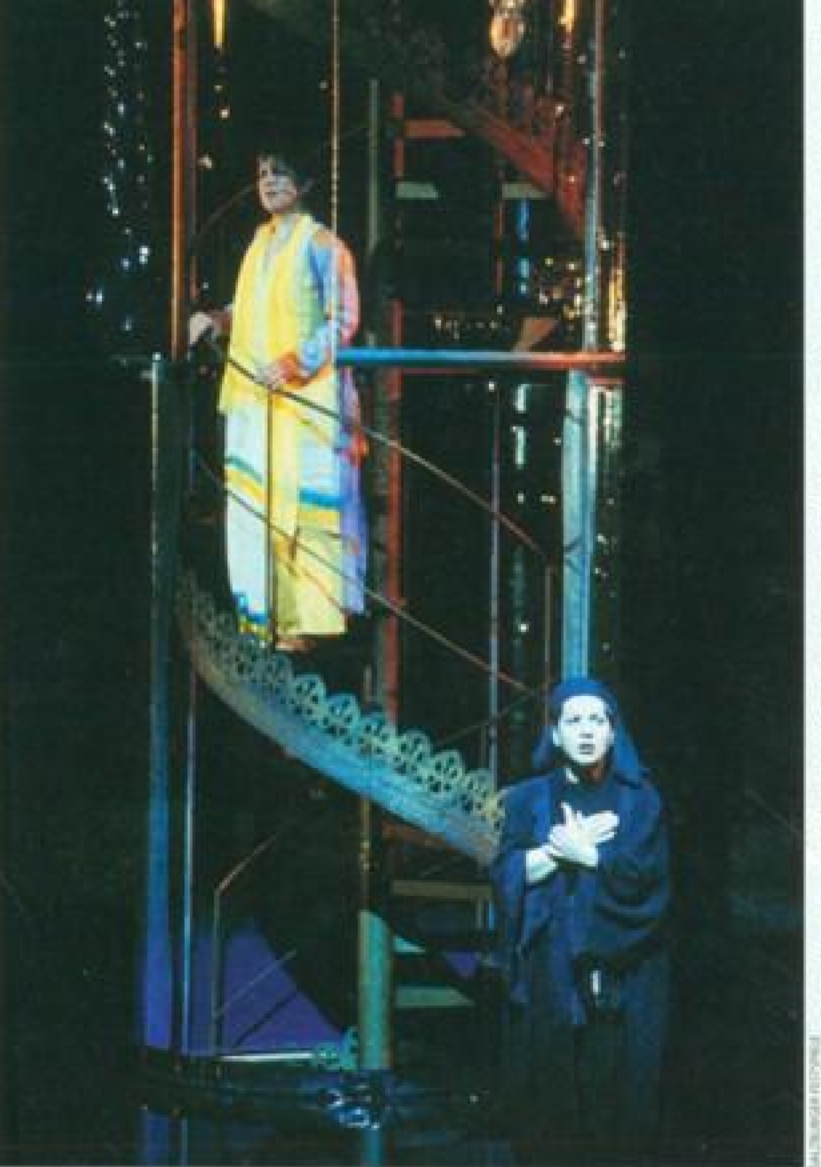
К этой же теме примыкает «Идоменей» Моцарта о царе Идоменее, который, возвращаясь с Троянской войны, был застигнут бурей на море. Царь пообещал Посейдону принести в жертву первого, кого встретит на родном острове, и первым оказался сын Идоменея. Историки считают, что Моцарт видел в этом сюжете сходство со своими отношениями с отцом и написал редкую для своей эпохи «автобиографическую» оперу. А жена компо-

зитора Констанца описала случай, как, навещая Моцарта-старшего в Зальцбурге, они пели квартет из «Идоменея», и Вольфганг впал в долгую истерику.

Эмблемой темы на фестивале выбрали скульптуры Кановы, указывая, что они, как и представленные оперы, воплощают «тоску по античности» и современное скульптору понимание вневременного идеала красоты. И в спектаклях попытались увлечь публику игрой стилей.

«Ифигения в Тавриде» в постановке Клауса Гута идет на сцене Резиденцхоф в обрамлении малиновых штофных панелей, напоминающих парадные залы времен Глюка и в то же время обозначающих дворец, «залитый кровью» родовой мести. В спектакле есть гротескный образ актеров античного театра с их масками и регламентированными жестами — забавные и в то же время жутковатые персонажи с огромными бутафорскими головами, движущиеся на котурнах, как куклы (они-то и осуществляют положенные по сюжету убийства). Есть пластичные мизансцены в духе театра классицизма, где перемещения групп хора подобны ритуальному танцу или фигурам популярного в Австрии конного балета. Есть сюрреалистический знак безвыходного пространства — пол, плавно перетекающий на заднике в потолок. Герои, пытающиеся выбраться из дворца, скатываются по уходящему вверх полу. И ниспосланное богиней Дианой спасение — морской берег, манивший героев с крохотной фотографии на стене и открывшийся в финале в глубине сцены.

Столь же лаконично и завораживающе красиво решены «Идоменей» (постановка Урсулы и Карла-Эрнста Херманн, первоначально осуществленная в Баден) и «Троянцы» (парижская постановка Герберта Вернике). Величественные ком-

СЮЖЕТ ОПЕРЫ ФИНСКОГО КОМПОЗИТОРА КАЙИ СААРЬЯХО «ЛЮБОВЬ ИЗДАЛИ», СПЕЦИАЛЬНО НАПИСАННОЙ ДЛЯ НЫНЕШНЕГО ФЕСТИВАЛЯ, **НАПОМИНАЕТ ИСТОРИЮ ТРИСТАНА И ИЗОЛЬДЫ.** ГЛАВНЫЕ РОЛИ ТРУБАДУРА ЖОФФРЕ, ВЛЮБИВШЕГОСЯ В ГРАФИНЮ, КОТОРУЮ ОН НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ, ИСПОЛНЯЮТ В ПОСТАНОВКЕ ПЕТЕРА СЕЛЛАРСА ПЕВЦЫ **ДОН АПШОУ И ДУАЙН КРАФТ.**

ВВЕРХУ СЛЕВА: БУФФОННЫЕ **ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ «ПРЕКРАСНОЙ ЕЛЕНЫ» НАПОМИНАЮТ В ПОСТАНОВКЕ ГЕРБЕРТА ВЕРНИКЕ ТЕЛЕВИЗИОННУЮ «МЫЛЬНУЮ ОПЕРУ»,** КОТОРАЯ РАЗЫГРЫВАЕТСЯ В ИНТЕРЬЕРАХ СОВРЕМЕННОГО ДОМА, ВЫСТРОЕННОГО С ПРЕТЕНЗИЕЙ НА СТИЛЬ ВРЕМЕН НАПОЛЕОНА III

позиции из групп хора и фигур солистов в струящихся одеяниях на фоне гладких, пастельно окрашенных стен контрастируют с кровавыми динамичными сценами битв, пестрыми карнавальными процессиями и строгими ритуальными шествиями с настоящими факелами. А буффонные приключения персонажей «Прекрасной Елены» напоминают в постановке Герберта Вернике телевизионную «мыльную оперу», которая разыгрывается в интерьерах современного дома, выстроенного с претензией на стиль времен Наполеона III.

Академия музыки

Со времен Рихарда Штрауса фестиваль считает своим долгом устраивать премьеры современных опер, которые по возможности должны соответствовать теме сезона. В этом году свою первую оперу представит финский композитор Кайя Саарьяхо, учившаяся у Пьера Булеза и работающая с электронной музыкой в области синтеза звуковых и визуальных образов. Она дебютировала в Зальцбурге в 1996 году, а сочинить оперу решила, услышав на этом же фестивале «Святого Франциска Ассизского» Оливье Мессиана. Ее «Любовь издали», последние репетиции которой идут сейчас, варьирует тему Тристана и Изольды. Саарьяхо нашла в рукописях XIII века историю трубадура Жоффре Руделя, влюбившегося в графиню Триполи, не видя ее. Вдохновленный своим идеалом, он сочинял песни, фрагменты которых сохранились (Саарьяхо их цитирует). Наконец Рудель решил увидеть графиню, но во время путешествия заболел и, добравшись до нее, умер на руках возлюбленной.

Некоторые произведения создаются по ходу фестиваля — на семинарах и мастер-классах для исполнителей и композиторов Академии под руководством композитора Вольфганга Рима. Но лучшая школа, разумеется, сами спектакли и концерты с участием звезд. В этом году в зальцбургских спектаклях заняты один из лучших баритонов мира американец Томас Хемпсон, молодая болгарская певица Вессилина Казарова, знаменитая исполнительница вагнеровского репертуара Вальтрауд Майер, дирижеры Риккардо Мути, Клаудио Аббадо, Лорин Маазель. Приезжала с концертной программой американская оперная дива Джесси Норман, объявлены концерты пианиста Маурицио Поллини.

Бывают и замены. Так, в программку «Тристана и Изольды» вложена трогательная записка с благодарностью Йону Фредерику Весту за то, что он, выручая спектакль, срочно подготовил партию Тристана, и с просьбой к публике понять, что он не мог успеть за отпущенный срок освоить все нужные мизансцены.

Впечатляет и мастерство многочисленных молодых, совершенно неизвестных у нас певцов, завидно эрудированных, усвоивших множество находок легендарных звезд XX века и умело их использующих в мягкой, неэкзальтированной вокальной манере. Их трактовки дают множество поводов для сравнений и размышлений, что, видимо, характерно для Зальцбургского фестиваля, поощряющего в опере интеллектуальное начало (в отличие от итальянских праздников, эксплуатирующих прежде всего чувственную сторону жанра).

Зрители идут во Дворец фестивалей прежде всего ради самой оперы, а не ради престижа или делового общения, хотя это не исключается. Опера для большинства из них — как лечебные воды, кафе и библиотека в одном комплекте: питает, воодушевляет, успокаивает. Здесь удается самое трудное и желанное для любого театра: зрители не просто наблюдают за происходящим на сцене, у них возникают размышления на те же темы, что у Моцарта, Глюка, Вагнера. Об этом они в антрактах говорят охотнее, нежели о самом спектакле или посторонних делах. По ходу действия зал слушает не шелохнувшись, почти не аплодирует — чтобы не мешать. Ну а после — овации, крики, топот ног в знак одобрения. И завершение туристической программы дня: прогулка по залитому огнями ночному Зальцбургу, ужин и приятные беседы об искусстве. ■

Дочка Довлатова

Двадцать четвертого августа исполняется 10 лет со дня смерти писателя

ДОВЛАТОВ ХОТЕЛ БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ И СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ, ПРИЧЕМ НАСТОЛЬКО, ЧТО ЗА ТЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПРОШЛИ С 24 АВГУСТА 1990 ГОДА, ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРЕВРАТИЛСЯ В ЧЕТЫРЕ БЕЛЫХ ТОМИКА, В ПОНЯТИЕ, В ПАМЯТНИК, В ИЕРОГЛИФ КУЛЬТУРЫ...

Петр Вайль

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

КАТЯ ПРИЕХАЛА В ПРАГУ, И МЫ НАзначили встречу у памятника святому Вацлаву, как все в городе. Здесь называется — «у коня». Катя — стройная, высокая, особенно на этих котурнах. Волосы остригла короче, чем всегда носила, — непривычно. Каждый раз прикидываешь — больше похожа на отца? Больше. Нормально — возраст. Хотя у нее разрез глаз продолговатый — от красавицы матери. Все остальное — Довлатов: губы, мимика, жесты. Особенно вдруг один жест, непонятно откуда взявшийся.

У Довлатова было плохо с зубами, как почти у каждого российского жителя к сорока. В Нью-Йорке он вставил что надо: без вульгарной белоснежности, естественная слоновая кость. Но до того стеснялся широко раскрывать рот и смеялся, прикрываясь ладошкой. Откуда у Кати — с зубами все в порядке — эта временная довлатовская манера: улыбаться или хихикать, поднося ладошку ко рту?

Довлатов редко смеялся откровенно, не помню, чтоб хохотал — чаще именно хихикал. Я как-то показал ему страницу из «Подростка» Достоевского о том, что смех — самый верный показатель человеческой натуры, он даже надулся, зная за собой такую манеру смеяться. В нем это было — злорадство, что ли: не конкретно, а вообще по поводу несовершенства венца творения.

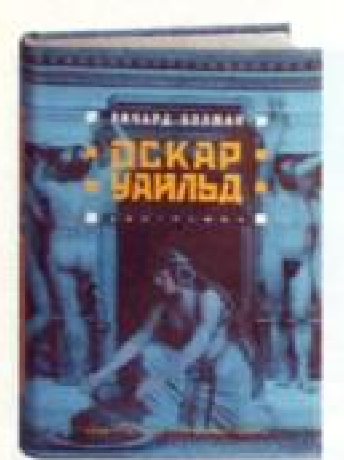
Катю я знаю с ее двенадцати: с Леной и с ней познакомился за год до приезда Сергея в Штаты. Последний раз мы с Катей виделись года два назад в Петербурге, на довлатовской конференции, когда она задавала мне десятки вопросов об отце. А потом вдруг очутилась в Лондоне, где изучает русскую литературу: папа тоже в программе. Какой-то диковинной широкой параболой закинуло ее, уже взрослую, в словесность, ради которой жил ее отец. Помню стандартное эмигрантское отчаяние Довлатова: «Она же ничего не читает! Пусть бы не по-русски, но ведь вообще ничего! Я тут из кухни полчаса слушал, как ее компания общается у телевизора. You like it? — Yes, I like it. — You sure? — Yes, I'm sure. И так полчаса, представляешь?»

Время от времени по электронной почте мне приходит послание от Кати: срочно расскажи что-нибудь о Венедикте Ерофееве, чего нет в книжках, у меня завтра зачет. Катин компьютер без русификатора, и zachiot выглядит еще тревожнее.

В нашей пражской квартире мы в восемь рук готовили японский обед: мы с женой и Катя с кузиной Юлей, дочкой легендарного «старшего брата», Бориса Довлатова, которого я так никогда и не видел. Борис умер от того же, что Сергей, в тот же год, только чуть позже. Главное — не пересушить рис для суши. «А ведь правда папе было все равно, что есть?» Точно. Проголодавшись, он плотоядно мечтал об «утопающей в жире яичнице» — это предел. Не то чтобы классический русский комплекс превосходства верха над низом. Верхом была одна лишь литература. Куда ниже размещался джаз, еще ниже кино. Все прочее лежало на дне вместе с кулинарией — театр, живопись, классическая музыка.

Одной из любимейших книг Довлатова был джойсовский «Портрет художника в юности» — о том, как последовательно и свирепо освобождается герой от всех своих общественных, нравственных, эстетических ролей, оставляя только себя-писателя. «Как капустные листы с кочерыжки», — говорил Довлатов. Такого самоотречения ему дано не было, но идеал сохранялся.

Довлатов хотел быть писателем и только писателем, для того и двигался из Питера в Таллин и дальше в Штаты, и стал писателем, причем настолько, что за те десять лет, которые прошли с 24 августа 1990 года, окончательно превратился в четыре белых томика, в понятие, в памятник, в иероглиф культуры. Я замечаю, что натренировался бойко отвечать на вопрос: мол, правда ли то, что обо мне написал Довлатов? Говорю, что неправда, но с этой неправдой полностью согласен. Это уже отношение к классику, а монумент и человек — обратно пропорциональны. Вот разве что выйдешь «к коню» и увидишь, как довлатовская дочка Катя улыбается и вдруг прикрывает рот ладошкой. ■

Ричард Эллман.
Оскар Уайльд. Биография.
М.: Независимая газета, 2000

Биография — исключительно каверзный жанр. Даже если она не простая, а литературная. И даже если герой ее скандален, обладает парадоксальностью и обаянием Уайльда, гарантирующими жизнеописателю легкий успех.

Хотя в случае Эллмана о легкости говорить, пожалуй, не приходится. На написание монументального труда о шестистах с лишним страницах (мелким шрифтом!) у него ушло больше двадцати лет. Зато в результате получилась книга, которую в англоязычном мире немедленно объявили «лучшей за несколько десятилетий» и уж как минимум «лучшей литературной биографией». Как говорится в подобных случаях в рекламе: «Теперь и по-русски».

За пару десятилетий работы Эллман учел, кажется, каждую бумажку, имеющую хоть какое-нибудь отношение к персонажам этой истории («На втором году обучения в октябре Уайльд приобрел четыре бокала для содовой воды, четыре простых бокала и шесть стаканов для портвейна...»), и сроднился с ними настолько, что всех этих светских англичан конца XIX века стал воспринимать как собственных знакомых, большая часть которых оказывается достойна лишь уничижительно-краткой характеристики вроде: «Хигтинсон был уважаемый зануда». Чем на самом деле занимался в жизни Хигтинсон, остается неизвестным, равно как нигде толком не разъясняется, в чем же была суть пресловутого эстетизма, который столь последовательно проповедовал Уайльд. Запоминается лишь, что делал он это в бриджах и с лилией в руках.

Зато эллмановские описания не менее пылки и цветисты, чем юношеские стихи его героя. Так и вспоминается пушкинская цитата из д'Аламбера: «Этот человек пишет: Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать — лошадь?». Надо полагать, что витиеватость стиля (зачастую, увы, еще и искаженную «тусклым зеркалом перевода») должна оправдывать жанровое определение «литературная биография». Литературность же, в свою очередь, прощает автору обидное отсутствие архивных и библиографических ссылок (а ведь интересно было бы узнать, откуда Эллман взял рассказ о том, как Уолт Уитмен пил пунш с посетившим его британским эстетом!).

Впрочем, история жизни Уайльда сама по себе настолько занимательна, что почитать ее в любом случае интересно. Пусть даже не до последней строчки последней, 654-й, страницы — все равно там все плохо кончилось... ■

Ольга Гринкруг

ВЫСТАВКИ

Век Рембрандта. Голландская живопись XVII века из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва

ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ЗАПАСНИКОВ «РЫБЫ» НАПИСАНЫ ВЕДУЩИМ МАСТЕРОМ ПОПУЛЯРНОГО В ГОЛЛАНДИИ НАПРАВЛЕНИЯ «РЫБНОГО» НАТЮРМОРТА ПИТЕРОМ ДЕ ПЮТТЕРОМ

Надо иметь очевидные резоны для того, чтобы показывать на выставке в ГМИИ картины из собрания ГМИИ, просто перетащив их из постоянной экспозиции на первом этаже в Белый зал, на колоннаду второго и в зал за ней. (Ну, приумножив их число добавками из хранилища, разбавившими известные вещи, а также занявшими их привычные места в 10-м зале, временно переделанном в «открытый запасник». Но только добавки эти все больше сомнительного свойства.) Резонов может быть много: новый авторско-кураторский взгляд на старое искусство, попытка его детальной и концептуальной классификации, необычные сопоставления-сopоложения с искусством иных стран и/или иных эпох, в крайнем случае радикальные дизайнерские ухищрения, способные по-иному представить сотни раз виденное.

У выставки в ГМИИ резон только один, понятный лишь сугубым специалистам. Резон — каталог-резоне (то есть полный и подробный, с научным описанием каждой включенной в него работы) «голландского» собрания живописи нашего музея, что не равносильно каталогу выставки. Она же просто приурочена к выходу в свет этого пятисотстраничного фолианта стоимостью 600 рублей с черно-белыми иллюстрациями (то не сувенирный альбом, а искусствоведческий труд!) и сухими справками о происхождении, атрибуции, аналогах, истории, литературе по поводу той или иной картины. Составила его и соответственно организовала выставку одна из старейших сотрудников ГМИИ Марина Сененко, в чествование которой вылился вернисаж. Но это, извините, праздник для очень немногих. Кропотливая научная и реставраторская работа над собранием входит в повседневные обязанности музейных сотрудников, и посвящать огромную трехмесячную выставку прославлению их труда, не видимого миру, благородно, но расточительно. Это в том случае, если музею нечего сказать, кроме того, что в нем хранятся более двухсот картин голландских художников XVII века, почти все они отреставрированы, атрибутированы, описаны, а теперь обнародованы и опубликованы.

Нет, конечно, у выставки есть «научная концепция», отразившаяся в ее структуре, но по примитивности похожая на посыл статьи в журнале «Юный художник». В голландском искусстве, довольно «обытовизированном» по причинам верности его создателей доктринам кальвинизма и отсутствия церковных заказов, расцветали жанры портрета, пейзажа, натюрморта и бытовой сценки. Они делятся на подвиды. Например, есть пейзажи с животными, с архитектурными мотивами, с позаимствованной у итальянцев идиллической тематикой и пр. А натюрморты бывают просто натюрмортами и глубокомысленными аллегориями-ванитас, посвященными бренности всего земного. Такова в общих чертах голландская живопись XVII столетия (об этом — колоннада и зал за ней). На ее фоне выделяется гений Рембрандта — отменного живописца и глубокого мыслителя, «пристально читавшего Библию». Рембрандт повлиял на современников: в Белом зале шесть картин маэстро дополняют работы художников, так или иначе относимых к его кругу. Впрочем, никаких особенных сопоставлений в экспозиции не просматривается. Вытащенные же из запасников вещи, оказавшиеся недостойными второго этажа, свалены в кучу в одном зале на первом (помянутый «открытый запасник», о наличии которого на выставке нигде не сообщается). Вот и все.

Правда, экспликации (сопроводительные тексты к картинам) — там, где они есть, — подробны и хороши. Ну и картины, конечно, ничего себе. ■ **Александр Панов**

«Успех Вашего дела — это правильно спланированная рекламная кампания», — считает Дина Шульговская, менеджер рубрики «Справочник делового человека». Позвоните и обсудите с ней наиболее экономичный способ его достижения.

Телефоны отдела рекламы:
(095) 753-4145/46, 753-1111/12
факс: 753-4148.

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА РЕКЛАМОДАТЕЛИ!
Обращаем Ваше внимание на планируемые в 2000 году тематические специальные разделы в журнале "Итоги":

18 сентября	"Автомобили"
25 сентября	"Проблемы интернета"
16 октября	"Недвижимость"
6 ноября	"Дом и интерьер"
20 ноября	"Кофе"
4 декабря	Отели – "Приглашение к празднику"
18 декабря	"Эксклюзив"
осень	"Манежная площадь" (тенденции моды и лучшие модные бутики Москвы)
осень	"Офисная мебель"

Приглашаем к сотрудничеству агентства и компании, заинтересованные в размещении рекламных материалов. По всем вопросам обращайтесь в отдел рекламы по тел. ***753-41-45/46****, факс* ***753-41-48****.*

Scrabble

НАБРАТЬ НЕ МЕНЕЕ 110 ОЧКОВ

- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ
- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

Решение задачи, помещенной в №33

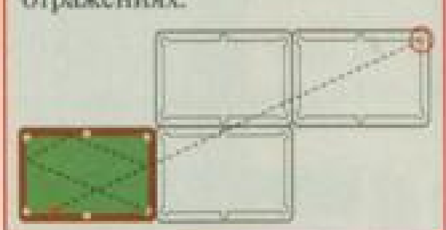
a12↓ АННАЛЫ (11 + 6 за слово из шести букв = 17 очков). a14↓ АР (3*2 = 6 очков) b6→ САЛАМАНДРА (19 + 10 за слово из десяти букв *2 = 58 очков). c9→ СУКНО (9 очков) e12→ ЛАЙ (5 очков)
Премия за использование всех букв 20 очков
Итого: 115 очков

Уголок старика Синицкого

Эту задачу придумал Льюис Кэрролл, автор знаменитой «Алисы в стране чудес». Пленная королева с сыном и дочерью заперты в верхней комнате высокой башни. Снаружи у окна закреплен блок, через который перекинута веревка с двумя корзинами. Верхняя корзина пуста, а в нижней лежит камень весом 30 кг. Спуск в корзине безопасен, если разница в весе корзин не превышает 6 кг. Королева весит 78 кг, дочь — 66, а сын — 36. Как им осуществить побег?

Решение задачи, помещенной в №33

Проще всего мысленно продолжить бильярдный стол его зеркальным отражением относительно того борта, о который ударяется шар. На отраженном поле шар (в соответствии с правилом «угол падения равен углу отражения») продолжит свой путь по прямой безо всяких изменений. На рисунке пунктиром показана траектория шара на реальном столе и на воображаемых отражениях.

Преферанс

Ход

Посадить играющего

Снос

Заказ 6♠

Решение задачи, помещенной в №33

Сыграть за играющего свою игру

Заказ: 6♠	Вист1 Ход	Вист2
♠Т,В,10,8	К,Д,7	9
♦К,Д,В	Т,9,8	10,7
♣Т,10,9	Д,В	К,8,7
♥(Д,В)	10,9	Т,К,8,7

Сыграв два раза подряд в бубну: 1) ♦Т, 7, В; 2) ♦8, 10, Д, — вистующие ставят играющего в тяжелое положение. Он не может ни отобрать козырей тузом, ни пытаться достать козырной вист трефой (вистующие угрожают забить бубну). Единственный ход, ведущий к победе: 3) ♠В, Д, 9 — своя игра.

Страница **Дмитрия Генина**

Итоги

Еженедельный журнал № 34 (220), 22 августа 2000 года

Интернет-версия по адресу: www.itogi.ru

Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко (E-mail sparhom@7days.ru)

Заместители главного редактора Маша Липман (E-mail mlipman@7days.ru), Дмитрий Сабов

Арт-директор Аркадий Троянкер

Консультант (Newsweek) Рон Джавер

Секретариат Андрей Зборский **(ответственный секретарь),** Владимир Орлов **(зам. ответственного секретаря),** Ирина Спиридонова, Ирина Фрейдлин **(выпускающие редакторы)**

Отдел дизайна Виталий Колбасов **(зав. отделом),** Алексей Афанасьев, Лидия Левина, Федор Радлов, Екатерина Родионова, Наталия Столярова

Фотослужба (E-mail foto@7days.ru) Галина Величко **(директор),** Ирина Ирхина, Василий Максимов, Мария Олендская, Алиса Петрова, Олег Сендюрев

Отдел политики («В России») Сергей Авдеенко **(зав. отделом),** Александр Гольц, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Александр Рыклин, Никита Соколов **(редактор),** Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**

Отдел международной жизни («Вокруг России») Сергей Строкань **(зав. отделом),** Леонид Велехов, Екатерина Лазарева **(редактор),** Евгений Пахомов

Отдел экономики («Дело») Наталья Калинниченко **(зав. отделом),** Ирина Андреева, Ирина Розенберг, Светлана Солодовник **(редактор)**

Отдел общества («Общество») Елена Каменская **(зав. отделом),** Татьяна Аскери **(редактор),** Елена Груева, Борис Жуков, Ирина Карагеева **(редактор),** Кира Реминева, Борис Старцев

Отдел спорта («Спорт») Илья Кухин **(зав. отделом)**

Отдел искусства («Искусство», «Библиотека», «Художественный дневник») Дина Годер **(зав. отделом),** Юрий Гладильщиков, Марина Голубовская **(редактор),** Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**

Служба интернет-версии Егор Быковский **(исполнительный редактор),** Дмитрий Генин, Наталья Косарева

Координатор группы репортажей Маша Гессен

Переводы с английского Александр Богдановский

Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина

Корректура Наталья Александрова, Белла Бург, Елена Волгинская, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Прянишкова

Бухгалтерия Оксана Журавлева, Людмила Корчагина, Светлана Родионова

Референты Ирина Костылева, Анна Лощилина, Елена Репина, Елена Черкасова, Мария Уварова

Водители Александр Жафяров, Александр Попов

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail itogi@7days.ru, телефон (095) 753 3004

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
Гигиенический сертификат № 77.99.6.953.П.9384.3.00 от 06.03.2000 г.
ISSN 1027-3964 Подписной индекс 75547

Учредитель и Издатель ЗАО «Издательство «Семь дней» (www.7days.ru)
Исполнительный директор Артур Сепишев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева

Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»: Нана Цобехия **(директор),** Ирина Минабди **(зам. директора),** Нина Акопян, Ольга Василевская, Светлана Долгих **(старший менеджер),** Елена Потинова, Ирина Пятакова, Ирина Панфилова, Дина Шульгинская, Инна Зайцева **(старший координатор по рекламе),** телефоны (095) 753 4145, 753 4146, факс 753 4148

Служба развития производства ЗАО «Издательство «Семь дней»: Игорь Свирин **(директор),** телефон (095) 753 4143

Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»: Елена Камкина **(директор),** Татьяна Голубева, телефон (095) 195 9236

Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней» Александр Магазаник **(директор),** телефон/факс (095) 753 4104

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется: АО «Международная книга», тел. (095) 238 4967, факс (095) 238 4634; **фирмой East View Publications,** тел. в США (612) 550 0961, факс (612) 559 2931

Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»: Василий Черный **(директор),** Олег Дёмкин, Роман Балашов, Лев Галустов, Андрей Борщевский **(технолог),** Татьяна Бутенко, Татьяна Захарова, Наталья Гапанина, Саша Милоградова, Александр Мельцын, Алексей Вольногорский, Владимир Скок, Владимир Осташов, Максим Семенов, Валерий Чиж, Артем Юркевич, Андрей Юмашев

Номер подписан в печать 18 августа 2000 года
Отпечатано в объединении **Alprint** (Финляндия). Тираж 85 000 экз.
Цена свободная